

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 11

Сборник научных работ
молодых филологов

ТАРТУ 2000

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 11

*

Сборник научных работ
молодых филологов

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 11

Сборник научных работ
молодых филологов

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Редколлегия: М. Артемчук, Н. Бурдакова, О. Бурдакова, М. Драгунова, О. Жужжалова, К. Кару, Е. Кривенкова, М. Кривенкова, О. Лагашина, М. Михеева, А. Семененко, М. Сморжевских, Т. Троянова, И. Фрайман.

Ответственные редакторы:

Т. Фрайман (литературоведение)

О. Паликова (лингвистика)

Технические редакторы:

С. Долгорукова (литературоведение)

К. Кару (лингвистика)

© Статьи и публикации: авторы, 2000

© Составление: Отделение русской и славянской филологии
Тартуского университета, 2000

ISSN 1406-0019

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press

Tiigi 78, Tartu 50410

Eesti / Estonia

Order no. 218

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник «Русская филология. 11» представляет читателю статьи, написанные по материалам Международной конференции молодых филологов (Тарту 23–25 апреля 1999 года), в которой приняли участие молодые ученые из Эстонии, Латвии, России и Дании.

Конференция молодых филологов, ежегодно проходящая в Тарту с конца 1940-х гг. и в начале 1990-х ставшая международной, — не только школа для начинающих исследователей, она имеет и собственный научный статус. Многие ее гости становятся впоследствии участниками «больших» конференций, проводимых отделением русской и славянской филологии Тартуского университета. И это, на наш взгляд, свидетельствует о серьезности подобных студенческих мероприятий (равно как и появление по их образцу конференций молодых филологов в других университетах).

В литературоведческой части предлагаемого тома собраны статьи, посвященные отдельным сюжетам истории русской литературы от древней до XX века и сосредоточенные преимущественно вокруг двух обширных проблем: реконструкции авторского художественного мира и вопроса межтекстовых отношений. Отсутствие «теоретизирующих» статей свидетельствует о преобладающем интересе молодых ученых к фактам, а не к обобщениям, предшествующим изучению материала.

Лингвистический раздел тома представляет работы из самых разных областей языкознания. Молодых авторов интересует развитие семантики языковых единиц, их грамматика и прагматика (как в рамках одного языка, так и в сопоставительном аспекте), проблемы взаимодействия литературного языка и диалекта; как всегда, присутствуют статьи, содержащие ценные сведения из истории языка.

Мы выражаем надежду, что, несмотря на непрерывные изменения форм академической жизни, «Русская филология» останется живым научным изданием.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О. Устинова. К вопросу о жанровой специфике «Сказания о чуде Николая Мирликийского об утопшем детище» (конец XI в.)	13
М. Сморгжевских. Проблема модальности повествования в послании Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа	18
К. Осповат. К определению литературных функций ранней барковианы	24
А. Веселова. «Чай любезный! Чай драгой!»: анализ одного стихотворения А. Т. Болотова	33
И. Нестеренко. Сравнительный анализ ритмики пятистопного ямба А. С. Пушкина и десятистопника Вольтера	39
И. Фрайман. Рифменное клише «камень — пламень» в русской лирике XVIII – первой половины XIX вв.	50
М. Артемчук. «Немец» и «турок» в лирике Ф. И. Тютчева: контекстуальные синонимы	58
М. Шмонина. Функция тютчевских реминисценций в лирике Вл. Соловьева	64
Е. Виноградова. Гамлет — Подколесин: «амплитуда» характера Лопухина (об одной цитате в «Вишневом саде» А. П. Чехова)	71
М. Драгунова. Повесть В. Я. Брюсова «Моя юность» как родословная «нового» искусства	77

Я. Берсон. Аспектуально-темпоральные особенности поэтического текста («Враждебное море» М. Кузмина)...	82
Й. Кюст. Наркомания как дискурсивно-этическая проблема: к интерпретации рассказа М. А. Булгакова «Морфий»	88
Е. Волкова. Мотив «дома» в белых пятистопных ямбах Вл. Ходасевича	94
Г. Утгоф. «A Brilliant Young Balt»: Балтийский след в романе В. Набокова «Посмотри на Арлекинов!»	99

ЛИНГВИСТИКА

С. Сай. Некоторые особенности взаимодействия диалекта с литературным языком (по материалам диалектологической экспедиции в Белозерский район Вологодской области)	107
Е. Руднева. Кирилл Туровский «Притча о душе и теле»: лексическая организация древнерусского текста	116
Е. Антушева. К этимологии слова <i>ковчег</i>	126
Д. Миронов. К вопросу о семантике глагола <i>хотеться</i>	140
С. Полковникова. Глаголы речевого общения в лексической системе русского и латышского языков	148
М. Третьяк. Некоторые аспекты выражения категории посессивности в чешском и русском языках (на материале перевода прозы И. Бунина)	156
Ю. Шкурат. Перформативные высказывания запрещения и разрешения в русском и эстонском языках	164
К. Кару. О возможностях семантической классификации уступительных конструкций (на материале русского и эстонского языков)	172

Я. Калугина. О некоторых дискурсивных словах с общим семантическим признаком «уступка» в русском языке	182
О. Кузьмина. Нетривиальная функция числительных (на материале рекламных текстов)	195
Ю. Дараган. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи	201
А. Юминова. Развитие семантики идиом семантического поля «смерть» в современном русском языке	210
И. Адамсон. Соматические фразеологизмы с компонентом <i>рука</i> в русском и эстонском языках	218
И. Милевич. Эмоционально-экспрессивные средства языка на газетной полосе	224
К. Ильвес. Некоторые особенности заголовков в современной русскоязычной прессе Эстонии	231
Н. Чуйкина. Сравнение как основа организации лейтмотивного образа в прозе Леонида Андреева	238
О. Болотова. К вопросу о типологических характеристиках разных видов речи (на материале русского и немецкого языков)	244

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ «СКАЗАНИЯ О ЧУДЕ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО ОБ УТОПШЕМ ДЕТИЩЕ» (КОНЕЦ XI в.)

Ольга Устинова
(Санкт-Петербург)

«Сказание о чуде Николая Мирликийского об утопшем детище» (далее — «сказание»), дошедшее до нас в многочисленных списках, относящихся по большей части к XV–XVI вв., было создано в Киеве в 90-е годы XI в.¹ Текст «сказания» привлекал внимание исследователей уже с конца XIX в., упоминания о нем встречаются и в современных работах, посвященных исследованию литературных и иконописных произведений о св. Николае². Однако на сегодняшний день существует только одно специальное исследование текста «сказания» — это работа А. В. Багрия (1914)³, установившего наличие двух типов текста «сказания» и, вслед за исследователями XIX в., определившего время его создания концом XI — началом XII вв. Но и после его исследования остается много нерешенных вопросов, связанных с этим текстом, в том числе вопрос о жанровой специфике текста «сказания».

Исследователями древнерусской литературы не раз отмечалось жанровое своеобразие «сказаний о чудесах», относящихся к более позднему времени развития литературы (XV–XVII вв.). Так, Л. А. Дмитриев⁴ в своей монографии в связи с жанром агиографии пишет, что «повествовательная, бытовая, иногда занимательная природа рассказа о чуде противоречила канонам житийного жанра, как жанра церковно-служебного»; Н. С. Демкова, обращаясь к изучению «Повести о Марфе и Марии» (XVII в.), замечает, что она «представляет собой переходную форму от агиографического жанра “сказания о чуде” к повести». «Повесть о Соломонии бесноватой» (XVII в.) первоначально являлась одним из чудес, присоединявшихся к Житию Прокопия Устюжского, а впоследствии существовала как отдельное самостоятельное произ-

ведение⁵; М. Р. Приклонская пишет, что «Повесть о Савве Грудцыне» сходна по сюжету с одним из чудес сборника «Звезда Пресветлая», перевод которого появился на Руси во второй половине XVII в.⁶ Однако история литературы старшего периода знает немало примеров, когда «сказание о чуде» выходит за рамки обычного повествования. Это наблюдение можно проиллюстрировать на примере «сказания» Николая Мирликийского.

Обращаясь к этой проблеме, невозможно обойти вниманием рукописную традицию текста «сказания». Сейчас нам известно 46 списков этого текста (38 из них были выявлены московской исследовательницей М. С. Крутовой⁷ в рукописях РГБ и 8 — нами в рукописях РНБ). Даже такое, сравнительно небольшое, количество списков позволяет установить, что текст «сказания» в рукописной традиции был представлен не двумя типами текста, как писал А. В. Багрий, а тремя его разновидностями, названными нами: **полной** (12 списков), **сокращенной** (17 списков) и **краткой** (16 списков) редакциями. А. В. Багрию были известны только полная и сокращенная редакции, из которых, по его мнению, сокращенная является вторичной по отношению к полной. Обнаружение третьей, краткой редакции ставит вопрос о первичности редакций, тем более, что самый ранний список краткой редакции восходит к XV в., а полной — только к XVI в. К данной проблеме возможны два теоретических подхода:

1. Краткая редакция — первоначальна; при дальнейшем ее редактировании в XV–XVI вв. текст распространяется (т.е. появляется полная редакция). Такое явление возможно, история создания сказания XI в. «Чудо св. Климента о отрочати», представленного двумя вариантами (первоначальным — без похвалы, и более поздним — с похвалой), только подтверждает возможность подобного вывода⁸.
2. Полная редакция является первоначальной, а при дальнейшем ее редактировании похвала могла быть утеряна или исключена редактором.

Сравнение текстов обеих редакций позволяет установить, что первоначальным был текст полной редакции: в нем, в отличие от текста краткой редакции, нет явных сокращений, приводящих к неясности текста; во вступительной части, отсутствующей в

тексте краткой редакции, уподобление Руси «новому винограду», русских людей — «новым людям», перечень народов («Латине, Сириане, Грекы») имели значение для XI в., а не для XVI в. Что же касается происхождения краткой редакции, то здесь, по-видимому, редактор приспособлял имеющийся у него более полный текст «сказания» к обычному типу сказания о чудесах (напр., к «Сказанию о чудесах Бориса и Глеба»), обязательными композиционными мотивами которого являются: болезнь героя (слепота, хромота, немота) — молитва святому — исцеление героя вследствие молитвы. Кроме того, о более раннем появлении полной редакции свидетельствует и сам жанр «сказания» — жанр похвального слова, созданного на установление праздника в честь иконы Николы Мокрого.

Для выявления характерных черт рассматриваемого произведения мною был выбран текст полной редакции XVI в. из Егоровского собрания, как наиболее близкий к архетипному. В первую очередь следует отметить деление текста «сказания» на три части (что сближает его с другими оригинальными произведениями Древней Руси, относящимися к жанру эпидейктического красноречия; сочинениями Кирилла Туровского и Иллариона): вступление (похвала Богу и Киевской Руси) — основная часть (рассказ о чуде) — заключение (установление праздника в честь иконы и молитва). С произведениями торжественного красноречия «сказания» роднит также использование одних и тех же стилистических приемов, напр., риторическое обращение к слушателям (в данном случае к братии), риторические вопросы и восклицания, с помощью которых достигается эмоциональность речи («Въистинну, кто изглаголитъ силы Господня. Или кто слышаны сътворитъ вся хвалы Его!»; «Что ми сътвори, имѣюще ми тебе заступника?»; «Кто бо три мужа избави от смерти?»; «А многа дивна чюдеса сътворилъ еси!» и т.д.); использование антитезы (Русь как «новый виноград» противопоставляется иудейству); кроме того, текст «сказания» насыщен цитатами из Библии, библейскими сравнениями («Аще имате вѣру, яко зерно горошично, не токмо сиа чюдеса сътворите, яже азъ творю, но и большаа сихъ сътворите»; «Вся бо человеку в пѣчали приходитъ злаа: аще бы запове-

ди Сътворшаго мя непорочно съблюю, то вся бы ми тварь покорялася, аже и Адаму преже съгрѣшениа»). Важна и ритмическая организация текста «сказания» — главным образом, синтаксические повторы: синтаксическая конструкция одного высказывания повторяется в последующих («Но се скажу, еже довлѣть мало силою моею. Се преже скажу, еже сътворися въ градѣ Києве»); параллелизм целых предложений («Кто Агрикова сына въ мгновении ока изыть от земля Срацыньския и въ стране Антиохииестеи постави» — «Кто изъ дна моря вземъ человека утопша, въ едином часѣ помолишася тебе и обрѣтеся въ хлевине дому своего»), параллелизм частей предложения («Нынѣ разумѣхъ», «нынѣ познахъ», «нынѣ преидохъ»), параллелизм грамматических форм («дасть» — «предаетъ»); в смежных предложениях, имеющих аналогичное строение, изоморфизм членов («Но мои грѣси умножилися, моя безакония бѣду творять»); в тексте «сказания» встречаются анафорические («Но отче святыи» — «но мои грѣси») и эпифорические повторы («разумехъ» — «познахъ» — «преидохъ» — «заблудихъ»); ритмическая структура «сказания» создается и посредством последовательного употребления глаголов в форме императива («Иди в Русь», «Иди в Русию»).

Помимо самой структуры текста, важным является литературное окружение «сказания». В списке Егоровского собрания (Ег-875) оно входит не только в состав «Торжественника» и «Златоуста», но и в состав произведений, посвященных Николаю Мирликийскому и относящихся к произведениям торжественного красноречия: «Слово похвальное о житии св. Николая», «Слово о смерти», «Слово о перенесении мощей Николая Мирликийского».

Предположению, что «сказание» относится к памятникам ораторской прозы и что полная редакция текста является первоначальной, не противоречит и история создания таких похвальных слов, как «Слово о князьях» (XII в.)⁹ и «Слово о Лазаревом воскресении» (XII в.)¹⁰, в которых, подобно нашему «сказанию», вступительная часть — похвала — имелась изначально, а при поздней переписке была утеряна или исключена.

Таким образом, проблема жанровой специфики так называемых «сказаний о чудесах» представляет значительный интерес

для исследователя, и к тому же она является существенной как для изучения древнерусской литературы старшего периода, так и для исследования процесса ее дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При переводе греческого жития Николая Мирликийского на славянский язык (конец XI в.) к комплексу греческих сказаний о посмертных чудесах, читаемому, как правило, в конце жития святого, было прибавлено несколько «русских сказаний», в том числе и «Сказание об утопшем детище».
- ² *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982; *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997; *Еремина Т. С.* Мир русских икон и монастырей. История, предания. М., 1998. С. 370–379; *Смирнова Э. С.* Тематика иконопочитания в русских житийных иконах XIV–XVI вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство (Раппопортовские чтения). СПб., 1999. С. 122–125; *Sevchenko P. N.* The Life of Saint Nikolas in Byzantine Art. Torino, 1983 и др.
- ³ *Багрий А. В.* Киевский список чуда св. Николая об утопшем детище // Известия ОРЯС АН, 1914. Т. 19. Кн. 2. С. 264–280.
- ⁴ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского севера как памятник литературы XIII–XVII в. Л., 1973. С. 13–95.
- ⁵ *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 103–121; 121–135.
- ⁶ *Поклонская М. Р.* «Звезда Пресветлая» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 1. СПб., 1992. С. 398–400.
- ⁷ *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.
- ⁸ *Бегунов Ю. К.* Русское слово о чуде Климента Охридского и кирилло-мефодиевская традиция // Slavia. Praha. 1974. Roc. 43. Ses. 1. S. 6–46.
- ⁹ *Линденберг О.* «Слово о князьях» (проблема соотношения списков) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 3–14.
- ¹⁰ *Рождественская М. В.* «Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций) // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 64–67; *Она же.* К истории текста «Слова о Лазаревом воскресении» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 45–59.

ПРОБЛЕМА МОДАЛЬНОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОСЛАНИИ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА О СМЕРТИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

Мария Смержевских
(Тарту)

Послание Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа¹ — один из самых загадочных памятников русской литературы XVII в. Среди немногочисленных работ, посвященных изучению послания, полнотой анализа выделяется статья М. Г. Кротова². Исследователь обращается к вопросу модальности текста и выдвигает концепцию, согласно которой послание Алексея есть “анти-повесть о смерти”, саркастический текст, посредством которого царь осуждает умершего патриарха, используя смех как орудие хулы [171–176]. Письмо царя М. Г. Кротов ставит в ряд таких текстов, как “Служба кабаку” и “Повесть о бражнике”, отмечая, что, как и в этих произведениях, в послании Алексея нашел отражение “литургический юмор”, направленный на осуждение греха [172]. Такое понимание послания Алексея является, на наш взгляд, серьезным основанием для полемики.

Письмо царя исследователь относит к жанру “повестей о преставлении”. Памятники этой группы автор статьи делит на повести о преставлении князей и повести о преставлении монахов. По мнению М. Г. Кротова, для первой жанровой ветви характерно описание мучительной смерти и уподобление княжеского достоинства царственности Иисуса: как позорная смерть Иисуса выявляла несокрушимость царского достоинства, так и страдальческая кончина князя (причем не обязательно за христианскую веру) подчеркивала княжеское достоинство [152]. Для повестей о преставлении монахов характерна “противоположная трактовка смерти, выбор для описания не позорной и мучительной кончины, а благообразной, умиротворенной”, соответственно, мучительная смерть монаха должна осмысляться как указание на

грех [154]. Исследователь перечисляет ряд “этикетных клише”, характерных для данной жанровой ветви, а трансформацию этих клише в “Повести” Алексея объясняет наличием иронического подтекста.

Так, например, сарказм Алексея М. Г. Кротов видит в указаниях на тщеславие патриарха и неспособность предчувствовать скорую смерть, о чем, по мнению исследователя, свидетельствуют следующие эпизоды: 1) Иосиф в Успенском соборе обращается с просьбой к царю: “пожалуй де, государь, меня тутъ грешнаго погRESTь” (т.е. в ногах у патриарха Иасафа), и Алексей комментирует эту просьбу: “и какъ отецъ нашъ преставился, и я грешный воспомянулъ его государевы слова, какъ мне приказывалъ, где велелъ себя положить, и место выпросилъ”³; 2) последующее замечание царя об Иосифе: “только дня не ведалъ, въ который день Богъ изволить взять, и мне грешному его святительские слова въ великое подивление, какъ есть онъ <...> пророкъ пророчествовалъ себе про смерть ту свою”⁴; 3) троекратное “пытание о здоровье” (когда Иосиф, чувствуя себя совсем плохо, выражает надежду на исцеление).

Комментируя первый эпизод, М. Г. Кротов пишет: «слово “приказывает” иронично само по себе, поскольку резко противоречит сути разговора <...> и вдвойне иронично в соседстве со словом “выпросил”. Выпрашивание особенно компрометирует Иосифа, если учесть средневековую традицию, по которой подвижник-монах не только не заботился о месте своего погребения, но из смирения от погребения по чину вообще отказывался» [158].

Однако слово “приказывати” имело и значение “завещать”⁵, в связи с чем указание на иронию не вполне корректно. Кроме того, неправомерно, на наш взгляд, и сопоставление с “подвижником-монахом”, если принять во внимание тот факт, что именно при Иосифе Успенский собор становится “усыпальницей глав русской церкви”⁶. Скорее Иосиф, давно уже не являвшийся полноправным патриархом, просил царя о последней милости к себе: погребсти его рядом с другими патриархами, там, где он и должен быть погребен, согласно своему статусу. В таком случае данный эпизод демонстрирует не гордыню или тщеславие Иосифа, а

горечь и неуверенность патриарха, который опасается, что и последней милости его могут лишить. Тогда нельзя оценивать как “саркастическую ремарку” и последующее замечание Алексея (эпизод 2) — напротив, царь намекает на то, что Иосиф, видимо, предчувствовал смерть.

В “пытаниях о здоровье” (эпизод 3) исследователь усматривает “юмор абсурда”, отмечая, что в каждом ответе патриарха “первая половина фразы абсолютно исключает вторую”, как, например, в словах Иосифа: “Есть де легче: прямая де лихорадка, и знобит, и в жар великой приводит” [160]. Здесь же исследователь пишет: “причем выше ничего не сказано о возможном более тяжелом состоянии здоровья патриарха” [160]. Однако о более тяжелой болезни упомянуто ниже: “чаю де, что покинет, — говорит Иосиф о болезни, — и летость <т.е. “летом”>. — М. С.” так же была”⁷. Очевидно, что эти слова и объясняют ответ патриарха “есть де легче”. Иосиф просто сравнивает свое теперешнее самочувствие с тем, которое было летом.

Далее как насмешку М. Г. Кротов оценивает слова Алексея, обращенные к Иосифу: “благослови и третицию” [161]. Почему именно насмешка заключалась в просьбе Алексея (тогда как ничего из ряда вон выходящего и тем более смешного в многократном благословлении нет, особенно в Страстную Среду), исследователь не объясняет.

Малоубедительны, на наш взгляд, и остальные примеры, приводимые автором статьи. Кроме того, в рассуждениях исследователя обнаруживается серьезное противоречие, когда речь идет о позиции Алексея. Так, комментируя описание похорон, М. Г. Кротов пишет, что царь не желает, чтобы патриарха осуждали все, поскольку “остерегается греха осуждения” [167]. Далее, однако, исследователь делает вывод о том, что посредством смеха Алексей смог охулить умершего патриарха [171]. Возникает вопрос: каким образом боязнь греха осуждения могла сосуществовать с намеренной хулой (т.е., по сути, тем же осуждением)?

Сама насмешка над смертью, по мнению М. Г. Кротова, допустима потому, что в средневековье бытовало “деловое, жизненное отношение к смерти”, и была страшна «не физическая смерть, а “смерть вторая” <...> — полное уничтожение личности

на Страшном Суде» [170–171]. Скорее, именно страх перед Страшным Судом и делал невозможным саркастическое описание безобразной смерти: средневековое представление о том, что над муками грешников смеются только бесы в аду, оставалось неизменным и в XVII в.⁸

Не вызывает сомнения, что безобразная смерть патриарха осмысливается Алексеем как указание на грех. Об этом свидетельствуют рассказ о предсмертном видении (во время Елеосвящения Иосиф видит нечто, от чего закрывается руками, прижимается в ужасе к стене), детальное описание разложения, заведомо противопоставленное описанию нетленных мощей патриарха Иова, акценты на нарушении ритуала (все, кто должен был находиться в церкви подле тела Иосифа, разбегаются; при гробе патриарха читается Псалтирь, а не Евангелие; лицо патриарха не накрыто воздухом; при погребении забывают звонить в колокол).

В XVII в. тема разрушения человеческого тела очень устойчива, она находит отражение в сочинениях о Смутном времени, в описаниях раскольничьих самосожжений и соотносится прежде всего с указанием на греховность человека. Если в средневековье эта тема возникает преимущественно в житийных текстах, и авторов интересует описание смерти праведников и, соответственно, побеждаемая телесность, то XVII в. вносит новое в решение темы смерти: авторский интерес сосредоточен теперь на описаниях болезни и смерти грешников, побеждаемых своей телесностью. Такая смена акцентов обуславливается в этот период как общими эсхатологическими чаяниями эпохи, так и проявлением в русской литературе тенденций западноевропейского барокко, когда тема “*vanitas*”, мотивы и образы Страшного Суда усиливаются.

К описанию Страшного Суда обращается русская силлабическая поэзия. В произведениях Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобочко Страшный Суд предстает как “образ истины”⁹, момент выявления того, что при жизни человека было сокрытым.

Ярчайшее описание этого — в поэме Андрея Белобочко “Пентатеугум”¹⁰. Страшный Суд здесь — демонстрация тайного “божественного суждения”, которая осуществляется посредством

видимых знаков: тело человека после смерти становится отображением души, “иероглифом сущности”¹¹. (Чем праведнее человек был при жизни, тем благообразнее его тело, предстающее перед Страшным судом, и наоборот: чем более человек греховен, тем безобразнее его плоть.)

Страшный Суд, таким образом, “является необходимой знаковой консумацией божественного “суждения”, сам факт существования которого подразумевает свое будущее изображение знаками, воплощение в жизнь, в очевидность”¹².

Такое же осмысление Страшного Суда находит, на наш взгляд, отражение и в ряде прозаических текстов, где описание смерти занимает одно из центральных мест, как, например, в “Сказании” Авраамия Палицына или в “Отразительном писании о новоизобретенном пути самоубийственных смертей” инок Евфросина. “Повесть о преставлении патриарха Иосифа” — один из интереснейших памятников в этом ряду.

Послание Алексея по праву может быть названо текстом своей эпохи, в котором традиция описания смерти грешника представлена очень ярко и полно. Но позиция автора в этом тексте, безусловно, — позиция наблюдателя, который не судит и, тем более, не осмеивает, но интерпретирует происходящее как знак Высшего Суда, как воплощение невидимого божественного суждения в зримый и осязаемый образ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856. С. 156–179.

² Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы XVII – нач. XVIII вв. М., 1989. С. 149–178 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страницы в квадратных скобках).

³ Собрание писем. С. 158.

⁴ Там же.

⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Стлб. 1410.

- ⁶ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. М., 1995. С. 180.
- ⁷ Собрание писем. С. 160.
- ⁸ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.
- ⁹ Осташевский Е. Страшный Суд, или Как тайное становится явным (По мотивам второй книги “Пентатеугума” Андрея Белобоцкого) // Видимость незримого. СПб., 1996. С. 235.
- ¹⁰ Андрей Белобоцкий. Пентатеугум // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 44–64.
- ¹¹ Осташевский Е. Ук. соч. С. 235.
- ¹² Там же.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФУНКЦИЙ РАННЕЙ БАРКОВИАНЫ

Кирилл Осповат
(Москва)

Несмотря на существование в научной литературе последних лет содержательных исследований, посвященных барковиане и описывающих ее функционирование в словесности XVIII в. (так, М. Шруба констатирует «значительную степень причастности барковианы к “культурной памяти” русской культуры» той эпохи [Шруба 1995а: 144]), открытым, по сути, остается вопрос о внутренних стимулах возникновения обценных стихотворений, о тех механизмах, которые могли бы оправдать создание подобного рода текстов в сознании их авторов¹. В старых работах Б. В. Томашевского и Г. П. Макогоненко в качестве такого стимула называется либо стремление к сатирическому осмеянию внешней действительности (см.: [Ирои-комическая поэма: 249–253]), либо намерение ниспровергнуть и «пародировать все жанры классицизма» [Макогоненко 1987: 157]. Однако неспособность этой «отрицательной» теории объяснить литературную природу рассматриваемого пародийного пласта демонстрируется симптоматичным утверждением Макогоненко, что «в решении позитивных задач Барков оказался беспомощным» [Макогоненко 1987: 161].

В настоящее время нет возможности говорить о конкретных полемических функциях барковианских од 1750–1760-х гг. Не потеряло пока актуальности замечание В. П. Степанова о «полной неизученности “барковианы” в <...> историко-литературном отношении (круг авторов, их литературная позиция, атрибуции, связь с сатирической традицией и т.п.)» [Степанов 1988: 61]. Разрешению этой проблемы может отчасти способствовать уяснение жанровой природы обценных стихотворений.

Еще Гуковский проникательно отнес барковиану к «травестийной новобурлескной поэзии», которая «после Сумарокова <...>

приобрела права гражданства» в русской литературе [Гуковский 1998: 160; ср.: Макогоненко 1987: 158]. Действительно, во многих текстах «барковского» корпуса буквально исполняются инструкции Сумарокова, данные в «Эпистоле II, о стихотворстве» для написания «смешных героических поэм». В первую очередь это относится к «Оде кулашному бойцу». Так, к наставлениям Сумарокова восходит заглавная тема оды; ср. в «Эпистоле...»:

В одном* богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не на войну идет, в кулачный бой,
Не воинов, бойцов ведет на брань с собой
[Сумароков 1935: 190],

и в «Оде...»:

Хмельную рожу, забияку,
Рвача, всесветна пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Ширия в плечах бузника.
<...>
Между кулашного я боя
Узрел пинков, тычков героя.
С своей, Гомерка, балалайкой,
И ты, Виргилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой,
Дрались, что куры под стеной.
<...>
Сюда вы лучше погляните —
Иль здесь голов удалых нет?
Бузник *Гекторку* — *если в драку,*
Прибьет как стерву и собаку [Барков 1992: 78–79]².

Помимо прямых тематических переключек с сумароковской «Эпистолой...» (выделенных выше курсивом) в этой оде необходимо отметить последовательное воспроизведение того механизма травестии, который Сумароков описал как жанрообразующий для «шутливых поэм», — воспроизведение, подчеркивающее жесткую жанровую локализованность обценного текста. Любо-

* Из двух видов «шутливых поэм».

пытно, что тема «кулашного боя», выступающая и у Сумарокова, и у псевдо-Баркова в качестве своеобразной сигнатуры жанра, сохраняет эту функцию и в последующей традиции. Так ее воспринимает Майков, создатель первой, по признанию Новикова, «правильной шутливой поэмы»; ср. в зачине «Елисея...»:

Пою стаканов звук, покою того героя,
Который, во хмелю ужасны беды строя,
<...>

Бивал и опивал ярэг и чумаков,
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки
<...>

От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики [Майков 1966: 77].

Характерен в этом смысле пример незаконченной поэмы И. Наумова «Ясон, похититель златого руна...» (опубл. 1794), единственная написанная песнь которой представляет собой, по словам Томашевского, «цепь драк, совершенно не мотивированных, не вытекающих из хода действия» [Ирои-комическая поэма: 725]³.

Кроме такого рода «сигналов», функционирующих на мета-жанровом уровне, об ироикомиической природе почти всего корпуса барковианских од свидетельствует объективное и давно отмеченное в науке сходство поэтики псевдобарковских текстов, с одной стороны, и русской ироикомиической поэмы (в частности, майковского «Елисея...»), с другой [Гуковский 1998: 160; Ирои-комическая поэма: 249–253; Макогоненко 1987: 166–168; Степанов 1988: 62; Шруба 1995а: 140–141; Шруба 1995б: 11–12; Шруба 1997: 155–156]. Это сходство обусловлено «смешением двух разных видов бурлеска» [Шруба 1995а: 140–141; Шруба 1995б: 11–12; ср.: Ирои-комическая поэма: 79; Степанов 1988: 61], которое в обоих случаях приводит к столкновению противоположных по своим стилистико-иерархическим характеристикам лексических пластов. «Смешивается высокая и низкая лексика <...>, а стилистические приемы и формальные признаки героического эпоса контрастируют с низкими языковыми элементами низких жанров» [Шруба 1995а: 140; ср.: Шруба 1995б: 11]⁴.

Гипотезе о единой жанровой природе обценных од и печатных ироикомиических поэм не противоречит и употребленное Су-

мароковым обозначение «поэма». В текстах рассматриваемого периода это слово, по сути, лишено той терминологической определенности, которую ему привыкли придавать в наше время: А. Н. Соколов в специальном исследовании отмечает, что «термин *п о э м а* у Скалигера применяется ко всем стихотворным родам, и большим <...>, и малым <...>. Это широкое понимание термина <...> сохранилось в течение XVI–XVIII вв. и было принято русской литературной теорией» [Соколов 1955: 635]. В широком значении это слово использует и Сумароков, например, в «Ответе на оду Василья Ивановича Майкова»:

Ты будешь на верхах Парнаса неотложно:
Благоуханные там рви себе цветы,
И украшай одними
Ими
Свои поэмы ты! [Сумароков 1935: 290].

(Из контекста явствует, что речь здесь идет не о «смешных поэмах», прославивших Майкова, а о торжественных одах.) Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения литературного мышления эпохи барковианские оды даже в формально-терминологическом отношении отвечают жанровой дефиниции «шутливой поэмы», данной в сумароковской «Эпистоле...».

О рецепции ранней барковианы как корпуса «правильных» жанрово организованных текстов есть достаточно свидетельств; например, позднейшее (написанное уже в 1770-е гг.) «Подношение Белинде», открывавшее в списках «Девичью игрушку», содержит аллюзию на образцовую ироикомическую поэму А. Попа «Похищение локона» (*The Rape of the Lock*, 1714; рус. пер. 1762). В качестве правильного и образцового автора («русского Скаррона») воспринимает Баркова Майков (см.: [Макогоненко 1987: 166–168; Шруба 1995а: 141–143; Шруба 1995б: 12–13]; ср. в «Елисе...» обращение к «гудку»: «Ступай своим путем, последую Скаррону, / Скорее, может быть, достанешь ту корону, / Которую певцам парнасский бог дает» [Майков 1966: 132]). Характерно, что Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» называет «правильной» именно барковианскую поэтику «Елисея...» («вкус Скарронов»), а не «благопристойную

шутливость» «Игрока ломбера»: «Также сочинил он <Майков> прекрасную поэму “Игрок ломбера” и другую в пяти песнях “Елисей, или раздраженный Вахс” во вкусе Скарроновом, *похваляемую больше первыя тем паче, что она еще первая у нас такая правильная шутливая издана поэма*» [Новиков 1951: 325: курсив наш. — К. О.].

Таким образом, традиционное представление о том, что «обценная поэзия находилась <...> за чертой нормальной литературы» [Зорин 1996: 127], нуждается в некоторой корректировке. «Непристойность» и непечатность, вообще говоря, не мешала «низким» текстам считаться литературно организованными и включаться в иерархию «правильных» жанров; так, Барков в предисловии к своему переводу вполне «образцового» Федра упоминает о «непристойном содержании» некоторых его басен [см.: Барков 1764: 3 вне паг.].

В этой связи кажется целесообразным поставить вопрос о функциях обценной лексики, обильно употребляемой авторами барковианы и составляющей, по общему мнению, ее специфическое своеобразие как литературного пласта. Согласно концепции Зорина, в стилистической классификации XVIII в. непристойная лексика «вовсе исключалась из рассмотрения, создавая своего рода “четвертый штиль” <...>» [Зорин 1996: 125]. Думается, однако, что это не совсем так. Сознательная установка ранней барковианы на «правильность» и каноничность скорее заставляет предположить, что обценные слова и топосы представлялись ее авторам законными элементами «низкого штиля». (В «Подношении Белинде», например, вообще отрицается запретный статус мата: «Лишность целомудрия ввела сию ненужную вежливость, а лицемерие подтвердило оное, что заставляет говорить околичнo о том, которое все знают и которое у всех есть», — 40). Употребление матерной лексики (а также «ряда слов, семантически связанных с матерщиной, в частности <...> обозначения гениталий, <...> глагола со значением *futuere*» [Успенский 1996: 67]) и, соответственно, введение эротической тематики диктуется жанровым заданием и мыслится как реализация сумароковской иерархической формулы («Стихи, владеючи высокими делами, / В сем складе пишутся пренизкими словами» [Сумароков 1935: 190]).

«Любовное» и «эротическое» оказывается сигнатурой «низкого»; ср. своеобразное метаописание этого механизма в «Оде победоносной героине пизде»:

Юпитер громы оставляет,
Нисходит с неба для нея,
Величество пренебрегает,
Приемлет нискость на себя (42; курсив наш. — К. О.).

«Эротическая» топка и лексика, как видно, не имеет в барковинских одах «содержательного» значения; она вводится как иерархически локализованный элемент предзаданной стилистической структуры травестийного жанра (но отнюдь не в качестве главной темы, вопреки мнению Зорина; см.: [Барков 1992: 13–14]). По словам Шрубы, «для “Оды Приапу” характерно, что референциальная функция употребленных в ней выражений отступает на задний план в пользу экспрессивной функции <...>». Непечатная лексика становится орнаментом, украшающим аксессуаром» [Шруба 1996: 47]. Об исключительно орнаментально-стилистической, а не содержательной функции непристойной лексики свидетельствует и автор сравнительно позднего рондо:

Ебена мать в своем лишь смысле не кладется,
А в образе чужом повсюду кстати гнется.
Под иероглиф сей все можно пригибать,
Синонима есть всем словам ебена мать (260).

Иерархическая локализация obscene словаря в пределах общей классификации «трех штилей» объясняет и то, почему матерные стихи не выделяются специально из общего пласта «низкой» словесности и разделяют свой тематический и стилистический репертуар с печатными образцами «низких» жанров, отнюдь не чуждавшихся грубой лексики (ср. в майковском «Елисее...» слово «седалище», с которым, по определению пуриста Тредиаковского, «славенороссийский язык <...> соединил <...> гнусную идею» [Куник: 483]) и сниженно-эротической тематики (см. «Елисея...» или, например, «Пригожую повариху...» Чулкова; ср. также басню Майкова «Крестьянин, медведь, сорока и слепень» [Майков 1966: 179–181]).

Вкратце описанный механизм легализации obscene лексик и топики дает возможность уточнить традиционные представления о литературном генезисе «непристойной» поэзии 1750–1760-х гг.; последовательная ориентация на сумароковские дефиниции и языковая практика, противоречащая пуристическим декларациям ломоносовского «Предисловия о пользе книг церковных...» [см.: Зорин 1996: 125], заставляет предположить в их авторах сторонников так называемой «сумароковской школы». Именно этим, скорее всего, и объясняется беспрепятственная легитимация барковианы в позднейших литературных декларациях представителей этого направления (Новикова, Майкова, Хераскова). Вопрос о том, до какой степени вероятно участие самого Баркова в создании obscene текстов, остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь надо сразу оговориться, что нормы и вкусы «большой литературы» в различной мере были актуальны для разных авторов сохранившихся непристойных стихов. Соответственно варьируется и степень литературной организации obscene текстов, объединенных позже в составе «Девичьей игрушки» или оставшихся вне ее. (Очевидна, скажем, разница между «Одой пизде», приближающейся по своим жанровым характеристикам к нематерной «Оде Бахусу» или позднейшим «гудошным одам», и полуфольклорного происхождения песней «Ебливица».) Предметом нашего рассмотрения будут тексты, порожденные «большой литературой» и существующие в ее системе координат. Произведения другого рода относятся к области либо фольклористики, либо психоанализа. (Многие матерные тексты действительно имеют фольклорный, или близкий к фольклорному, характер. Так, А. Л. Зорин и Н. Сапов указывают, что барковианский «сонет» «родственен мелким речевым жанрам народного и скоморошьего творчества» [Барков 1992: 393].)
- ² Далее в тексте при цитировании барковианы будут указываться только страницы данного издания, так как в настоящей статье мы вынуждены опираться исключительно на него.
- ³ Трагедийная сюжетология барковианских од и в других случаях перенимается ироикомическими поэмами; так происходит в тексте

Наумова, заимствующего предполагаемый сюжет не из «высокого» оригинала, а из обценной «Оды на рождение пизды»:

Руно златое, кое греки
В Кояхиде тщилися достать.
При чем прославлена навеки
Язонова пречудна рать.
Когда со змеем он сражался,
В погибель явную вдавался,
Пизда его от ней спасла.
Его ебливая Медея,
Волшебно знание разумея,
На верх сей славы вознесла (104).

На опыт барковизианских од опираются и русские «травестирированные Энеиды», начиная с майковского «Елисея...» и заканчивая знаменитой поэмой Осипова-Котельницкого (заимствующей у своего образца десятистишную одическую строфу. См.: [Шапир 1999: 33]):

Дидона, против всех воюя,
Могла ли ратися с тобой?
На вертеле троянска хуя
Сама изжарилась с пиздой (101).
Эней, оставшись цел на брани,
Погибнул бы в морских волнах,
Пизда коль не простерла б длани
При карфагенских берегах.
Его ебливая Дидона,
Сошедши с царска пышна трона,
Спасла и еть ему дала.
Он еб, пиздою наслаждался,
Но вскоре с нею он расстался,
Отплыв, куда судьба влекла (105).

Вообще, сюжет о Дидоне и Энее относится к одному из самых распространенных в корпусе псевдобарковских од.

- ⁴ Такое «оксюморонное» построение русских «шутливых поэм» (ср., напр., заглавие «Оды пизде») обусловлено конструктивным сдвигом в механизме травестирирования, произошедшим в поэтической практике русских стихотворцев по отношению к теоретической сумароковской модели. Если в категориях Сумарокова (и Буало) суть травестирии обоих видов составляет уничтожение существующего в эпической поэме взаимного соответствия «слов» и «дел», то в русских «шутливых поэмах» вместо «слов» (стиля) объектом снижения становится жанр; «высокие» слова, топосы и тематические ходы оказываются необходимы в «низком» повествовании как приметы исходного и пародируемого эпического жанра.

ЛИТЕРАТУРА

- Барков 1764: Федра, Августова отпущенника, правоучительные басни, с <...> латинских российскими стихами предложенные <...> Иваном Барковым. СПб., 1764.
- Барков 1992: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992.
- Гуковский 1998: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1998.
- Зорин 1996: *Зорин А.* Легализация обценной лексики и ее культурные последствия // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
- Ирои-комическая поэма: Ирои-комическая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского. Л., [1933].
- Куник: Сборник материалов для истории имп. Академии наук / Изд. А. Куник. Ч. II. СПб., 1865.
- Майков 1966: *Майков В.* Избранные произведения. М.; Л., 1966.
- Макогоненко 1987: *Макогоненко Г. П.* «Враг парнасских уз» (О поэзии Ивана Баркова) // Макогоненко Г. П. Избранные работы. Л., 1987.
- Новиков 1951: *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951.
- Соколов 1955: *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.
- Степанов 1988: *Степанов В. П.* Барков // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. (А–И). Л., 1988.
- Сумароков 1935: *Сумароков.* Стихотворения. [Л.,] 1935.
- Успенский 1996: *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2: Язык и культура. Изд. 2-е. М., 1996.
- Шапир 1999: *Шапир М. И.* «Хоть поздно, а вступление есть» («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска) // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3.
- Щруба 1995а: *Щруба М.* Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1995. № 14.
- Щруба 1995б: *Schruba, Manfred.* Барковианский фон бурлескной поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter N 23. November 1995.
- Щруба 1996: *Schruba, Manfred.* О французских источниках барковианы // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter N 24. December 1996.
- Щруба 1997: Резюме // *Schruba, Manfred.* Studien zu burlesken Dichtungen V. I. Majkovs. Wiesbaden, 1997.

**«ЧАЙ ЛЮБЕЗНЫЙ! ЧАЙ ДРАГОЙ!»:
АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
А. Т. БОЛОТОВА**

Александра Веселова
(Санкт-Петербург)

Болотов А. Т. Стихи к чаю

1. О! приятные минуты Я в которые пью чай, Сидючи в уединеньи, Трубочку свою куря.	7. Либо мысли устремлялись В неизмеримость небес И в пределы воспаряли, Где нет более уж звезд.
2. Всякой раз вы доставляли Удовольствие собой И утехой наполняли Недры всей души моей,	8. И где царствует во славе Всей Вселенныя Творец И властитель всемогущий Надо всем и надо мной.
3. Насыщая вкус напитком, Мной любимым навсегда, И приятность придавая Дымом трубочки ему.	9. Тамо мыслями летая, Я себе воображал Тысячи духов несметных, Предстоящих пред Творцом.
4. Я и дух свой в то же время В праздности не оставлял, Но в нем чувства и мысли Недурные возбуждал.	10. Всех служащих и поющих Песни похвалы ему, И готовых в исполнение Всех велений его.
5. Либо книжечка какая Занимала их тогда И приятные минуты Доставляла мне собой,	11. К ним туда я преносился Духом от земли сея И в смиренныя глубочайшем Повергался ко стопам
6. Либо очи насыщались Красотами Естества И весельем непорочным Наслаждались весь мой дух.	12. Всемогущего Владыки Вкупе их и моему, И почтенье изъявляя Достодолжное ему,

13. Я хвалил его и славил,
Благодарность принося,
За все милости, щедроты
Мне оказанные в жизнь.

14. И молил его сердечно
Быть отцом мне и тогда,
Как ему угодно будет
Взять меня туда к себе.

15. Сии мысли улаждали
Еще более мой чай
И минуты соплетали
Драгоценны для меня!

16. И сколь многими такими
Я утешаю Тебе
Был обязан в моей жизни
Чай любезный! Чай драгой!

Стихотворения русского литератора XVIII века А. Т. Болотова почти не публиковались и не были предметом исследования [см. только: Лопарев 1899; Лященко 1893]. Между тем, почти все важнейшие философские и нравоучительные произведения Болотова имеют поэтические “дублиеты”. Рассматриваемое стихотворение является своеобразной квинтэссенцией научно-философской позиции автора и содержит болотовское представление о мироустройстве, его “философию счастья” и концепцию его собственной жизни, а потому представляет интерес с точки зрения анализа содержания.

В “Детской философии” Болотова Госпожа Ц., излагая гелиоцентрическую теорию мироустройства, рассказывает детям, что земля имеет форму шара и окружена небом, как двумя перевернутыми котлами. На небе находятся звезды (удаленные от земли планеты). На вопрос: “А выше сего неба матушка что?” она отвечает: “Там более уже ничего нет, кроме одного Существа Божеского...” [Болотов 1776, I: 152] (ср.: “Стихи к чаю”, строфы 7–8). Далее госпожа Ц. говорит, что видеть Бога человек может после смерти, потому что только “дух духа видеть может” [Болотов 1776, I: 165]. Проблемы пневматологии освещены Болотовым в “разговорах деда с внуком” “О душах умерших людей” [Болотов 1823], где дед рассказывает внуку, что душа есть “эфирное” тело, способное перемещаться с большой скоростью и поселяться на других планетах (ср. строфы 9–10). Таким образом, в нескольких четверостишиях оказываются сформулированы представления Болотова о Боге и о мире.

Строфы 13 и 14 представляют собой вставную молитву [сборник оставленных Болотовым молитв на каждый день недели см.: Болотов 1781]. В статье Е. Щепкиной 1897 г. отмечено, что

Болотов ни разу в своих записках не упоминает Евангелия [Щепкина 1897: 106]. Свидетельства посещения церкви тоже встречаются редко. Молится герой часто, но местом молитвы служит природный ландшафт. Возможно, что в период жизни Болотова в Пруссии на него оказало воздействие протестантство [о протестантизме Болотова см.: Блок 1934: 16]. Так или иначе, Болотов предпочитал “непосредственное общение с Богом”, что подтверждают слова из “Детской философии”: “Бог во всяком месте слышит... Можно Богу и ходя, и сидя, и лежа молиться...” [Болотов 1776, I: 184].

Молитва, по мнению Болотова, должна включать две составляющие: благодарность и просьбу о неоставлении, в том числе и после смерти. Просить о чем-то конкретном человек не вправе, т.к. он “не ведает своей пользы” [Болотов 1781: 25]. Такие молитвы содержатся в “Чувствованиях христианина”: “Если ж святой твоей воле угодно сей день последним моей жизни учинить, <...> то, о Великий Боже! прими последнее мое утреннее моление о том, <...> чтоб дух мой принят был в жилище праведных, не отвергнут от Твоего лица и не лишен того блаженства, которое ты всем любящим тебя обещал и обещаешь” [Болотов 1781: 25] (ср. строфы 13–14). Следовательно, “Стихи к чаю” описывают не только Бога, но и то, как человек может осуществлять с ним связь.

Известно, что философию Болотова отличал утилитарный характер. Отталкиваясь от ряда источников, Болотов создал практическое руководство по достижению счастья, где выстроил логическую цепочку: если Бог вложил в человека стремление к благополучию, то оно будет удовлетворено в этой или в иной жизни. Благополучие же состоит в “снискивании множайших увеселений и в отдалении от себя сколько можно всех неудовольствий...” [Болотов 1784, I: 74], а веселье “не от чего иного, как от исполнения какого-нибудь нашего желания делается” [Болотов 1784, I: 80]. Путем к обретению благополучия является обуздание желаний: “...буде хотим благополучными быть, то надобно нам все желания свои поприбрать хорошенько себе в руки, обуздывать те, которые слишком увеличились и получили над нами могущество и волю <...> возбуждать в себе более такие, которые

легко удовлетворены быть могут, <...> те же, которых исполнение либо противно воле нашего создателя, либо со многими препятствиями сопряжено, колико можно усмирять и угнетать..." [Болотов 1784, I: 99].

Болотов формулирует правила достижения счастья: увеличить в себе любовь к Богу, приучить себя к доступным (мысленным) увеселениям и научиться наслаждаться, размышляя о пользе от увеселения. Лирический герой стихотворения выражает свою любовь к Богу, выбирает мысленные удовольствия: чтение, размышление и созерцание природы (строфы 4–7), и размышляет об этом в стихотворении, т.е. следует всем указанным правилам.

Рассуждая о "конце, на который дана нам нынешняя жизнь", Болотов делает вывод, "что самым первым и главным концом есть не иное что, как производство добродетели, или учреждение наших дел во всем согласно с волею Божескою" [Болотов 1784, II: 226]. Добродетель, как залог будущего блаженства, оказывается естественным стремлением человека. Поэтому герой стихотворения не только выбирает "правильные" наслаждения, но и принимает меры по собственному исправлению, которые, по мнению Болотова, должны быть следующими [см.: Болотов 1784, II: 82–84]:

1. воображение Бога (строфы 8–10);
2. воображение величины мира ("неизмеримость небес") и собственной ничтожности ("в смиреньи глубочайшем повергался ко стопам");
3. живое воображение смерти, т.е. времени, "как ему угодно будет взять меня туда к себе".

Таким образом, на основании сопоставления "Стихов к чаю" с философскими сочинениями Болотова можно сделать вывод не только об отражении научно-философских воззрений автора в одном стихотворении, но и о том, что представленный здесь лирический герой (Болотов) следует всем правилам добродетели. Подобное отношение Болотова к собственной жизни как к идеальной модели характерно для его творчества в целом.

Но теоретико-философские рассуждения заключены в рамку обращений к чаю. Поэтому следует сказать о роли чая в жизни Болотова. Чаепитие было для него ритуалом. Его внук М. П. Бо-

лотов писал: «Дедушка очень любил чай и пивал его всегда однообразно <...> при этом Андрей Тимофеевич читал любимые свои “Гамбургские газеты” и выкуривал трубку турецкого табаку, который у него всегда был смешан с травой мать-и-мачеха и смочен для приятного запаха раствором каскарилы. Он уверял, что курить эту смесь и запивать чаем очень здорово, ибо она способствует легкому отделению в груди мокроты» [Болотов 1873: 741–742]. Это описание совпадает с тем, которое дает сам Болотов в своих записках, где, помимо курения табаку и чтения, упоминается наслаждение красотами природы [Болотов 1871, II: 410–211]. В тех же воспоминаниях внука говорится, что последние 33 года Болотов не менял распорядка дня, считая его правильным. Чай в данном случае — символ традиции, т.е. верно выбранного жизненного пути. Правила добродетельной жизни герой сочетает с ее здоровым образом (стихотворение написано в возрасте 74 лет, Болотов имел основания говорить, что образ его жизни был здоровым), что также является угодным Творцу, ибо Бог создал человека здоровым. А все, что способствует добродетели, носит у Болотова характер возвышенный и поэтический. Поэтому автор совершенно серьезен, обращаясь к чаю “Чай любезный! Чай драгой!”, тогда как уже в XVIII в. традиция торжественного обращения применительно к “сниженному” материалу использовалась в комическом ключе (ср. ломоносовское обращение к бороде или державинское к каше).

ИСТОЧНИКИ

- Болотов 1760: *Болотов А. Т.* Письма к Тулубьеву. 1760–1761. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 29. 175 лл.
- Болотов 1776: *Болотов А. Т.* Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776.
- Болотов 1781: *Болотов А. Т.* Чувствования христианина при начале и конце каждого дни в неделе, относящегося к самому себе и к Богу. Сочинение одного Россиянина. М., 1781.
- Болотов 1784: *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рас-

- суждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. I–III.
- Болотов 1820: *Болотов А. Т.* Стихи к чаю // Болотов А. Т. Собрание мелких сочинений в стихах и в прозе Андрея Болотова. Том VI. 1811–1820. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 70. Л. 7 об.–9.
- Болотов 1823: *Болотов А. Т.* О душах умерших людей. Разговоры у старика с внуком. 1823. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 100. 562 лл.
- Болотов 1871: *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871–1873. Т. I–IV.
- Болотов 1873: *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов // Русская Старина. 1873. Т. VIII. С. 738–753.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок 1934: *Блок А. А.* Болотов и Новиков // Блок А. А. Собрание сочинений. Л., 1934. Т. 11. С. 7–81.
- Лопарев 1899: *Лопарев Х.* Описание рукописей Императорского общества Любителей древней письменности. СПб., 1899. Ч. 3. С. 95–96.
- Лященко 1893: *Лященко А. И.* Болотов Андрей Тимофеевич // Русская поэзия. СПб., 1893. Т. I. Вып. 5. С. 59–65.
- Щепкина 1897: *Щепкина Е.* Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. V. С. 90–106.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РИТМИКИ ПЯТИСТОПНОГО ЯМБА А. С. ПУШКИНА И ДЕСЯТИСЛОЖНИКА ВОЛЬТЕРА

Ирина Нестеренко
(Санкт-Петербург)

Отправной точкой данной работы послужил вывод, полученный Б. В. Томашевским в его исследовании «Пятистопный ямб Пушкина»: «Цезурный пятистопный ямб А. С. Пушкина повторяет по своим словоразделам силлабический строй французского десятисложника конца XVIII века» [Томашевский 1929: 234]. Подобное утверждение, на наш взгляд, требует проверки и проведения сравнительного стиховедческого исследования. Для сравнения необходимы тексты одного временного периода и близкие по стилю, поэтому материалом для данного исследования послужила поэма Вольтера «Орлеанская девственница» (1-я песня, 365 стихов). Сравнение проводилось с поэмой Пушкина «Гавриилиада» (548 стихов). Текст поэмы Пушкина является достаточным по объему для статистической обработки и близким по своим художественно-стилистическим характеристикам к произведению Вольтера.

В современном русском стиховедении при исследовании ритмики стиха широко применяется дескриптивный статистический метод. По мнению французских исследователей, применение данного метода к французскому стиху неактуально [Месшонник 1989: 73]. Этот вывод основан на самой природе силлабического стиха и истории поэтических форм во Франции. Нам применение такого метода представляется возможным с некоторыми модификациями и установлением понятийных и терминологических соответствий.

Так, исходя из анализа фонетических особенностей французского языка, мы считаем эквивалентными понятия «ритмического слова» в силлабо-тоническом стихосложении и «ритмической

группы» во французском стихе (*groupe rythmique* — М. Grammont). Под ритмическим словом понимается комплекс слогов, объединенных одним ударением; он может соответствовать как одному, так и нескольким графическим словам, из которых одно выступает в качестве главного, а остальные являются клитиками. При выполнении ритмической разметки текста «Гавриилиады» мы руководствовались следующим принципом: клитиками являются все безусловно безударные лексические единицы (односложные предлоги, союзы, частицы и т.п.), а также все потенциально ударные слова (односложные местоимения, вспомогательные глаголы и др.). При этом для второго класса клитик существенным является положение слова в ритмической строке и синтаксическая конструкция (ср. принцип дистактного подчинения, отчетливо выраженное противопоставление)¹.

Метрическими определителями французского стиха являются количество слогов в стихе и присутствие цезуры. При подсчете количества слогов ориентируются не на современное произношение, а (за редким исключением) на сложившееся в эпоху классицизма. (Поэтому немое *-e* составляет нормальный слог, если оно находится в позиции между двумя согласными; перед словом, начинающимся на гласную или на *h* непридыхательное, *-e* не произносится и не составляет слога. В конце стиха немое *-e* не входило в счет слогов, оно лишь позволяло воссоздать оппозицию мужской / женской рифмы, и, следовательно, не учитывается при подсчете слогов в нашем исследовании. Также при подсчете слогов учитываются правила гиагуса, диерезы и синерезы.)

Во французском десятисложнике имеются два постоянных ударения на 4-м и 10-м слогах, т.е. обязательная цезура после 4-го слога. Цезура всегда проходит после ударного слога и может отсекают безударный конец слова, относя его ко второму полустишию².

Следует, однако, отметить, что цезура после четвертого слога соблюдается не во всех стихах Вольтера. Мы можем наблюдать стихи с цезурой после 5-го или 6-го слога, хотя, заметим, наши рассуждения в этом случае носят довольно жесткий характер и могут не соответствовать реальному произнесению данных строк. Отклонения в ритмике исследуемого отрывка из поэмы

затрагивают и принцип изосиллабичности стихов (встречаются стихи из 9 слогов).

Обратимся теперь к ритмической организации пушкинского текста. Ритмическая разметка поэмы производилась согласно изложенным выше правилам. В трех случаях нами допущены отклонения от них, так как иначе следовало бы признать наличие в тексте поэмы стихов без цезуры после 2-ой стопы, что не было отмечено ни одним исследователем³.

В тексте «Гавриилиады» Пушкин нарушает правило мужской цезуры, существовавшее во французской системе стихосложения: на 399 стихов с мужской цезурой (73%) приходится 149 стихов (27%) с дактилической. Этот факт может иметь следующее объяснение: русский язык, в отличие от французского, не знает фиксированного ударения, и обязательная мужская цезура ограничивает число используемых форм. Дактилическая цезура может трактоваться как попытка разнообразить ритмику, не отказываясь полностью от цезурной формы ямба⁴.

Анализ распределения стихов поэмы по формам Я5 показывает, что Пушкин совершенно не использует формы $\cup\cup\cup-\cup\cup\cup\cup$, которая довольно частотна во французском стихе⁵. Расхождение в употребительности этой формы ямба и ее ритмического эквивалента может расцениваться как одно из свидетельств несоответствия между ритмикой французского и русского стиха. Однако не следует полагать, что это расхождение отражает намеренный отказ от введения данной формы Я5. Объяснение, скорее, связано с особенностями просодического строя французского и русского языков: в русском стихе ритмические слова длиной в 6 слогов не являются частотными.

При анализе особенностей ритмики того или иного размера выводы строятся на основании анализа не одного, а нескольких параметров; одним из них является частота ударений на каждом сильном месте. Следует отметить, что в силлабо-тонической системе стихосложения введение того или иного размера предполагает вначале освоение метрической схемы и уже на последующих этапах появление ритмических форм, допускающих отклонения от нее.

М. Л. Гаспаров в «Очерке истории русского стиха», вслед за К. Тарановским, говорит о том, что «естественный ритм пяти-стопного ямба дает повышение ударности на 1, 3 и 5 стопах, что соответствует тенденции альтернирующего ритма», т.е. русский Я5 ориентировался на плавный альтернирующий ритм нисходящего типа (1-я стопа сильнее 2-ой), который еще в XVIII в. начал осваивать Княжнин [Гаспаров 1984: 138]. В то же время французскому стиху свойственен альтернирующий ритм восходящего типа (2-я стопа сильнее 1-ой). Полученные при анализе исследуемых выборок статистические данные подтверждают указанные тенденции (табл. 1).

Табл. 1. Распределение ударений на сильных местах в поэме «Гавриилиада»

Номер сильного места	1	2	3	4	5
Число ударений в тексте (абсолютное значение)	462	400	476	185	548
Число ударений в тексте (в %)	84,3	72,99	86,86	33,75	100

В свете исследований Б. В. Томашевского в нашем сравнительном анализе важным оказывается такой ритмический показатель, как статистика словоразделов после каждого слога. Необходимость привлечения этого критерия объясняется тем, что стих воспринимается не как последовательность слогов, ударных или безударных, а как цепь слов (табл. 2 и 3):

Табл. 2. Статистика словоразделов после каждого слога в поэме «Орлеанская девственница»⁶

Номер слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Словоразделов после i-го слога (абсолютное значение)		57	0	354	10	95	142	59	0	259	106
Словоразделов после i-го слога (в %)		15,61	0	96,98	2,73	26,03	38,90	16,16	0	70,95	29,04

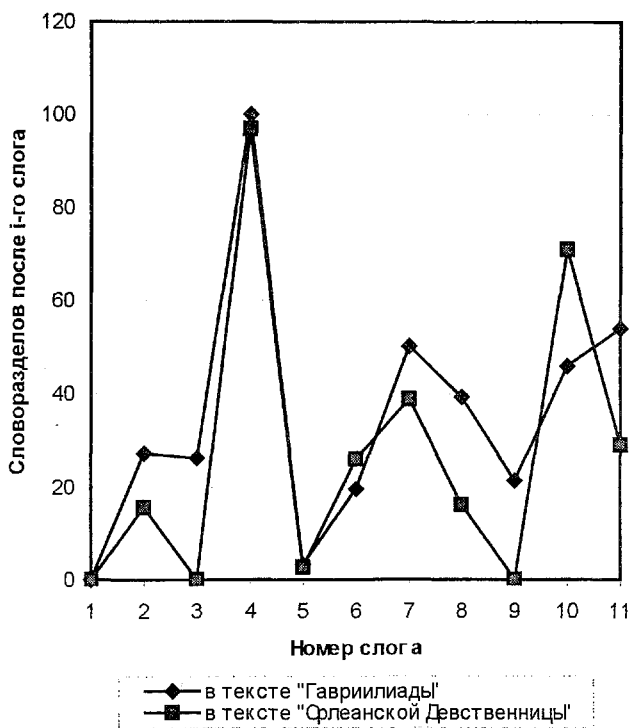
Табл. 3. Статистика словоразделов после каждого слога в поэме «Гавриилиада»

Номер слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Словоразделов после i-го слога (абсолютное значение)		150	144	548	18	107	275	216	117	252	296
Словоразделов после i-го слога (в %)		27,37	26,27	100	3,28	19,52	50,18	39,41	21,35	45,98	54,01

На рис. 1 данные таблиц 2 и 3 для большей наглядности представлены в графической форме:

Рис. 1. Диаграммы словоразделов для французского и русского стиха

Анализируя полученные данные, следует отметить, что и для Пушкина, и для Вольтера максимальное число словоразделов (не считая цезуры) приходится на 7-ой слог. При этом пики кривых приходятся на одни и те же слоги. Б. В. Томашевский отмечал, что в стихе Пушкина данного периода кривая словоразделов превышает кривую ударений на 8-ом слоге, что не свойственно ни одной европейской системе стихосложения⁷.

Максимум на 7-ом слоге свидетельствует также о том, что второе полустишие в русском Я5 обычно начиналось со слов с жен-

ским окончанием. Для французского стиха это является свидетельством того, что во втором полустиишии часто наблюдается инерция, свойственная анапесту в силлабо-тонической метрике, т.е. сечение $3 + 3$ с ударением на 7-ом и 10-ом слогах. Отсутствие же ударения на 3-ем слоге указывает, что это явление не наблюдается в первом полустиишии.

Б. В. Томашевский отмечал, что второе полустиишии Я5 представляет собой прочную ритмическую единицу, тождественную второму полустиишию Я6 [Томашевский 1929: 175]. На основании полученных нами результатов можно выдвинуть гипотезу о том, что французский десятисложник также может удовлетворять условию независимости полустиишии.

Гипотеза о независимости полустиишии была проверена нами с использованием статистического критерия *хи-квадрат*: была построена вероятностная модель стиха, для которого выполняется условие независимости полустиишии. Полученное распределение сравнивалось с имевшимися «эмпирическими» данными, полученными на основе анализа текстов.

Например, для французского стиха наиболее частотными являются четыре ритмических схемы в первом полустиишии и пять во втором. В дальнейшем будем полагать относительную частоту встречаемости ритмической структуры равной ее вероятности. Если два полустиишии независимы, то встречаемость их комбинации равна произведению вероятностей полустиишии, умноженному на объем выборки. Эти принципы позволяют нам построить теоретическую модель стиха, для которого выполняется условие независимости полустиишии. Эмпирические и теоретические данные приведены в табл. 4.

Табл. 4.

Структура	Частота в тексте	Теоретическая частота
4 // 4+2	46	44,588
2+2 // 2+4	13	13,49
2+2 // 3+3	21	21,152
4 // 2+4	72	69,67
1+3 // 6	3	2,416
4 // 6	43	46,26
4 // 1+5	5	4,459
4 // 3+3	114	109,24
2+2 // 4+2	7	8,634
1+3 // 3+3	4	5,706
2+2 // 6	13	8,957
2+2 // 1+5	1	0,863

Гипотеза не была отвергнута ни для французского, ни для русского стихов. По-видимому, сходные тенденции в отношении независимости полустипий указывают на еще одну внутреннюю связь, существующую между данными размерами, принадлежащими двум разным национальным системам стихосложения.

Основной задачей данного исследования было сравнение двух размеров, относящихся к различным системам стихосложения, что потребовало детального описания ритмической организации анализируемых текстов. В результате обнаружили как сходные черты, так и различия.

Сходство проявляется скорее в области метрики. Сравнимые тексты близки по своему сюжетному заданию, что в некоторой степени объясняет выбор метра в «Гавриилиаде». На данном этапе Пушкин еще стремится к соблюдению цезуры после 2-ой стопы, следуя канонам французского стихосложения. Однако особенности языка заставляют идти на некоторые компромиссы: мужская цезура чередуется с дактилической, что позволяет разнообразить ритмику. Сходные черты, выявленные при анализе статистик словоразделов (максимум на 7-ом слоге, пики на одних и тех же слогах), могут быть по-разному объяснены для французского и русского стихов. Эти сходства обусловлены не прямым

влиянием, но вытекают из внутренних свойств поэтического (и национального) языка.

При проверке гипотезы о независимости полустиший она не была отвергнута ни для французского, ни для русского стиха. Этот вывод позволяет в дальнейшем исследовать генетическое сходство между вторым полустишием десятисложного размера и вторым полустишием двенадцатисложного размера.

В области ритмики нам не удалось обнаружить черт, указывающих на влияние французского стиха на русский, — на этом уровне организации поэтического текста фактор национального языка является определяющим в большей степени. Возможно, все объясняется тем, что на уровне метрики действует некоторая абстрактная схема, которая взаимодействует с системой жанров и стилей и может заимствоваться из одной национальной системы стихосложения в другую. На уровне ритмики более важным оказывается фактор языка.

Таким образом, в сознании Пушкина пятистопный ямб связан с французским десятисложником по своему юмористическому заданию, но ритм его стиха не подчинен ритму французского стиха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Проблема ритмического слова в русском стиховедении разрабатывалась в работах В. М. Жирмунского [Жирмунский 1975], А. Н. Колмогорова и А. В. Прохорова [Колмогоров, Прохоров 1985: 124–125].
- ² Поэтому при записи ритмической структуры французского стиха следует меньше всего ориентироваться на графическую форму слова: «Qui monte, et sau'//te, et mousse au bord des verres», «Ma voix est fai'//ble, et même un peu profane».
- ³ Приведем эти спорные стихи: «Но им открыл я тайну сладострастья» (цезура и словораздел после «открыл», хотя по правилам «открыл я» составляют одно ритмическое целое), «Все кажется ей ново, мудрено» и «Умеете вы хитростью счастливой». Все три случая связаны с вопросом об ударности/безударности местоимений, и в двух случаях из трех имеется инверсия сказуемое/подлежащее, выраженное местоимением.

- ⁴ Пушкин обратится к бесцезурному пятистопному ямбу позднее и скажет по поводу стиха, используемого им в «Борисе Годунове»: «Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия», и далее: «Если меня оставят в покое, я буду думать об одних пятистопных без рифм», т.е. о бесцезурном драматическом пятистопном ямбе английского образца.

- ⁵ У Вольтера присутствует 43 стиха с данным сечением, например:

Sous le corset // et sous le cotillion...

В таких стихах отсутствуют вторичные сечения, соблюдается лишь цезура.

- ⁶ При анализе данных, приведенных в табл. 2, следует обратить внимание на соотношение мужских и женских стихов в тексте Вольтера: на первый взгляд, правило чередования мужских и женских рифм не соблюдается. Но понимание мужской и женской рифмы во французском стихосложении менялось в зависимости от правил произнесения/непроизнесения немого *e*. Когда все конечные немые *e* произносились, под мужскими понимались рифмы, состоявшие из ударного слога, открытого или закрытого, а женскими считались рифмы, которые состояли из двух слогов, ударного и безударного, содержавшего беглый *e*. Когда же конечные беглые *e* перестали произноситься, то роль мужских рифм стали играть рифмы конечных открытых слогов, а роль женских — рифмы конечных закрытых слогов. Обычно этот процесс датируется XIX веком, но уже рассмотрение рифмовки Вольтера обнаруживает подобное понимание мужской и женской рифмы: имеем 180 мужских стихов и 185 женских, что согласуется с правилом *alternance*.

- ⁷ К сожалению, мы не можем сделать каких-либо выводов относительно данного явления во французском стихе при нашем понимании ритмического слова в силлабической (в частности, во французской) системе стихосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Пушкин А. С. Гавриилиада // Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 24–37.
Voltaire. *La Pucelle d'Orléan*. 1812.

- Гаспаров 1989: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
- Гаспаров 1984: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984.
- Жирмунский 1975: *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
- Колмогоров, Прохоров 1985: *Колмогоров А. Н., Прохоров А. В.* Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985.
- Томашевский 1929: *Томашевский Б. В.* Пятистопный ямб Пушкина // Томашевский Б. В. О стихе. Статьи. Л., 1929.
- Щерба 1963: *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1963.
- Лотман 1995: *Лотман Ю. М.* Заметки к проблеме «Пушкин и французская культура» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
- Месшонник 1989: *Meschonnic, Henri.* Pour la poétique. I. Gallimard, 1989.
- Milly 1997: *Milly, Jean.* Poétique. Paris, 1997.

РИФМЕННОЕ КЛИШЕ «КАМЕНЬ — ПЛАМЕНЬ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Илон Фрайман
(Тарту)

1. Методологические замечания¹

В статье понятие рифмы трактуется широко и распространяется на содержащие рифмующиеся звуковые комплексы *лексемы*. При таком подходе, строго говоря, речь идет не о рифме, а о рифмующихся словах. Рифма рассматривается с точки зрения поэтической *тематики*. В каждом конкретном употреблении рифменного клише (далее — РК) реализуется определенный тип микросюжета (далее — МС). Под МС подразумевается относительно законченный фрагмент тематического или риторико-тематического развертывания, ограниченный синтаксической конструкцией, включающей в себя лексемы — компоненты РК.

2. Материал

Лирика XVIII – первой половины XIX вв.

Отдельные издания:

Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфиноносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва: В 4 т. СПб., 1804. Т. 1–3; Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 1–3; *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 1–2. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1959. Т. 8; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1962–1965. Т. 1–3; Полное собрание стихотворений графа Хвостова: В 6 т. СПб., 1828–1830. Т. 1–5.

Издания «Библиотеки поэта»:

Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотв. Л., 1989; *Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1964; *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983; *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотв. Л., 1961; *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957; *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980; *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1968;

Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957; Гнедич Н. П. Стихотворения. Л., 1956; Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. Л., 1987; Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984; Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотв. Л., 1959; Дмитриев Н. Н. Полн. собр. стихотв. Л., 1967; Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956; Кантемир А. Д. Собр. стихотв. Л., 1956; Каннист В. В. Избр. произв. Л., 1973; Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1966; Катенин П. А. Избр. произв. М.; Л., 1965; Княжнин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961; Козлов Н. Н. Полн. собр. стихотв. Л., 1960; Кольцов А. В. Полн. собр. стихотв. Л., 1958; Крылов П. А. Стихотворения. Л., 1954; Кюхельбекер В. К. Избр. произв.: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1; Майков В. И. Избр. произв. М.; Л., 1966; Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Л., 1958; Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967; Павлова К. К. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1967; Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987; Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972; Поэты-радищевцы. Л., 1979; Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX вв. Л., 1959; Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л., 1972; Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971; Радищев А. Н. Полн. собр. стихотв. Л., 1940; Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1967; Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.). Л., 1960; Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотв. Л., 1971; Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957; Тредиаковский В. К. Избр. произв. М.; Л., 1963; Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотв. Л., 1987; Хемницер Н. Н. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1963; Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969; Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939; Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

3. Объект

РК «камень — пламень». Особенности данного РК:

- 1) меньший, по сравнению с РК «кровь — любовь», «очи — но-чи», «радость — младость», объем рифменного гнезда (далее — РГ), состоящего только из этих двух лексем;
- 2) РГ, включающее эти лексемы, не образует рифменных цепочек длиной более двух элементов (ср.: «любовь — кровь — вновь»). Тавтологическая рифма также не характерна (ср.: «любовь — кровь — любовь»). Ни один из способов образования рифмопар (по аналогии с синтаксической терминологией) за счет однородных членов и повторов и за счет исключительно повторов не реализуется;
- 3) отсутствие производных РК (ср. «кровь — любовь», «крови — любви», «крови — любви», «кровью — любовью»). Компоненты рифмопары при склонении расходятся по разным РГ. Рифмующиеся части лексемы расподобляются. Причина —

принадлежность к разным типам склонения и чередование звука э/о в слове «камень»;

- 4) не зафиксировано случаев вынесения этих лексем по отдельности в финальную позицию (в белом стихе или в качестве холостого стиха).

Вывод: на РК «камень — пламень» накладываются относительно сильные формальные ограничения. Свобода проявляется лишь в варьировании порядка следования членов рифмопары (в статье не учитывается).

4. Статистические сведения

В рассматриваемом корпусе текстов было обнаружено всего 111 случаев употребления РК в 110 текстах, при этом рифменная пара (далее — РП) «камень — пламень» встречается 49 раз в 48 текстах (дважды — в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Смерть в Мессине» <1835>), «пламень — камень» — 62 раза в 62 текстах. Самое раннее употребление РК датируется примерно 1742 г. — в оде В. К. Тредиаковского императрице Елизавете («Устрой, молчаща давно лира...»), самое позднее — в стихотворении Ф. И. Тютчева «Наполеон» («Два демона ему служили...») <1850>. В обоих случаях — рифма «пламень — камень».

5. Принципы и цели описания объекта

Создание на основе учета значений и контекста, в которых выступают компоненты РК, типологии МС. МС описываются при помощи словесных формул, частично отвлекаемых от рассматриваемых текстов.

6. Типология МС

Рефлексия над РК «камень — пламень»: «Я разрешу тогда, всегда ли будет пламень / В восторженных стихах у русских биться муз / О камень — Рифмачам сей преткновенья камень / И сих упрямых рифм расторгну ль я союз?» [Шевырев: 146].

I. 1) *‘действие, производимое с камнем или направленное на камень, вызывает пламень’* — *‘удар по камню порождает пламень’*: «Ласки, пав на камень, / Пропадают даром, — / Из него жар-пламень / Выбьешь лишь ударом» [Бенедиктов: 190]; *‘камень ‘издает’ пламень’*: «Узрев тебя, — кремнистый камень / Издаст красноречивый пламень...» [Бобров: 3, 206]; *‘взгляд на камень зажигает в зрителе пламень’*: «Хоть сей бездушен камень; /

Но благовейный у того / Родится в сердце пламень, / Кто только взглянет на него» [Державин: 3, 370];

2) *'пламень производит действие над камнем'*: «*пламень смягчает и проникает сквозь камень*»: «<...> нежность, и любовь, и животворный пламень / Довольны умягчить и самый твердый камень» [Костров: Поэты XVIII века: 2, 183]; «Сей дружбы их взаимный пламень, / Проникши хладный гроба камень, / Мгновенно оживит наш прах...» [Капнист: 114];

3) *'действие направлено и на камень, и на пламень'*: «Попрем ток вод, дубравы, камень, / Пройдем сквозь пыль, сквозь дым и пламень» [Сумароков: 73];

4) *'камень — «вместилище» пламени'*: «Седой гранит, кремень — твой драгоценный камень, / В которых заключен струей текущий пламень...» [Воейков: Поэты 1790–1810-х гг.: 271].

II. Соединение мотивов надгробного камня и некогда пылавшего, но погасшего пламени дает МС в *эпитафиях*: «О путник! — видишь ли сей камень, / Под коим волею насильно грез перун / Изъятый рано муз и нимф угаснул пламень?» [Бобров: 2, 123]; «Не спас от нищеты полет орлиных крыльев, / Ни песней дар, ни сердца пламень! / Жестокие! У вас он хлеба лишь просил, / Вы дали — камень» [Бестужев-Марлинский: 183]². МС этой группы описываются при помощи формул: *'этот камень — на могиле того, в ком пылал/погас пламень'* (*'которого принудили погасить свой пламень'*, *'который сам погасил свой пламень'* и т.п. синтаксические трансформации). Ср. также дублетные фрагменты текстов, демонстрирующие разновидность данного МС: [Дмитриев: 269, 271]. «Камень» здесь, как правило, выступает в качестве метонимии («скульптура», «надгробие»).

III. «Камень» входит в состав сравнения:

1) в сравнении актуализируются такие характеристики, как *холодный (хладный)* и *твердый*: «Сердце наше таково: / Твердо, холодно, как камень; / Но наступит час его — / Вспыхнет вдруг, как лютый пламень» [Крылов: 437]. Ср. также: [Глинка: 256; Княжнин: 639; Лермонтов: 1, 149]; *неподвижный*: «<...> бежит к ней <львице> ржущий пламень / На грудь, на чресла, и на тыл, / Стоит недвижима, как камень, / Но не теряет духа сил...» [Державин: 2, 660]; *безгласный*: «Видел я в светлом его <Аполлона> лбу / Морщины грубы, / Молний ярости в очах, и на лице — пламень; /

Бесгласен, недвижим я стал с страху, как камень» [Кантемир: 273]; *тяжелый*: «В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень; / То व्योस я в небесах, то вниз лечу, как камень...» [Крылов: 515];

2) сравнение может также выступать в эллиптических конструкциях: «Мой дух! Доверенность к творцу! / Мужайся; будь в терпенье камень. / Не он ли к лучшему концу / Меня провел сквозь бранный пламень?» [Батюшков: 195]; ср. [Карамзин: 198].

Отличия касаются объекта сравнения (сердце, ум, человек), также негативных, нейтральных и положительных коннотаций, придаваемых этим характеристикам, формальной выраженности/невыраженности принципов сравнения и т.д.

3) к этому типу МС примыкают случаи обыгрывания фамилии в рифменной позиции: «Ты — именем и духом камень, / Холодностью угасишь пламень, / Сразись! — и я не постыжусь» [Державин: 2, 609]³.

IV. Фразеологические обороты со словом «камень»:

1) *нашла коса на камень*: «Иль его бессилен пламень? / Тщетен ток опасных слез? / Ах! нашла коса на камень: / Знать любить не может Крез» [Державин: 1, 779];

2) *не оставит камня на камне*: «Давай, грек, дань! иль алчный пламень / Пожрет тебя и Царьград с ним! / На камне не оставив камень, / Сожжем, разрушим, истребим!» [Дмитриев: 305];

3) *камень преткновения*: «Летя <юность>, в груди сугубит пламень, / Но вдруг в пути преткнись о камень, / Стремглав стремитесь с высоты...» [Костров: Поэты XVIII века: 2, 147]; ср.: [Державин: 3, 65; Шевырев: 146]. Последние два примера не дают в чистом виде фразеологизма «камень преткновения», но, как кажется, восходят именно к нему.

V. Мотив *философского камня* и соединение мотивов *прометеева огня* и *философского камня* см.: [Кованько: Поэты-радищевцы: 36; Карамзин: 142].

VI. Соединение *мотивов угасания в сердце пламени* и *сопутствующего ему окаменения сердца* восходят к теме отказа от любви [Глинка: 210] и от страстей вообще [Карамзин: 212; Лермонтов: 1, 73].

VII. Приведенные выше МС принадлежат условно «миру культуры». «Мир природы» представлен в текстах, соединяющих, на-

пример, мотив пышущего из конских ноздрей пламени и камня, вылетающего из под копыт [Ширинский-Шихматов: Поэты 1790–1810-х гг.: 412; Батюшков: 112] или в описании пожара [Бенедиктов: 77, 78]. РК встречается дважды: в первом случае дается почти апокалиптическая картина, во втором — «бытовая» зарисовка]. Ср. также текст, содержащий описание процессов, происходящих в земных недрах: [Хвостов: 2, 68].

Параллелизм между процессами, происходящими в природе и внутреннем мире человека — см: [Бенедиктов: 117].

VIII. MC может реализоваться за счет употребления вне рифменной позиции слов, входящих в состав РК. Ср:

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгинют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?
Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Не велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С тобой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.
(М. Ю. Лермонтов. Отрывок. 1830)

Дикий камень при дороге
Дремлет глыбою немой,
В небе гром, земля в тревоге, —
Он недвижим над грозой.
Дни ль златые отольются, —
Всюду жизнь заговорит,
Всюду звуки отольются, —
Глыба мертвая молчит.
Все одето ризой света,
Все согрето, а она —
Серым мхом полуодета —
И мрачна, и холодна.
Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
В сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вот — удар! Она проснулась,
Дикий звук произнесла,
И со звуком встрепенулась
Брызга света и тепла.
Искра яркая вспрыгнула
Из темницы вековой,
Свежим воздухом дохнула,
Красной звездочкой блеснула,
Разгорелась красотой.
Миг еще — и дочь удара
В тонком воздухе умрет
Иль живым зерном пожара
Вдруг на ветку упадет, —
Разовьется искра в пламень,

И, дремавший в тишине,
 Сам ее родивший, камень
 Разрушается в огне.
 (В. Г. Бенедиктов. Искра. 1836)

В обоих стихотворениях разворачивается последовательно в первой строфе мотив «камня», во второй — мотив «пламени». На протяжении лермонтовского текста заявленные мотивы поддерживаются за счет лексических повторов в первой строфе и местоимений-коннекторов — во второй. У Бенедиктова же «пламень» во второй строфе появляется, наоборот, в рифменной позиции, но его появление подготовлено мотивами искры, огня, пожара, своеобразной градацией. Таким образом, у Бенедиктова употребление РК «пламень — камень» — своего рода кульминация разворачивания лирического сюжета.

7. Выводы

При соположении семантики слов «камень» и «пламень» актуализируются оппозиции *твердый / жидкий, холодный / горячий, статичный / динамичный, мертвый / живой* и т.д. Эти оппозиции определяют пространство МС, реализованных при употреблении РК. Семантические поля, образуемые при соположении членов пар «камень — пламень» и «кровь — любовь», обнаруживают пересекающиеся участки. Это объясняется совпадением базовых оппозиций, по которым может противопоставляться семантика слов «любовь» и «кровь», «камень» и «пламень». Совпадение же это возможно вследствие процесса обмена семантическими валентностями или взаимного «заражения» семантикой компонентов РК. Очевидно, что при вхождении «любви» в семантическое поле жизни ее значение будет тяготеть к значению «пламени», а при вхождении «крови» в семантическое поле смерти — «кровь» тяготет к «камню».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Требования к объему статей в сборнике диктуют конспективное изложение некоторых положений, в развернутом виде содержащихся в моих предыдущих работах. См.: Рифменное клише «любовь — кровь» в русской лирике 1820–1830-х гг. // Русская филология. 9: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1998; О некото-

рых альтернативных способах реализации микросюжетов в лирике // Русская филология. 10: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1999.

² Ср.: «Нищий» М. Ю. Лермонтова.

³ Комментарий Я. Грота: «Каменский, во время прежней службы своей, показывал в сражениях холодность и способность не терять духа в опасностях» [Державин: II, 609]. Объектом рефлексии становится соответствие личных качеств человека его фамилии, что отсылает к архаичным моделям и представлениям о соответствии содержания форме. Несомненно, в тексте содержится и библейский подтекст (Петр = камень). Как с иронией пишет Грот: «В настоящую войну случилось совершенно противное. Известно, как оправдал Каменский доверенность государя и высокое о себе мнение публики». Это — не единственный у Державина случай обыгрывания имени (фамилии). Ср.: «И ангел рифмой сочетаться / Лишь может с именем твоим» («К изображению императора Павла I-го при вступлении его на престол»), а позднее, в оде «На новый 1798 год», слова «ангел» и «Павел» помещаются в рифменную позицию. Ср. также хрестоматийный пример рифмовки «Державин — Навин» («Приказ моему привратнику»). Любопытен также редкий в поэзии этого времени случай рефлексии над тавтологической рифмой.

«НЕМЕЦ» И «ТУРОК» В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ

Мария Артемчук
(Тарту)

Нашей задачей будет показать *один* из возможных вариантов соотношения национальности и конфессиональной принадлежности в лирике Ф. И. Тютчева. Основным текстом для нас будет стихотворение «Славянам» («Они кричат, они грозятся...»).

Начиная уже с немецкого эпитафия, являющегося «словами австрийского министра иностранных дел графа фон Бейста, проводившего политику подавления славянских народностей»¹, вводятся две очень важные для всей политической лирики Тютчева темы:

1) противопоставление славян немцам (оппозиция, являющаяся основной для данного текста);

2) примыкающая к первой тема языковой ассимиляции славян немцами (мотив, который очень условно можно назвать мотивом *языка/слова*).

Видимо, этимология рассматриваемых этнонимов (бесспорная для *немец* и неясная для *славяне*²) будет важна для понимания постоянной связи этих двух тем.

Можно заметить, что указанное стихотворение строится (особенно начиная со второй строфы) на обыгрывании Тютчевым некоторых русских фразеологизмов, содержащих лексему *стена*. В. И. Даль, в частности, приводит следующие:

1) *На стену лезть.*

Бесится, на стену лезет.

Не задорь его, он и так на-стену лезет.

Общее значение: находиться в состоянии неистовства, исступления.

2) *Хоть в стену головой.*

Хоть головой да об-стену.

Лбом стены не прошибеши, не проломиши.

Инвариантное значение: нецелесообразность, бесполезность действия. (Значения 1 и 2 в тексте стихотворения будут ассоциироваться с немцами, штурмующими стену.)

3) *Вот моя стена, моя правая рука!*

Я за тобой, как за каменной стеной!

И стены в доме помогают.

Общее значение: защищенность, надежность, верная опора. Оно очевидно будет связано со славянским миром, который и представлен в данном тексте образом стены.

В связи с последним провербом (*И стены в доме помогают*) становятся также актуальными строчки из одноименного и написанного параллельно с рассматриваемым текстом стихотворения Тютчева (“Привет вам задушевный, братья...”):

Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

<...>

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,

Здесь, где у власти и подданства

Один язык, один на всех... <курсив наш. — М. А.>

Характерно, что и здесь две вышеназванные темы (противопоставление славян немцам; языковая ассимиляция) вновь оказываются связанными.

Важным представляется также и тот факт, что славянский мир в обоих стихотворениях представлен как обладающий определенной общностью, *единством*: 1) он описывается как стена; 2) во втором стихотворении обращает на себя внимание слово *один*, дважды повторенное в одной строчке. Видимо, наличие/отсутствие у конкретной нации данного признака является наиболее важным критерием для Тютчева при ее оценке. Поэтому неудивительно, что противостоящие славянам немцы такой общностью и единством не обладают, и даже, напротив, представлены исключительно “отрицательными” образами.

Так, в третьей строфе, когда *стена* становится *скалой*, мы видим отсылку к другому тютчевскому тексту — “Море и утес”, где основной оппозицией будет (бушующее) *море* ↔ *утес*.

Политический подтекст этого стихотворения был, как отмечает А. А. Николаев, понятен для современников благодаря появившемуся незадолго до тютчевского стихотворению Жуковского “Русскому великану”, в котором использовалась та же аллегория. Исходя из этого, можно предположить, что немцы в стихотворении “Славянам” проецируются на *морской вал* в “Море и утес”. Это подтверждается и наличием характерных лексических перекличек между двумя текстами, возникающих именно при описании немцев в одном случае и моря в другом. Объединяет эти два стихотворения также мотив шума, сопровождающий описание немцев и моря.

Такая проекция (*немцы* ↔ *море*) придает образу немцев дополнительную отрицательную характеристику, т.к. в 1848 г. (время написания стихотворения “Море и утес”) образ моря ассоциировался у Тютчева с революционно настроенным Западом и оценивался поэтом исключительно отрицательно. Поэтому одним из коннотативных значений моря в лирике Тютчева будет значение бессмысленной ярости, бунта; и в стихотворении “Славянам” оно реализуется.

В противовес такому подчеркнуто отрицательному изображению немцев, славяне представлены как образ исключительно положительный: 1) территория славян представлена как ограниченное, но постоянно расширяющееся пространство; 2) изображение этого пространства связано с использованием образа круга. Эти характеристики всегда являются положительно маркированными в творчестве Тютчева, на что указывает Ю. М. Лотман в статье “Поэтический мир Тютчева”.

Оппозиция *стена* ↔ *море* реализуется в последней строфе стихотворения через обращение к ветхозаветным мотивам: “И простер Моисей руку свою на *море* <...> и расступились воды. И пошли Сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им *стеною* по правую и по левую сторону...” [Исход 14: 21–22; курсив здесь и ниже наш. — М. А.].

Но в тютчевском стихотворении наблюдаются очевидные и, видимо, сознательно акцентируемые автором расхождения с библейским текстом: 1) обыгрывание названия используемой библейской книги; ср.: *Исход* ↔ “И к ним поближе *подойдет...*” (*стена* = славяне, которые должны проецироваться на *вышедших* из Египта ветхозаветных евреев); 2) разделение Тютчевым единого ветхозаветного образа *моря / стены* на два противостоящих друг другу образа (заданное, возможно, стихотворением “Море и утес”, о связи с которым говорилось выше).

Так же еще один ветхозаветный сюжет (очевидно, параллельный первому в Библии) становится актуальным в контексте тютчевского стихотворения — переход израильтянами Иордана и штурм Иерихона: “<...> как только стопы ног священников <...> ступят в воду Иордана, вода иорданская иссякнет, текущая же сверху вода остановится *стеною*” [Иисус Навин, 3: 13], “<...> пойдите *вокруг* города все способные к войне и обходите город однажды в день и это делайте шесть дней <...> когда услышите звуки трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и *стена* города обрушится до своего основания...” [Иисус Навин, 6: 2–5]. Опять появляется мотив шума, уже отмечавшийся нами ранее. Он исключительно важен именно для этого библейского сюжета, т.к. именно громкие звуки труб разрушили иерихонские стены.

Но здесь тоже можно отметить намеренно создаваемые Тютчевым расхождения с Библией: 1) немцы в “Славянам” явно не богоизбранный народ, не библейские израильтяне, штурмующие стены Иерихона; скорее, наоборот: на израильтян в данном случае больше будут ориентированы славяне; 2) *славяне* = *стена* не является иерихонской стеной (которая все же была разрушена противником).

Очевидно, что сюжет тютчевского стихотворения не может быть прямо спроецирован ни на один из указанных библейских сюжетов. Скорее, именно отмеченные расхождения с библейским текстом будут наиболее важны для рассматриваемого стихотворения.

Их функцию, на наш взгляд, можно определить так: вводя подобного рода аллюзии на различные библейские тексты, автор

тем самым указывает, что современная ему ситуация может (и даже должна) быть соотнесена с определенными ветхозаветными событиями, но не повторяет их. На глазах автора создается новая история, которая, возможно, воспринимается им как аналог священной. Соответственно, задействованные в ней народы, несомненно, соотносятся с определенными библейскими, но подчеркнута неравны им.

Кроме того, библейские проекции приближают тютчевское стихотворение к оде, создавая необходимую при обсуждении данной тематики возвышенность и торжественность.

Первый библейский образ (исход израильтян из Египта) связывает «Славянам» с другим тютчевским стихотворением — «Олегов щит». Эти тексты объединены также по следующим признакам: 1) в обоих встречается лексема *оплот* в рифменной позиции в связи с данной библейской темой; 2) в обоих стихотворениях используется образ *крепости*. Различие же состоит в том, что в «Олеговом щите» русские противопоставлены туркам. Причиной противостояния, естественно, является вера.

Исходя из указанных выше сходств, мы предполагаем тесную связь этих двух оппозиций в лирике Тютчева:

славяне ↔ немцы (слово/язык)

русские ↔ турки (вера).

Наше предположение подтверждается другим тютчевским стихотворением — «К Ганке», в котором эти этнонимы явно выступают в качестве контекстуальных синонимов, выражая единое понятие *иноверец/иноземец* и выполняя одно действие (*раздвинул/разломил*), но каждый по-своему: немец — через язык, турок — через веру.

Интересно, что в стихотворении «К Ганке» мы находим использование того же ветхозаветного мотива — исход евреев из Египта:

Мы блуждали, мы бродили,
Разбредлись во все концы
<...>
И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, —

Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

Очевидно, что термины *немец* и *турок* в творчестве Тютчева оказываются связанными очень тесным образом.

В оппозиции *славяне* — *немцы* противопоставление основано на национальном различии. Мотив *языка/слова* будет все время сопровождать это противопоставление, т.к. единый язык воспринимается Тютчевым как нечто, дающее народу возможность осознать себя как отдельную национальность.

А в антитезе *русские* — *турки* основной причиной противопоставления оказывается *вера*.

Видимо, потеря нацией своего языка (к примеру, языковая ассимиляция чехов немцами) и утрата веры (замена христианства мусульманством) были равноценны в восприятии Тютчева, так как в равной мере угрожали славянскому национальному самосознанию, в свою очередь являвшемуся составной частью того единства, которого поэт так желал для славян. Это идеальное единство он считал главным условием того, что в будущем Россия сможет стать полноправной преемницей Византийской империи, бывшей по сравнению с мыслимой им новой *Российской* империей лишь *слабой тенью*.

Другие национальности и конфессии будут противопоставлены в поэзии Тютчева славянам/русским/православию по другим признакам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 412–413.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь. Т. 3. С. 62, 666.

ФУНКЦИЯ ТЮТЧЕВСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В ЛИРИКЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА

Мария Шмони́на
(Тарту)

На примере раннего стихотворения “Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...” (1878, далее — ВКШ) мы рассмотрим влияние тютчевской поэзии (тютчевской темы и поэтического языка) на поэзию Вл. Соловьёва.

Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна,
Как тянутся лучи в саду полураздетом...
О, что за чудный час меж сумраком и светом,
Что за святая тишина!

Прислушайся, взглядишь... безмолвие и лень!..
Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется,
Что солнце из-за туч не вознесется
И что настал последний день? (66)¹

1. Темой ВКШ является критический период в природе между ночью и днем, предрассветное состояние². Соловьёв обращается к одному из тематических “гнезд” [Пумпянский: 9 и далее] поэзии Тютчева. С одной стороны, это многочисленная группа тютчевских текстов о ночи и дне, смене одного состояния в природе другим — ночи днем или дня ночью, с другой — тексты о парадоксальном моменте появления ночного светила днем (“Я знал ее еще тогда...”, “Душа хотела б быть звездой...”, “Ты зрел его в кругу большого света...”).

Доказательством соотнесенности ВКШ Соловьёва и тютчевских текстов на указанную тему является их пересечение на уровне лексики.

У Тютчева предрассветное состояние связано с ленью: “Что хоть лениво и несмело / Луч возникает за лучом” (“Декабрьское утро”). В одном из стихотворений Тютчева полдень, который в тютчевской поэтической системе скорее тоже воспринимается как

критический момент, переходное состояние — от первой половины дня ко второй, описывается как состояние лени и дремоты: “Лениво дышит полдень мгlistый, / Лениво катится река, / <...> / Лениво тают облака”. Ту же характеристику встречаем у Соловьева: “безмолвие и *лень*”.

Описание наступающего дня у Тютчева (“Луч возникает за лучом”) и у Соловьева (“Как тянутся лучи в саду...”) обнаруживает также лексические параллели.

В стихотворениях Тютчева переходное состояние связано с тишиной: “повсюду чуткое *молчанье*” (“Молчит сомнительно Восток...”), “Затих повсюду шум и гам, / И воцарилось *молчанье*...” (“Еще шумел веселый день...”). В ВКШ автор, говоря о “часе меж сумраком и светом”, тоже подчеркивает тишину и безмолвие.

1.1. Соловьев описывает момент перехода от ночи ко дню через “чужое слово”, таким образом главная (тютчевская, как мы предположили выше) тема первой строфы задается в тексте реминисценцией. Второй стих выделен Соловьевым курсивом, обозначен в примечании как “стих Толстого” и является реминисценцией из стихотворения А. К. Толстого “Земля цвела. В лугу, весной одетом...”. В оригинале этот стих звучит так: “Был тихий час меж сумраком и светом”. Соловьев помещает строку Толстого в тютчевский контекст и существенно трансформирует ее, “вчитывает” в нее Тютчева. Рассмотрим эти изменения:

1) Толстовское прилагательное “тихий” Соловьев заменяет на прилагательное “чудный”. Соловьеву важно показать именно тютчевскую напряженность момента, о котором говорит Толстой. Слово “чудный” в поэтическом словаре Тютчева помимо общеязыковых значений — непонятный, необычайный, непостижимый — имеет собственные значения: “чудный” — то есть сочетающий в себе разные, часто противоположные черты. Ср. у Тютчева: лес — “не мертвец и не живой” — блестит “чудной жизнью” (“Чародейкою Зимою...”), волна полна “чудной жизни”, совмещая в себе и “тихий шепот”, и “буйный ропот” (“Ты, волна моя морская...”), “голос чудный” — это “то лирный звук, то женский вздох” (“Графине Е. П. Ростопчиной”). “Чудный час”

в ВКШ — это час между сумраком и светом, то есть смешение ночи и дня.

2) Соловьев риторически трансформирует стих Толстого, вставляя экспрессивное междометие “о!”.

3) Прошедшее время Соловьев заменяет на настоящее, так как прошедшее время невозможно в такого рода (риторическом) тексте.

4) Соловьев изменяет размер — 5-ст. ямб на 6-ст. цезурированный, неурегулированно чередующийся с 4-ст. ямбом. Одним из объяснений этой замены может быть то, что Соловьев использует классические ямбы, отсылающие к традиции элегии XIX века.

Таким образом, Соловьев помещает стих Толстого в тютчевский контекст (тютчевская тема) и изменяет его согласно тютчевскому поэтическому языку.

Вторая часть стиха Толстого остается без изменения. Соловьев оставляет то, что важно и для Тютчева; например, заостряет внимание на временном промежутке.

Толстой в стихе “Был тихий час меж сумраком и светом” описывает реальный пейзаж, предзвездное состояние в природе. На это указывают многочисленные реалии, детали этого пейзажа: луг, ручей, птицы, цветы, принципиально невозможные в тютчевской поэтической системе. Стихотворения Тютчева неконкретны, что, очевидно, повлияло и на рассматриваемый текст Соловьева. ВКШ не имеет конкретных деталей, оно обобщенно-безлично, что подчеркивается использованием абстрактных и обобщенных существительных, таких как “ширь”, “небеса”, “сумрак”, “свет”, “тишина”, “безмолвие”, “лень”, “мир”.

Отметим и другое отличие стихотворения Толстого от ВКШ Соловьева. В тексте Толстого описывается тишина, молчание предзвездного часа (“ручей молчалив”, “был тихий час”), а у Соловьева “святая тишина” спящего мира, что можно сравнить с тютчевскими стихами: “среди всемирного молчанья” (“Бессонница”), “есть некий час всемирного молчанья” (“Видение”).

1.2. ВКШ четко делится, согласно делению строф, на две части. Первая строфа — восхищение “чудным часом” между ночью и

днем, вторая — чувство уязвимости этого часа, сомнение в реальности мира (“Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется...”). С одной стороны, в последней строфе чувствуется влияние эсхатологической философии Соловьева (“последний день”). С другой — хрупкость бытия остро ощущает Тютчев (стихотворения, письма, об этом см.: [Лотман 1990: 116 и далее]). Ю. М. Лотман пишет о Тютчеве как о поэте, “проникнутом чувством катастрофы” [Лотман 1999: 286], отмечает “эсхатологизм сознания” поэта [Лотман 1999: 306]. Ср. у Тютчева: “Бесследно все — и так легко не быть!”.

В ВКШ Соловьев как бы дает свой ответ на поставленный Тютчевым в стихотворении “Молчит сомнительно Восток...” вопрос: “Что это? Сон иль ожиданье, / И близок день или далек?”.

В качестве претекстов этой темы второй строфы ВКШ могут выступать как “Последний катаклизм” (“последний час природы”), “Бессонница” Тютчева: “Нам мнится: мир осиротелый / Неотразимый Рок настиг...”, так и стихотворения В. А. Жуковского и Е. А. Баратынского (сборник “Сумерки”).

2. Обратимся к проблеме влияния тютчевского поэтического языка на поэзию Соловьева. Исследователи (Л. В. Пумпянский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, Ю. М. Лотман) отмечают формирование в поэзии Тютчева нового поэтического языка, представляющего собой сплав различных культурных традиций, “сплав Шеллинга с Державиным”, “соединение несоединимых: романтизма и барокко” [Пумпянский: 51 и далее], “догматической поэмы” и “философского послания” [Тынянов: 42].

Влияние державинской школы, по мнению упомянутых исследователей, сказалось на фрагментарности (стих начинается как продолжение предыдущей мысли), дидактичности, риторичности (ораторские формулы, императивы, риторические вопросы, восклицания и обращения с междометием “О!”, одическая фразеология и “спотыкающийся” синтаксис) тютчевских текстов.

2.1. К тютчевскому поэтическому языку отсылают следующие элементы ВКШ: глагольные императивы с семантикой взгляда и слуха: “Взгляни... Прислушайся, взгляди...” (ср. у Тютчева: “Смотри, как запад разгорелся”, “Смотри, как роща зеленеет”,

“На месяц взглянь...” и др.); риторический оборот с определительным наречием “как”; риторическое экспрессивное междометие “о!”; трехчастный риторический вопрос в конце предложения.

ВКШ во многом отличается от других стихотворений Соловьева. Во-первых, уже описанными элементами риторического текста (у Тютчева это отсылка к “барокко державинской школы”, у Соловьева к Тютчеву). Во-вторых, ВКШ не имеет сюжета, а представляет собой развертывание одной мысли, что характерно для тютчевского жанра фрагмента и нетипично для поэтической системы Соловьева. О развертывании мысли свидетельствуют и отточия в тексте стихотворения. В-третьих, в ВКШ появляется несвойственная поэзии Соловьева местоименная система. Все стихотворения Соловьева имеют устойчивую местоименную систему с двумя противопоставленными друг другу семантическими центрами: небесное “ты” и земное “я”, а сюжет обычно развивается по одной линии: один из героев, чаще “Она”, спасает своего друга, и это знаменует торжество любви, добра над злом [Минц: 31]. В ВКШ “ты”, к которому обращается герой (“взгляни”, “прислушайся”, “вглядись”), условно, это семантически пустое риторическое обращение. Ср. в стихотворениях Тютчева: “О, нашей мысли обольщение, / Ты, человеческое Я”, “Ты, риза чистая Христа...”, “Как хорошо ты, о море ночное...” — то есть, “как хорошо море ночное”. Все стихотворение Соловьева носит обобщенно-безличный характер. Это “ты” адресовано самому себе: “не кажется ль тебе” — то есть, “не кажется ли мне”, твой взгляд — это завуалированный мой.

Стихотворение Соловьева имеет “тютчевскую” двухчастность и представляет собой единое синтаксическое развитие, одну фразу, состоящую из восклицаний (ср. со ст. Тютчева “Как он любил родные ели...”, “Тихой ночью, поздним летом...”).

3. ВКШ написано разностопным неурегулированным ямбом, с кольцевой рифмовкой. Выбор Соловьевым размера во многом показателен. Размер может служить дополнительной отсылкой к поэзии Тютчева, который является “по преимуществу ямбическим поэтом” [Новинская: 220]. Метр (ямб) в сочетании со сред-

ней длиной тютчевских текстов (2–3 катрена) дает ту ритмико-строфическую форму, которую заимствует Соловьев у Тютчева.

В ВКШ Соловьев использует готовые синтаксические и ритмико-синтаксические конструкции тютчевского поэтического языка: у Тютчева *“Как сладко дремлет сад темнозеленый”*, у Соловьева *“Как тянутся лучи в саду полураздетом...”*. Общее — это начало стиха, типичное для Тютчева, с определительного наречия “как”, использование двусоставного прилагательного в фиксированной позиции, в конце стиха. В этом стихе Соловьев использует синтаксическую конструкцию тютчевской строки из стихотворения *“Тихой ночью, поздним летом...”*: *“Как блещут в тиши ночной”*. Привлекает здесь внимание положение сказуемого в начале стиха после наречия. Такая позиция, по мнению Б. М. Эйхенбаума, увеличивает в стихотворениях Тютчева интонационную амплитуду, каданс [Эйхенбаум: 405].

Примером большей ритмико-синтаксической конструкции, используемой Соловьевым в ВКШ, является схема целого тютчевского стихотворения. Ср.:

*Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижную средою
Деля, не соединяет их? (95)*

*Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
<...>
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя? (130)*

Стихотворения Тютчева и ВКШ Соловьева начинаются с императива с семантикой взгляда (*“Смотри, как...”*, *“Взгляни, как...”*), таким образом, начало текстов — поднимающийся взгляд и расширяющаяся точка зрения. В первом стихе стихотворений содержится призыв обратить внимание на процессы, происходящие в природе (*“запад разгорелся”*, *“за льдиной льдина вслед плывет”*, *“ширь небес прозрачна и бледна”*). В стихотворениях Тютчева, а вслед за ними и в ВКШ Соловьева, происходит отмеченный выше сдвиг в системе местоимений: адресант подменяется адресатом. Риторические вопросы трех текстов строятся при помощи

отрицательной конструкции: у Тютчева: “иль... не одно”, “неподвижною”, “не соединяет”, “не таково ль”, “не такова ль”, у Соловьева: “не кажется ль <...> не проснется <...> не вознесется”. Можно выделить общую структуру тютчевских текстов и ВКШ: начало — императив, конец — риторический вопрос (синтаксическая конструкция), все три текста написаны одним метром — ямбом (ритмическая конструкция).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стихотворения цитируются с указанием страницы в тексте в круглых скобках по изданиям: *Соловьев В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.; *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. М., 1966. Т. 1.
- ² Пристальное внимание Тютчева к границе, переходным моментам Ю. М. Лотман объясняет мифологическим мироощущением поэта. Он отмечает, что в переходных точках устойчивый мир в поэзии Тютчева становится текучим, склонным к метаморфозам [Лотман 1999: 297–298]. Ср.: во второй строфе ВКШ Соловьев говорит о возможности катастрофической метаморфозы мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Лотман 1990: *Лотман Ю. М.* Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. I. Таллинн, 1990. С. 108–141.
- Лотман 1999: *Лотман Ю. М.* Русская философская лирика. Творчество Тютчева (спецкурс, прочитанный в Тартуском университете весной 1981 года) // Тютчевский сборник. II. Тарту, 1999. С. 272–317.
- Минц: *Минц З. Г.* Владимир Соловьев — поэт // Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 5–56.
- Новинская: *Новинская Л. П.* Роль Тютчева в истории русской метрики XIX – начала XX вв. (К постановке проблемы) // Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969. С. 218–226.
- Пумпянский: *Пумпянский Л. В.* Поэзия Тютчева // Урания: Тютчевский альманах. 1803–1928. Л., 1928. С. 9–57.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 38–51.
- Эйхенбаум: *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 327–512.

ГАМЛЕТ — ПОДКОЛЕСИН: «АМПЛИТУДА» ХАРАКТЕРА ЛОПАХИНА (ОБ ОДНОЙ ЦИТАТЕ В «ВИШНЕВОМ САДЕ» А. П. ЧЕХОВА)

Екатерина Виноградова
(Москва)

В “Вишневом саде” встречаются две перефразировки из “Гамлета”. Лопухин говорит: “Охмелия, иди в монастырь”, и далее: “Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!”¹. Причем только первая фраза связана с предыдущими:

Раневская. А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя (сквозь слезы). Этим, мама, шутить нельзя [Чехов: XIII, 226].

Вторая же реплика Лопухина будто обращена “в никуда” и обрамлена такими же “глухими” фразами:

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде.

Раневская. Идемте, господа. Скоро ужинать [Чехов: XIII, 226–227].

Диалогом этот “разговор” можно назвать только с формальной точки зрения. Безадресные реплики, следуя одна за другой, создают своеобразный ритм. Обиходные слова чередуются с мнимовысокопарными восклицаниями, и все они произносятся не для того, чтобы получить ответ. Но, ни на что не отвечая, они говорят о многом.

“Охмелия” вместо Офелия может напомнить знаменитую телеграмму в “Душечке”: “... хохороны вторник”. Только в первом случае оговорка сознательная, а во втором — случайная. З. Абдуллаева в статье о драматургии Чехова указывала на соотнесенность подобных оговорок с жанровыми особенностями: «Жизнь жанров в пьесах Чехова связана <...> с постоянными “ошибками”, намеренными неточностями цитируемых героями отрывков, фрагментов, фраз»². Однако шутливый тон Лопухина и его ироническое “Охмелия” не снимают последующего “иди в монастырь”, которое звучит как отказ жениться на Варе.

Лопахин дважды цитирует “Гамлета”. Первая лопахинская фраза (“иди в монастырь”) в шекспировской пьесе заканчивает разговор принца с Офелией. Вторая же (“...помяни меня в твоих молитвах”), наоборот, начинает диалог после знаменитого монолога “Быть или не быть...”. Б. Пастернак указывал на важность последовательности фраз Гамлета: «В сцене, где Гамлет посылает Офелию в монастырь, он разговаривает с любящей его девушкой, которую он растаптывает с безжалостностью послебайроновского себялюбивого отщепенца... Однако посмотрим, что вводит эту бессердечную сцену? Ей предшествует знаменитое “Быть или не быть”, и первые слова в стихах, которые говорят друг другу Гамлет и Офелия в начале обидной сцены, еще пропитаны свежей музыкой только что отзвучавшего монолога»³. В пьесе Чехова обратный порядок, и конечное “быть или не быть вишневому саду” звучит заключительным аккордом сцены:

Лопахин. Напоминаю вам, господа: двадцать второго августа будет продаваться вишневый сад. Думайте об этом!.. Думайте!.. (Уходят...) [Чехов: XIII, 227].

Последние слова ведь всегда о главном, а главное в пьесе — сад. И, как когда-то в монологе Гамлета, слова Лопахина “предпосланы жестокости начинающейся развязки” [Пастернак: 553].

В переводах, которыми пользовался Чехов⁴, слова Гамлета звучат несколько иначе:

Офелия! О нимфа! Помяни
Мои грехи в твоей святой молитве! (пер. А. Кронеберга)

Прелестная Офелия! — О нимфа!
Грехи мои в молитвах помяни! (пер. К. Р.)

Милая Офелия! О нимфа!
Помяни грехи мои в молитвах! (пер. Н. Полевого)⁶.

Первая процитированная фраза Лопахина почти идентична переводу К. Р.: “Офелия, иди в монастырь”; самый далекий как от оригинала, так и от фразы Лопахина, перевод Полевого: “Удались от людей”⁷.

Версия Кронеберга (“Ступай в монастырь”) была перефразирована Чеховым в “Рассказе неизвестного человека”: “Ступайте,

кума, в монастырь” [Чехов: VIII, 186]. В рассказе, как и в “Вишневом саде”, эта, хотя и неточная, цитата из “Гамлета” звучит лейтмотивом, так как герои несколько раз то в шутку, то всерьез думают об уходе из мира.

Но, скорее всего, обе “гамлетовские” фразы в “Вишневом саде” нельзя соотносить с каким-либо переводом, так как они, давно и прочно войдя в русский культурный обиход, потеряли неприкосновенность литературной цитаты. Ближайший источник коротких реплик Лопахина не литература, а язык культуры того времени.

Лопахин, шутя, отвечает на смелое и тоже полушутливое замечание Раневской. Ничего не сказано всерьез, но ответ дан. Любовь Андреевна торопит всех ужинать, Лопахин напоминает об аукционе, назначенном на 22 августа, и все (кроме Пети и Ани) покидают сцену. Аня, опять в шутку, говорит: “Спасибо прохожему, напугал Варю <...>” [Чехов: XIII, 227]. Но “сердце <...> стучит” [Чехов: XIII, 227] у Вари не от испуга, а от слов Лопахина. Несчастливая Варя — “Охмелия” еще в начале первого акта говорит о своем желании пойти в монастырь: “<...> пошла бы себе в пустынь, потом в Киев... в Москву, и так бы все ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!...” [Чехов: XIII, 202]. Однако ясно, что не это ее мечта, она любит Лопахина и мечтает выйти за него замуж, и в этом Варя похожа на многих героинь чеховских рассказов.

Наиболее близок по сюжету к “Вишневому саду” рассказ “У знакомых” (1898)⁸: преуспевающий адвокат Подгорин получает из имения Кузьминки от своих прежних знакомых телеграмму с просьбой приехать; ехать ему не хочется, но во имя старой дружбы он едет, хотя знает наверняка, что хозяева имения разорены и будут просить его совета, а, может быть, и денег. Младшую сестру владелицы имения Надежду “в шутку и серьезно называли его невестой; она выросла на его глазах, рассчитывали, что он на ней женится, и одно время он был влюблен в нее и собирался сделать предложение, но вот ей уже двадцать четвертый год, а он все еще не женился...” [Чехов: X, 8].

Приехав в имение, Подгорин шутя спрашивает: “Все ли благополучно в датском королевстве?” [Чехов: X, 11]. Татьяна, хозяйка

имения, отвечает так же, как впоследствии будет говорить Раневская: “<...> клянусь вам всем святым, счастьем моих детей, без Кузьминок я не могу! Я здесь родилась, это мое гнездо, и если у меня отнимут его, то я не переживу, я умру с отчаяния” [Чехов: X, 11].

Надежды на гостя возлагают не только как на спасителя имени, но и как на жениха Нади. Подгорин, как когда-то гоголевский Подколесин, порой думает про себя: “Отчего бы и не жениться на ней в самом деле?” [Чехов: X, 17]. Но все кончается ничем: в саду ночью при луне “жених” так и не объяснился с “невестой”: “<...> ему было неловко, он сжался, притих, не зная, говорить ли ему, чтобы все по обыкновению разыграть в шутку, или молчать, и чувствовал досаду...” [Чехов: X, 22].

В Лопахине подколесинские черты проступают более явственно⁹. Вместо “внутренних монологов” Ермолай Алексеевич вслух признает: “Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все...” [Чехов: XIII, 250]. Он почти цитирует подколесинское объяснение своей нерешительности: “Да дело ни за чем не стало, а только странно...”¹⁰ [Женитьба: д. I, явл. 11]. Лопахин даже соглашается сделать предложение Варе: “Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста...” [Чехов: XIII, 250]. Но кончается тема несостоявшегося, растянутого на всю пьесу, сватовства Лопахина, как и в “Женитьбе” Гоголя, побегом:

Голос в дверь со двора: “Ермолай Алексеич!..”

Лопахин (точно давно ждал этого зова). Сию минуту! (Быстро уходит) [Чехов: XIII, 251].

Лопахинское цитирование “Гамлета” и возникшую благодаря этому цитированию параллель Лопахин — Гамлет, Варя — Офелия (“Охмелия”) Чехов не мог оставить без другого сближения — Лопахин — Подколесин. Конечно, Ермолай Алексеевич не “старый бабий башмак” и “не сатира на человека” [Женитьба: д. II, явл. 19], но он и не Гамлет. О нем, как и о герое рассказа “У знакомых”, можно сказать: “В нем было два человека” [Чехов: X, 12]. Лопахин — купец, цитирующий Гамлета и поступающий, как Подколесин — сложнее любого из литературных типов. Чеховским героям было в высшей степени свойственно качество,

названное позже в литературоведении *ambiguity*, или амбивалентностью. З. Паперный в статье о “Вишневом саде” писал: “<...> хищный зверь” с <...> “тонкой, нежной душой” — такова амплитуда лопахинского характера <...>. Перед нами все время действуют несколько Лопахиных, а на первый план выступает то один, то другой <...>. Ермолай Алексеевич как образ не равен самому себе”¹¹. Можно еще добавить: Гамлет и Подколесин — тоже амплитуда его характера. Две столь противоположные по жанровому происхождению реминисценции, данные в отношении одного персонажа и одной ситуации, дополняют одна другую, создавая общее впечатление двойственности и недосказанности. Чехов избегает определенности в обрисовке персонажей, и всякая соотнесенность с Гамлетом или Подколесиным — это только вектор, подсказывающий направление зрительских размышлений и жанровых ожиданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1975–1983. Т. 13. С. 226. Все ссылки на сочинения А. П. Чехова даются по этому изданию, римской цифрой обозначается том, арабской — страница.
- ² Абдуллаева З. Жизнь жанра в пьесах Чехова // Вопросы литературы. 1987. № 4. С. 170.
- ³ Пастернак Б. Замечания к переводам из Шекспира // Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака. М., 1990. С. 553.
- ⁴ В ялтинской библиотеке А. П. Чехова хранятся три перевода “Гамлета”: Н. Полевого, А. Кронеберга (с карандашными пометками на полях) и К. Р.; см.: *Балухатый С. Д.* Библиотека А. П. Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930.
- ⁵ Шекспир У. “Гамлет” в русских переводах XIX – XX веков. М., 1994; см. переводы А. Кронеберга и К. Р. (акт III, явл. 2).
- ⁶ Шекспир У. “Гамлет”. Избранные переводы. М., 1985; см. перевод Н. Полевого (акт III, явл. 2).
- ⁷ Эта и многие другие реплики получили в версии Полевого другое, нешекспировское значение. И троекратный призыв Гамлета Полевого “удалиться от людей” звучит в контексте других фраз, которые более принадлежали переводчику, нежели Шекспиру: “Страшно, страшно

за человека!», «Чего от людей ждать, какая-нибудь мерзость» и др.: см. подробнее о переводе Полевого: Шекспир и русская культура. М.: Л., 1965. С. 274–277.

- ⁸ С. Д. Балухатый отметил, что Чехов использовал многие образы, положения, отдельные фразы рассказа «У знакомых» в позднейших пьесах: «Три сестры» и особенно «Вишневый сад». Исследователь высказал предположение, что рассказ в собрание сочинений «не был включен, вероятно, из желания избежать возможного у критиков, в силу исключительной близости рассказа к пьесе «Вишневый сад», сравнения этих двух произведений» (Литература. 1931. № 1. С. 154).
- ⁹ Возможно, во время работы над «Вишневым садом» Чехов перечитывал «Женитьбу» Гоголя. 7 января 1903 г. Чехов писал О. Книппер: «Сегодня получил из Вашего театра список пьес, предполагаемых к постановке... Хорошо бы так же «Женитьбу» Гоголя поставить. Можно ее очаровательно поставить...».
- ¹⁰ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 4. Все цитаты из комедии Гоголя «Женитьба» даны по этому изданию; в тексте в скобках указываются действие и явление.
- ¹¹ Паперный З. «Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили Чехова. М., 1982. С. 208, 210.

ПОВЕСТЬ В. Я. БРЮСОВА «МОЯ ЮНОСТЬ» КАК РОДОСЛОВНАЯ «НОВОГО» ИСКУССТВА

Мария Драгунова
(Тарту)

Долгое время в исследовательской традиции повесть В. Я. Брюсова¹ «Моя юность» (1900)² трактовалась как документальный автобиографический источник. Мы считаем, что МЮ может рассматриваться также в ряду художественных произведений Б. Повесть написана в форме *Ich-Erzählung* и определена в предисловии как «биография поэта». Рассказчик является во многих отношениях *alter-ego* автора. Юность героя повести совпадает с периодом литературной юности Б., временем возникновения в России символизма и активного обсуждения в русской критике первых выступлений символистов и декадентов.

МЮ — это своеобразная попытка обосновать появление «нового» искусства на русской почве. Повесть рассматривается нами в контексте полемики ее автора с русской литературной критикой, выступающей с инвективами в адрес формирующегося «нового» искусства.

В 1890-е годы в литературной критике начинают складываться две основные линии оценок первых символистских выступлений. Первая из них — «радикальная», отрицающая декадентство и символизм на Западе и в России; вторая — «умеренная», оправдывающая движение к новым формам, но только в западноевропейской литературе, а также отрицающая качественную разницу между произведениями русских декадентов и их некоторых отечественных предшественников. После публикации в 1894–1895 гг. сборников под редакцией Б. «Русские символисты», книги Б. «*Chefs d'oeuvre*» (1895) и книги А. Добролюбова «*Natura naturans. Natura naturata*» (1895) максимализм оценок в критике усиливается. Взгляды «радикального» крыла критики во многом определялись ссылками на книгу Макса Нордау «*Entar-*

tung" (1893). Так, народнический критик Н. К. Михайловский называет проявления "нового" искусства на Западе и в России "уродством" и "вздором". Оставляя за декадентами право "безнаказанно вытворять какие-либо непристойности", он отказывается признать творчество "новых" поэтов фактом искусства. Прочитируем его отзыв о сборнике "Chefs d'oeuvre" Б.: "Вздор и завешание этой книги вечности и искусству <...> никакого ему <Брюсову. — М. Д.> дела нет до вечности и искусства <...>"³.

К числу "умеренных" критиков принадлежит, в частности, А. Л. Волынский (с 1892 г. — редактор журнала "Северный Вестник", в котором печатались символисты): "Декадентство как оно явилось во Франции, у нас его не было, были лишь плохие подражания, не заслуживающие внимания"⁴.

В критике 90-х гг. формируется образ "декадента". Так, например, П. Ф. Гриневич о новых поэтах отзывается как об "изображающих своими персонами наших доморожденных Метерлинков и Верленов". Б. критик называет — "шутником-школьником, задавшимся целью высмеять наших символистов, или душевно-больным"⁵. Следует подчеркнуть, что эпатаж первых сборников Б. явился серьезным препятствием на его пути в "большую" литературу. Его произведения на протяжении второй половины 90-х гг. не печатались в чуждых возникающему "новому" искусству периодических изданиях. Важно, что и в журнале "Северный Вестник" произведения Б. не публиковались. Поэты и прозаики "Северного Вестника", считая себя символистами, Б. относили к декадентам. И если с символизмом ими связывалась серьезная программа, то декадентство определялось как "вырождение серьезных стремлений человеческого духа в острую, пошловатую моду"⁶.

В целях опровержения обвинений критики Б. пытается реализовать две задачи. Во-первых, это создание теоретической программы "нового" искусства и, во-вторых, реабилитация "нового" искусства в России.

В МЮ Б. пытается опровергнуть обвинения критики в отождествлении декадентства от национальной традиции, охарактеризовать свою роль в литературном процессе. Отметим, что слово "декадент" в повести не используется. Это связано с закреплению

стью за ним определенной негативной семантики и с более широким осмыслением данного явления Б.

В повести Б. описывает родословную героя: его дед по отцовской линии — Кузьма Андреевич Брюсов — купец; отец героя — представитель поколения 60-х годов; дед по линии матери — Александр Яковлевич Бакулин — мещанин, поэт, современник пушкинской эпохи.

Каждый из трех родственников задает определенную смысловую линию в повести. Одна из них связана с дедом — Брюсовым: «Сначала меня только дразнили, что я “Брюс”, что я “купец второй гильдии”» [113]. Эта линия связывается с осознанием своих корней, понятием рода. В качестве доказательства значимости этой темы для Б. может быть процитирован отрывок из его письма П. П. Перцову (1900): «Об оторванности новых поэтов от народной почвы <...> настаиваю, что вы не правы <...>. И как оторваться нам от этой почвы, когда мы еще так близко связаны с ней — многие, сколько мне известно. Фофанов из “простых”, не так ли? Сологуб-Тетерников тоже. С. А. Поляков, создатель “Скорпиона”, из серой купеческой семьи. Мой дед был крепостным»⁷.

Линия отца и матери связана в повести с темой воспитания автобиографического героя: «Отец написал мне письмо, где говорил (сказался шестидесятник! Нигилист!), что он не смеет препятствовать свободе моих поступков» [126]. Следствие такого воспитания — дух протеста, стремление к крайностям в мышлении и поведении, унаследованные героем от поколения шестидесятников. В письме к И. Коневскому от 19 ноября 1899 г. Б. замечает: «Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов: я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод. Правила мне даже любезны, но на условии, что я знаю свою власть над ними»⁸.

С упоминанием деда по линии матери — Бакулина, современника пушкинской эпохи и не известного никому поэта, в повести появляется линия, связанная с темой поэтического призвания. Дед, к творчеству которого «в семье относились с сожалением, старались не говорить о нем как о какой-то постыдной слабости» [99], «издает книжку басен под заглавием “Басни провин-

циала” (На некоторых экземплярах было отпечатано: “Басни А. Я. Бакулина”)) [99]. Б. намекает здесь на внутреннюю драму недворянского, “третьего сословия”: невозможность стать поэтом и постепенное преодоление этой невозможности.

Для Б. осознание себя поэтом подразумевает название собственного имени, то есть включение его в литературную традицию. Впервые в повести название фамилии героя в связи с творчеством встречается в следующей ситуации:

Не помню уже, каким образом попало к Л. И. Поливанову мое подражание стихотворениям Верлена: Это видение ночи...

Однажды, когда мы толпились после урока, неожиданно выходит Л. И. Поливанов, ищет меня глазами, находит и подает мне бумагу.

— Брюсов. Вот это вам.

И исчезает. Я развертываю. Это стихотворный же ответ мне: “Покаянье лже-поэта француза” [149];

ср. описание той же ситуации в дневнике Б. (запись 30 января 1893 г.): “Входит хладно Лев и подает записку. Читаю: пародия на мое стихотворение”⁹.

В анализируемом эпизоде герой знакомит гимназистов и учителей с творчеством Верлена, пытается переводить его поэзию. О роли продолжателя дела Верлена в России, принятой на себя Б., свидетельствуют, в частности, его письма к этому французскому символисту¹⁰.

Отметим также, что Поливановская гимназия в сознании современников Б. была связана с именем Пушкина. При поступлении герой на экзамене отвечает на вопрос о Пушкине. Обучаясь в гимназии, он постепенно приобретает репутацию поэта, не только в собственном сознании, но и во мнении окружающих. Эти факты, а также приведенное в повести название пародии Поливанова “Подражание лже-поэта француза”, вызывает ассоциацию с лицейским прозвищем Пушкина “француз”. Имя Пушкина возникает не случайно. Так, уже в 1890-е гг. Б., осознавая необходимость для современной поэзии поэта, подобного Пушкину, отводил эту роль себе¹¹.

Таким образом, описывая родословную “нового” поэта, Б., во-первых, пытается определить не только эстетический, но и социокультурный генезис “нового” искусства. С его точки зрения кор-

ни символизма непосредственно восходят к разночинной культуре. Это, с одной стороны, купцы, представители “третьего сословия”, с другой стороны — это шестидесятники и нигилисты.

Во-вторых, в радикализме шестидесятников (“нигилизм”) Б. также усматривает истоки русского “нового” искусства, но уже не социо-культурные, а идеологические. (Ср. бунт шестидесятников против сложившихся общественных устоев и бунт “декадентов” против устоявшихся социальных и культурных штампов)

В-третьих, тема поэта, который не имеет возможности назвать свое имя в печати, — это отражение внутренней драмы самого Б. в 1890-е гг.: “неистовый” декадент, он не получает признания не только среди “чужих” (не-символистов), но и среди “своих” (символистов “Северного Вестника”).

В-четвертых, описывая родословную “нового” искусства, Б. пытается указать на функцию своего имени в литературной традиции. Он сопоставляет свою роль в формировании “нового” искусства в России 1890-х гг. с ролью Пушкина в литературе начала XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее в авторском тексте — Б.

² Далее в тексте — МЮ; цитируемые страницы в квадратных скобках.

³ Михайловский Н. К. Литература и жизнь. Русское богатство. 1895. № 10. С. 36.

⁴ Волынский А. Л. Декадентство и символизм // Волынский А. Л. Борьба за идеализм. 1900. С. 315.

⁵ Гриневич П. Ф. Обзор нашей современной поэзии // Русское богатство. 1897. № 9. С. 19.

⁶ Волынский А. Л. Ук. соч. С. 317.

⁷ Брюсов В. Я. Письма к П. П. Перцову // Русский современник. 1927. № 4. С. 229.

⁸ Валерий Брюсов и его корреспонденты. Лит. наследство. Т. 98. Кн. 1. 1991. С. 475.

⁹ Брюсов В. Я. Дневники: 1891–1910. 1927. С. 11.

¹⁰ См.: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 612.

¹¹ Там же. С. 641.

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА («ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ» М. КУЗМИНА)

Яна Берсон
(Санкт-Петербург)

Традиция изучения «поэтики грамматических категорий»¹ на материале литературы XIX в. обусловлена тем, что эпоха активизировала внимание авторов к языку и, в частности, к грамматике, подтверждая известное положение о том, что симметричная повторенность и контраст грамматических значений становятся в поэзии художественными приемами². Эта грамматическая схема задается в тексте в том числе глагольной последовательностью. Показательным материалом для анализа представляется творчество акмеистов и поэтов, близких этому направлению³.

Статья посвящена анализу оды М. Кузмина «Враждебное море» (ВМ). Написанная в апреле 1917 г., она «символизирует появление нового, *трудного*, Кузмина»⁴ — трудного для понимания не только аллюзивно, но и чисто лексически и синтаксически. Текст атрибутирован автором как одический, что отсылает в том числе к русской одической традиции (Ломоносов, Петров, Державин), для которой глагол можно признать «грамматической доминантой»⁵. Не подразумевая генетической соотнесенности, мы попытаемся показать соотнесенность типологическую — ода как таковая подразумевает наличие глагольного костяка, так как в глаголе в первую очередь воплощается категория времени, а временная структура выступает как один из очевидных способов создания связности текста, в частности одического⁶.

На глагольной основе выстраивается и перекличка с «Одой революции» (1918) Маяковского⁷ (подчеркнутый текст): *реять* («над руганью реемой» — «дуй, ветер! вей, рей»), *веять* («пылью угля оваянному»), *хрИ/Анеть* («хрипит в предсмертном рейсе» — «взъяришься, храпишь, мечешь»), *лижет* в повторе («вчерашие

раны лижет и лижет» — «лизет, лизет, лизет слова»), проклята («будь ты проклята трижды» — «проклято, проклято»), взорвать — взрывать — взрыть («взрывают тысячелетие Кремля» — «корабельщики-братья, взроем хмурое брюхо»). Глагольная переключка возникает и между ВМ и «Революцией» (1917) Маяковского, ср. рушиться, ждать в изолированной позиции и т.п.

Начальные строки ВМ задают инерцию, определяющую дальнейшие читательские ожидания:

Чей мертвящий, помертвелый лик
в косматых горбах, из плоской выбившихся седины,
вижу?
Горгона, Горгона,
смерти дева,
ты движенья на дне бесцельного вод жива!

Обращает на себя внимание соположение настоящего и прошедшего, заданное в первых 3 строках грамматически, а в последних — эксплицитно. Вербальная реализация темы предваряется имплицитной, заявленной в грамматике: «Посинелый язык / из пустой глубины / лизет, лизет / (всплески — трепет, топот плеч утопленников!) / лизет слова / на столбах опрокинутого, потонувшего, / почти уже безымянного трона». Функция перфектного прошедшего — сообщения о факте — закрепляется в этом фрагменте за причастием, противопоставленным глаголу (настоящее актуализируется тройным повтором личной формы). На актуальность противопоставления длящегося действия уже совершившемуся (сейчас — давно) указывалось в литературе⁸.

Следующие строки работают по контрасту: «Ты разделяешь народы, бормоча о небывшем чуде. // И вот, как ристалищный конь, // ринешься взрывом вод, взяришься, хранишь, мечешь // мокрый огонь на белое небо, // рушась и руша, // сверливой воронкой буравя свои же недра!». Как видно из этого отрывка, деепричастие, в противовес причастию, примыкает к глаголу в традиционной функции обозначения сопутствующего действия, а не противопоставляется ему. Этот фрагмент дает интересную аспектуальную картину: НСВ (тенд. пред.) — НСВ (непред.) —

СВ — СВ — НСВ (непред.) — НСВ (тенд. пред.) — НСВ (тенд. пред.) — НСВ (тенд. пред.) — НСВ (тенд. пред.). Такая организация характерна для оды ломоносовского типа.

Важно учесть, что императив представляет собой своеобразную границу будущего и настоящего, что подчеркивается у Кузмина аспектуально (совершенное будущее при обоих вариантах вида в императиве), а перфект (прошедшее совершенное, к которому относятся все глаголы прошедшего времени в тексте) — настоящего и прошлого, на что обратил внимание М. Л. Гаспаров при анализе гораианской оды. Итак, у Кузмина длится только настоящее — прошедшее и будущее не имеют форм НСВ.

Анализ грамматической, в частности глагольной, структуры текста подразумевает обращение, в первую очередь, к анализу композиции — грамматическое членение накладывается на графическое (строфическое) и рифменное, в результате чего образуется система внутритекстовых границ, каждая из которых маркирует если не окончание тематического блока, то пределы дополнительно вычленяемого смыслового целого в рамках текста.

1 море = смерть

вижу — лижет — разделяешь = 1–3–2 презенса НСВ
 ринешься — взъяришься = 2 буд. СВ
 хранишь — мечешь = 2 презенса НСВ
 несется = 3 презенса НСВ
 разобьем = 1 буд. СВ (императив)
 плачет — слышишь = 3–2 презенса НСВ
 вонзят = 3 буд. СВ
 неси = императив

2 Елена

раскинулась — сковала = прош. СВ
 ждет = 3 презенса НСВ
 раззолотили = прош. СВ
 чует = 3 презенса НСВ
 встретились = прош. СВ
 подымается — розовеют = 3 презенса НСВ

3 Парис

прилети = императив в знач. сослагат. накл.
 завьются = 3 буд. СВ
 меда дать не смеет — входит — блестят — подымлет =

3 презенса НСВ

грезит = 3 презенса НСВ

сдернут — увидят = 3 буд. СВ

лежат = 3 презенса НСВ

4 Ифигения

научила — наточила — закинула — родилась = прош. СВ

плачьте — пылай = императив

бесится — льется — жмет — жнет — валится = 3 презенса НСВ

велел высечь — заплакали = прош. СВ

В нашем случае при графическом девятичастном делении (по последним строкам: *ты движенья на дне бесцельного вод жива — свои же недра — первый под солнцем бой — на порфирных своих плечах — в одну сковала тем пламенной и нежней — которая меда достойного дать не смеет — детски обняв друг друга — до пустынь безлюдных Гипербореев*) рифменная структура вычленяет в первых 8 фрагментах 6 блоков с частично несовпадающими границами (по последним строкам: *лижет слова — первый под солнцем бой — деревни, что сожжены — в одну сковала тем пламенной и нежней — которая меда достойного дать не смеет — до пустынь безлюдных Гипербореев — братское горло — безуханный, пылай, Содом — за рядом ряд*), служа тем самым способом внутреннего соединения частей — на особенность рифмовки обращалось внимание: «<...> рифмовка усиливает впечатление свободы не только нерегулярностью (есть также незарифмованные строки), но и большими промежутками между рифмующимися окончаниями (до 8 строк), причем рифма осуществляется иногда в другом фрагменте»⁹, грамматическая же организация накладывает свою четырехчастную сетку, служа дополнительным способом связывания (по последним строкам: *на порфирных своих плечах — губы, сосцы и ногти чуть розовеют — детски обняв друг друга*). Стоит отметить, что тематическая композиция при этом двухчастна (Елена — Ифигения).

Композиционная функция глагольной сетки дополняется, по крайней мере, еще двумя — семантической и отсылочной. Первая открывается при анализе грамматических характеристик сополо-

женных глаголов и позиций, занимаемых глагольными единицами в строке. Так, собственно глагольные стихи *вижу* — *лижет*, *лижет* — *взъяришься*, *хратишь*, *мечешь* (обращает на себя внимание как смена категории лица — 1, 3, 2, так и количественная характеристика — вариант реализации приема градации: 1–2–3 глагола в строке) — *ждет* — *закинула* — *валится* (при причастных *уязвленная* — *зовущее* — *проклято*, *проклято*) соотносятся с сильными позициями глагола в начале строки *лижет* — *ринешься* — *плачет* — *не знает* — *слышишь* — *раскинулась* — *раззолотили* — *встретилась* — *подымается* — *прилетит* — *входит* — *сдернут* — *дуй* — *наточила* — *плачьте* — *льется* — *велел* (при причастных и деепричастных *бормоча* — *изобретшим* — *грядущие* — *задернут* — *называя* — *крича*) и в конце стиха *взроет* — *неси* — *розовеют* — *не смеет* — *блестят* — *проливать* — *вей*, *рей* — *отерла* — *помни* — *родилась* — *бесится* — *терзать* — *жмет* — *жнет* — *высечь* (при причастных и деепричастных *потонувшего* — *руша* — *буравя* — *сожжены* — *забыты* — *убиты* — *жрущая*). Временная структура текста представляется иллюстрацией наблюдения Т. И. Сильман: «<...> из презенса изложения излучаются воспоминания о прошлом, мечты о будущем; рядом с ним течет настоящее и рождается итоговое обобщение, в то время как непосредственного развития во времени здесь все же не происходит»¹⁰.

На важность приема повтора и активность его реализации на всех уровнях у Кузмина обращалось внимание¹¹. Следовательно, глагольный повтор (*лижет*, *лижет*, *лижет* слова) и нанизывание глагольных цепочек (*взъяришься*, *хратишь*, *мечешь*; *дуй*, *ветер*, *вей*, *рей*) представляет собой пересечение тенденции собственной поэтики Кузмина с одической традицией.

«С другой стороны, как бы для уравнивания параллелизма у Кузмина заметно пристрастие к резким контрастам, оксюморонам, антитезам»¹² — в том числе в грамматике (*мертвящий* — *помертвелый*, *рушась* и *руша*). Итак, грамматика оказывается принципиальной для осмысления кузминского текста.

СОКРАЩЕНИЯ

НСВ — несовершенный вид

СВ — совершенный вид

тенд. пред. — тендентивная предельность

нетенд. пред. — нетендентивная предельность

непред. — неопределенность

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О термине см.: *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979. С. 13; *Гин Я. И.* Поэтика грамматических категорий. СПб., 1996. С. 75.
- ² См. об этом: *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230; *Якобсон Р. О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983. С. 462–482.
- ³ См. о Кузмине в связи с акмеизмом: *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 108; *Грякалова Н. Ю.* Акмеизм. Мир, творчество, культура // Русские поэты «серебряного века». Л., 1991. С. 6–8; *Лавров А., Тименчик Р.* «Милые старые миры и грядущий век». Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 11–12; *Biernat E.* Michail Kuzmin i rosyjscy symbolisci // Studia litteraria polono-slavica. W-wa, 1993 — 1. С. 83.
- ⁴ *Марков В.* Поэзия Михаила Кузмина // Марков В. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994. С. 105.
- ⁵ *Берсон Я.* Трансформация русской оды (Два «Хотина») // Русская филология. 10. Тарту, 1999. С. 20–27.
- ⁶ См. об этом: *Гаспаров М. Л.* Топика и композиция гимнов Горация // Поэтика и композиция древнеримской литературы: жанры и стиль. М., 1989. С. 112.
- ⁷ См. об этом, например: *Марков В.* Ук. соч.; *Селезнев Л. М.* Кузмин и В. Маяковский (К истории одного посвящения) // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 66–87.
- ⁸ *Бабаева Е. Э.* Капризными путями: (Опыт прочтения поэмы М. Кузмина «Форель разбивает лед») // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 129.
- ⁹ *Марков В.* Ук. соч. С. 105–106.
- ¹⁰ *Сильман Т. И.* Заметки о лирике. Л., 1977. С. 14.
- ¹¹ *Марков В.* Ук. соч. С. 72.
- ¹² Там же. С. 75.

НАРКОМАНИЯ КАК ДИСКУРСИВНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАССКАЗА М. А. БУЛГАКОВА «МОРФИЙ»

Йон Кюст
(Копенгаген)

Рассказ М. А. Булгакова «Морфий» (1927) представляет собой рамочный текст, который включает в себя дневник участкового врача, доктора Полякова, и обрамляющий этот дневник рассказ от лица его друга-однокурсника, доктора Бомгарда.

В данной статье я намерен сначала обратиться к загадочному, на первый взгляд, началу рассказа, затем остановиться на ряде вопросов, связанных с тематикой и дискурсом текста, и в заключение предложить основанную на результатах проведенного мной анализа трактовку начала рассказа и построения всего текста.

При чтении начала рассказа «Морфий» бросается в глаза то, что афоризм, являющийся элементом сугубо генеритивного регистра, сменяется внезапным обращением к информативному регистру личного опыта рассказчика.

Давно уже отмечено умными людьми, что счастье — как здоровье: когда оно налицо, его не замечаешь. Но когда пройдут годы — как вспоминаешь о счастье, о, как вспоминаешь!

Что касается меня, то я, как выяснилось это теперь, был счастлив в 1917 году, зимой. Незабываемый, выжженный, стремительный год! [147]¹

Эффект такого начала — двойной: с одной стороны, актуализируется слово «счастье»², с другой — создается немного загадочная атмосфера, ибо у читателя возникает вопрос, каким образом это выяснилось, каким образом рассказчик узнал о том, что он в 1917 году, зимой, был счастлив. Всю эту информацию должен содержать последующий текст.

Главный тезис настоящего анализа опирается именно на начало текста: рамочное построение позволяет Булгакову осуществить

свой творческий замысел, а именно, показать природу наркомании как этической проблемы, с одной стороны, и как дискурсивно-языкового явления, с другой.

В литературе, посвященной жизни и творчеству М. Булгакова, отмечается, что сам писатель в течение некоторого времени (1916–1917) был морфинистом³. Кроме того, существует подерживаемая многими авторами, но не доказанная окончательно гипотеза о том, что дневник Полякова представляет собой отрывок из уничтоженного Булгаковым романа «Недуг», темой которого являлась революция 1917 года в восприятии наркомана⁴.

В монографии Л. Яновской⁵ этот автоинтертекстуальный прием рассматривается как основополагающий инцитамент Булгакова к созданию рассказа «Морфий». Таким образом, рамочная структура текста объясняется как встреча двух Булгаковых: наркомана Полякова как *worst case scenario* и включающего его в себя более привлекательного *alter ego* Булгакова — Владимира Михайловича Бомгарда, известного читателю из «Записок юного врача».

Первая прослеживаемая в рассказе «Морфий» цель — критика утилитарного взгляда на счастье. Дневник Полякова предлагает два варианта счастья: эйфория наркомана и любовь. Поляков испытывает оба, однако морфий оказывается слишком сильным соперником любви.

Поляков использует морфий для того, чтобы забыть бросившую его любимую женщину. Кроме того, наркомания исключает возможность создания серьезных отношений с Анной К., его фельдшером. Поляков объясняет:

У морфиниста есть одно счастье, которое у него никто не может отнять, — способность проводить жизнь в полном одиночестве [169].

А счастье любви в том виде, в каком оно представлено в дневнике Полякова, отличается тем, что другой человек его *может* отнять. В результате складывается следующее соотношение счастья — любви и счастья — наркомании: основная черта, отличающая любовь от наркомании, — это именно присутствие Другого в любви и, соответственно, его отсутствие в наркомании.

Не подвергая сомнению тот факт, что морфинист испытывает настоящее удовольствие, наоборот, показывая, что это удовольствие абсолютно и неоспоримо, Булгаков развенчивает утилитарный взгляд на счастье как максимальное удовольствие для одного человека. Булгаковский текст утверждает: счастье — это максимальное удовольствие для двух или более лиц. Более того, счастье — это не состояние, достигаемое непосредственно, как в случае наркотической эйфории, это не пребывание в определенном психологическом состоянии, а либо обладание опытом достижения своих целей, либо стремление к их осуществлению. Используя пространственную метафору, можно сказать, что это означает быть не *внутри* чего-либо, а *между* чем-либо.

Счастье любви, или даже счастье тяжелого труда, олицетворяемого доктором Бомгардом, является этически правильным по сравнению со счастьем наркотической эйфории, где Другой отсутствует. Другой обеспечивает тот динамизм и ту диалогичность, которые невозможны в наркотической эйфории. Такова нравственно-этическая идея рассказа Булгакова «Морфий».

На первый взгляд, эта идея может показаться несколько банальной, однако она представляет интерес по двум причинам. Во-первых, потому, что таким образом как бы дается ответ на имплицитно содержащийся в тексте вопрос о том, почему запрещаются наркотики типа морфия. Во-вторых, аргументом в пользу небанальности булгаковской идеи можно считать параллель, которую она находит в дискурсивной структуре рассказа.

Рассказ «Морфий» не только представляет собой защиту определенной нравственно-этической идеи, как было показано выше; в нем также на первый план повествования выдвигаются два различных дискурса, несовместимость которых напоминает о несовместимости любви и наркомании. Это дискурс наркомана, с одной стороны, и дискурс не-наркомана, с другой. Например, второй, «здоровый», дискурс разрешает дискурс заботы о другом человеке, дискурс готового помогать другу доктору Бомгарда, который рассказывает следующее о своем приезде в современную, хорошо оборудованную больницу: «Я почувствовал себя в первый раз человеком, объем ответственности которого ограничен какими-то рамками» [148].

Дискурс наркомана Полякова, в свою очередь, страдает не только в результате стремительной деградации личности, которая становится неизбежной, когда на первый план жизни человека выступает единственное желание, способное уничтожить все другие. Для дискурса наркомана характерно и то, что наркоман, всегда лучше других осознавая свою зависимость и деградацию личности, то и дело вынужден прибегать к оправданию своих действий. Такое явление встречается на протяжении всего дневника Полякова.

А оправдывает Поляков свой морфинизм с помощью ряда дискурсивных приемов. Так, он говорит языком требующего внимания и жалости влюбленного, но покинутого человека:

Как все просто, в сущности. Оперная певица сошлась с молодым врачом, пожила год, и ушла.

Убить ее? Убить? Ах, как все глупо, пусто. Безнадежно!

Не хочу думать. Не хочу... [157]

Вызванная у читателя жалость позже также используется наркоманом в качестве оправдания: «Но вот уже полмесяца, как я ни разу не возвращался мыслью к обманувшей меня женщине <...> Я очень горжусь этим. Я — мужчина» [159].

Другой дискурсивный ход, предпринимаемый Поляковым для оправдания своей пагубной привычки, — это трезвый дискурс медицинской справки. Кульминационный момент этого дискурса достигается тогда, когда Поляков неожиданно утверждает, что пишет он на самом деле не дневник, а историю болезни.

Однако время от времени Поляков как будто разбирает свои дискурсивные маневры, высказываясь, например, о наркомании: «Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием» [159]. Последний пример оправдывающего характера наркотического дискурса — это использование в качестве аргумента актуальных политических событий; так, о революции 1917 года Поляков говорит: «Не могу сразу отвыкнуть... в особенности теперь, когда происходят все эти события...» [167].

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что революция в рассказе фактически не присутствует⁶; с другой стороны, предлагается иносказательная интерпретация «Морфия» как закодированной аллегории событий 1917 г.⁷ Однако, исходя из дискурсивного прочтения, причина упоминания революции заключается в том, что в рамках дневника она является лишь одним из элементов свойственного наркоману дискурса непрекращающегося оправдания. Таким образом, контекстовая тема революции предполагаемого прототекста «Недуг» (см. выше) в «Морфии» минимальна, в то время как исключительно внутритекстовая проблема дискурса доминирует в переплетении с нравственно-этической проблемой⁸.

Весь этот набор оправданий показывает неспособность наркотического дискурса вступить в диалог, иначе — характерное для него сопротивление диалогу. Монологичность обеспечивается непрерывными попытками предугадать возможные возражения со стороны читателя. В этом заключается своеобразная творческая сила наркотического дискурса, однако он всегда ограничен своей сингулярностью.

Сингулярным можно в таком случае назвать и счастье наркотической эйфории. Мы запрещаем наркотики как раз из-за сингулярности, как в отношении достигаемого удовольствия, так и в отношении дискурса наркомана. Таким образом, в сингулярности, пронизывающей наркоманию как с этической, так и с текстовой точки зрения, кроется не только причина запрета на наркотики, но и причина специфического демонизма наркомана: наркоман не владеет нашим языком; он — чужой, он — «демон» с дефектом дискурсивной речи.

Возвращаясь к началу рассказа, мы видим, что вставка «как выяснилось это теперь» свидетельствует о том, что рассказ «Морфий» — это нарратив о *Bildung* доктора Бомгарда, который, узнав о природе несчастья наркомана, сам может быть счастливым и осознавать, что он — счастлив. Исполнению этого творческого замысла Михаила Булгакова послужили автобиографичность и рамочная структура текста, структура, которая в миниатюре реализуется в первых предложениях рассказа «Морфий».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Текст цитируется по: *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. Здесь и дальше в квадратных скобках указывается номер страницы в упомянутом издании.
- ² Структура этого начала удивительно похожа на известное начало «Анны Карениной». Создается однозначная интертекстуальная связь, как в плане актуализации счастья, так и в формальном плане: резкий переход от генеритивного регистра афоризма первого абзаца к информативному регистру второго абзаца. Результатом этой интертекстуальной связи является подчеркивание нравственно-этического начала, объединяющего роман Толстого с булгаковским текстом.
- ³ См. об этом: [*Кисельгоф Т. Н.*] Беседа с Татьяной Николаевной Лаппа, первой женой М. А. Булгакова // *Неизданный Булгаков: Тексты и материалы* / Ed. by E. Proffer. Ann Arbor: Ardis, 1977. P. 18.
- ⁴ *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 83–88.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См., например: *Haber, Edythe C.* Mikhail Bulgakov: The Early Years. Harvard, 1998. P. 131.
- ⁷ *Gourg, Marianne.* The Story «Morphine»: an Attempt at Analysis in the Context of Mikhail Bulgakov's Creative Biography // *Bulgakov the Novelist-Playwright* / Ed. by Lesley Milne. Luxembourg, 1995. P. 109–114.
- ⁸ Данная трактовка находит, в частности, поддержку в упомянутой выше интертекстуальной связи с «Анной Карениной».

МОТИВ «ДОМА» В БЕЛЫХ ПЯТИСТОПНЫХ ЯМБАХ ВЛ. ХОДАСЕВИЧА

Екатерина Волкова
(Москва)

Мотивный анализ текста как метод описания поэтического мира автора и способ проникновения в глубину писательской концепции имеет более чем вековую историю развития. И если в рассмотрении нарративов постулатом является определение мотива, данное А. Н. Веселовским¹, то традиция подобного анализа поэтических текстов опирается на работы Р. О. Якобсона: “В многообразной символике поэтического произведения мы обнаруживаем постоянные, организующие, цементирующие элементы, являющиеся носителями единства в многочисленных произведениях поэта, элементы, накладывающие на эти произведения печать поэтической личности” [Якобсон: 145].

Подобные элементы в лирике могут быть соотнесены с понятием “мотив”. По выражению В. И. Тюпы, мотив — “органическая клеточка художественного смысла” [Тюпа: 52]. Двуплановость мотива очевидна: входя в структуру произведения, он одновременно является и элементом смыслового поля текста.

Мотивная структура произведения иерархична. Из текстовых вариантов (коррелятов “алломотивов” для нарративных текстов [Путилов: 78]) строится мотивный ряд (“вариационные ряды” мотивов [Ян ван дер Энг: 199]); ряды же, в свою очередь, могут сгруппироваться в комплекс. Последние представляют концептосферу [Лихачев: 6] автора с точки зрения мотивной структуры его текстов.

Начинать рассмотрение этой структуры, на наш взгляд, следует с анализа мотивных вариантов как мельчайших элементов поэтического мира автора. Рассмотрим с этой позиции мотив “дома” в белых пятистопных ямбах Вл. Ходасевича.

Белые пятистопные ямбы — внутренний лирический цикл² книги стихов Ходасевича “Путем Зерна” (1920)³. Ориентированный на Пушкина и Блока⁴, насыщенный анжамбманами бесцезурный ямб Ходасевича имеет специфический семантический ореол. Во всех стихах цикла господствует “интонация значительности — исторической и вечной значительности — простой матери жизни, вечной среди ее окружающих и ее взрывающих небывалых событий” [Бочаров: 19]. Наряду с повышенной философичностью и событийностью (в той мере, в какой она присуща лирике), белый пятистопный ямб Ходасевича обладает малой тропичностью. За кажущейся словесной простотой — глубина понимания мира. Здесь внешняя предметность текста раскрывается через многочисленные текстовые варианты мотива “дома”. Наиболее очевидно это в стихотворении “Дом” (1920):

Здесь домик был. Недавно разобрали
Верх на дрова. Лишь каменного низа
Остался грубый остов (1, 174)⁵.

С описания картины развалин начинается стихотворение. Рядом со старыми разрушенными стенами находятся молодые зеленые деревья двора. Для автора они в равной степени интересны: он созерцает происходящее, поэтизируя внешнюю предметность: “Рухнувшая балка / Похожа на колонну”.

“Дом”, “домик”, “чертог”, “развалины” — так определяет видимое поэт. Все это для него равнозначно:

Чертоги ли великого Рамзеса,
Поденщика безвестного лачуга —
Для странника равны они.

Все эти элементы эквивалентны как знаки нескончаемо текущего времени. Человек представляется Ходасевичу счастливым безумцем, который смотрит, как “сквозь пальцы” “жизнь утекает”. Сам автор остается безучастным к этому парадоксу. Он смотрит на все происходящее со стороны:

<...> О, блажен,
Чья вольная нога ступает бодро
На этот прах, чей посох равнодушный
В покинутые стены ударяет!

Прав С. Г. Бочаров, говоря о том, что здесь появляется интонация “пророка” [Бочаров: 18], но, отметим, не гонимого людьми, а созерцающего их жизнь со стороны.

Центральная часть стихотворения — размышление лирического Я на тему времени и истории как человеческого измерения бытия — вновь сменяется картиной внешней предметности. Но если первоначально лирический субъект созерцает руины-дом в одиночестве, он дистанцирован от происходящего, то в финале он включен в картину, и подобная причастность кардинально меняет авторские акценты.

До этого момента “сцена” была пуста, одиночество Я подчеркнуто следующей фразой из первой части:

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо,
И, обрываясь, верхняя площадка
Мне кажется трибуною высокой,
Но нет на ней оратора (1, 176).

Во всех белых ямбах Ходасевича присутствует ситуация встречи лирического героя с кем-либо, после которой герою открывается нечто новое о мире. Таковы “прекрасная англичанка” (“Встреча”), “девушка” (“Полдень”), “серб и обезьяна” (“Обезьяна”), “бутуз” (“2-го ноября”), Николай Иванович (“Музыка”). В “Доме” к развалинам приходит старость:

<...> Но вот —
Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кулем. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает паклю, драпки
Выдергивает.

Разрушение, которое, казалось бы, производит старуха, несет на самом деле смысл созидательный, смысл связи времен. В такой “работе” над домом жизнь не “утекает сквозь пальцы”. Ходасевич здесь подчеркивает мудрость глубинных законов бытия; все временные пласты сопрягаются, поэтому лирический герой помогает старухе разрушать развалины:

<...> Молча подхожу
И помогаю ей, и мы в согласие добром
Работаем для времени.

В таком времени мир Ходасевичу предстает единым. Поток здешнего бытия кажется ему благом: “Да, хорошо ты, время” (1, 175). Человек, поглощенный им, чувствует свою сопричастность конкретике здешнего, он сам ее часть: и строит (как в “Музыке”), и разрушает (“Дом”, “2-го ноября”).

Моменты изобразительной предметности организуют этот текст на мотивном уровне. Разрушенный дом предстает перед нами полностью: от пролетов окон и лестницы до “кафелей обрушившейся печи” (1, 176). В этом стихотворении сказалась “причастность” Ходасевича близкой реальности. Но мы видим, что причастность имеет в его мире довольно узкую сферу: ни близкие люди, ни пушкинская интонация “всеотзывчивости” не находят здесь себе места. Поэт способен ощутить значимость окружающего мира как созерцатель, равнодушно проходящий и мимо чертогов, и мимо лачуг. (Оба лексических текстовых варианта мотива не обладают в этом тексте коннотациями, свойственными им в языке.)

Для Ходасевича разрушение и созидание нераздельны. В этом сопряжении мир представляется единым, где есть место и “согласью доброму”. Но в нераздельности есть и свой трагизм. Само лирическое Я отъединено от мира “счастливых безумцев”. Вероятно, как странник, который помог старухе, герой пойдет дальше один: у него нет дома. И в “Полдне”, и в “Обезьяне”, и во “Встрече” лирическое Я вне мотивных реализаций “дома” (нет понятия “мой дом”) — здесь это репрезентанты внешней предметности. Своего рода “подтекстовым” мотивом стихотворения “Дом” (и многих других, не входящих в белые ямбы) является “бездомность”. Количество текстовых вариантов этого мотива увеличивается от книги к книге. Однако цикл белых ямбов является исключением; здесь и мир, и лирическое Я представлены в наибольшем приближении к гармонии, количество репрезентаций мотивного комплекса внешней предметности наиболее велико: реальный мир описывается поэтом любовно и подробно, с использованием различных стилистико-семантических мотивных вариантов. Для Ходасевича мир здесь значителен и целен, а взгляд на него универсален и широк.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. хрестоматийное определение А. Н. Веселовского: “Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового повседнеия” [Веселовский: 500].
- ² Понятие внутреннего лирического цикла см.: [Фоменко: 12; Дарвин: 19].
- ³ Книга была издана дважды — в 1920 и 1922 гг. Стихотворение “Музыка”, включенное Ходасевичем в следующую книгу стихов “Тяжелая Лира”, также написано белым пятистопным ямбом, по времени написания соответствует анализируемым текстам книги “Путем Зерна” и потому включено в ракурс нашего рассмотрения.
- ⁴ См. об этом: [Bailey: 141; Smith: 376].
- ⁵ Все тексты цитируются по изданию: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996, с указанием в круглых скобках тома и страницы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров: *Бочаров С. Г.* “Памятник” Ходасевича // *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1.
- Веселовский: *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1940.
- Дарвин: *Дарвин Л. М.* Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983.
- Лихачев: *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* М., 1993. № 1.
- Путилов: *Путилов Б. Н.* Веселовский и проблемы фольклорного мотива // *Наследие Александра Веселовского.* СПб., 1992.
- Тюпа: *Тюпа В. И.* Тезисы к проекту словаря мотивов // *Дискурс.* Новосибирск, 1996. № 2.
- Фоменко: *Фоменко И. В.* О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984.
- Ян ван дер Энг: *Энг, Ян ван дер.* Искусство новеллы // *Русская новелла: проблемы теории и истории.* СПб., 1993.
- Яacobсон: *Яacobсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987.
- Bailey: *Bailey J.* The Evolution and Structure of the Russian Iambic Pentameter from 1880 to 1922 // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* Mouton: Hague, 1973. Vol. XVI.
- Smith: *Smith A. S.* The Versification of V. F. Xodasevic 1915–39 // *Russian Poetics.* UCLA Slavic Studies. Los Angeles, 1983. Vol. 4.

«A BRILLIANT YOUNG BALT»:
БАЛТИЙСКИЙ СЛЕД В РОМАНЕ В. НАБОКОВА
«ПОСМОТРИ НА АРЛЕКИНОВ!»

Григорий Утгоф
(Таллинн)

В существующих работах о «Look at the Harlequins!» — последнем из опубликованных романов Набокова — непременно говорится о важной его черте — его автопародийной природе¹. С проблемой автопародии смыкается и рассуждение о Вальдемаре Экскуле — «блистательном юном остзейце», трижды упомянутом на страницах романа.

Как может показаться на первый взгляд, появление имени *Экскуль* продиктовано ни чем иным, как стремлением автора разнообразить звуковую организацию текста. В самом деле, всякое упоминание этого имени не обходится без аллитерации *кс* (*ск*); ср.: в первой главе четвертой части романа: «During my first years at Quirn I had accumulated two thousand pages of literary comments typed out by my assistant (I notice I have not introduced him yet: Waldemar Exkul, a brilliant young Balt, incomparably more learned than I; dixi, Ex!)» [Nabokov 1974: 157]; во второй главе четвертой части: «Angelic Ex had already read and marked the entire batch of exams, but he thought I might want to see some of the works he had reluctantly failed» [Nabokov 1974: 164]; в первой главе шестой части: «In the name of moral hygiene I had got rid long ago of my Bechstein desk. Its considerably smaller substitute contained note paper, scratch paper, office envelopes, photostats of my lectures, <...> and a pair of warm gloves belonging to my assistant (and successor) Exkul. Also three boxfuls of paper clips and a half-empty flask of whisky» [Nabokov 1974: 224–225]².

Функция рассматриваемого имени, между тем, не сводится только к орнаментальной. При тщательном рассмотрении обнаруживается, что Экскуль — это литературный отпрыск баронов

Uexküll (Uxkull), древнего немецкого рода, записанного в матрикулах Эстляндской и Лифляндской губерний³. Необычное звучание этой фамилии объясняется тем, что в основу ее положен финно-угорский топоним (в местечке Uexküll (ныне — Икшкиле), в двадцати восьми километрах от Риги, находился замок баронов). В политической жизни России начала столетия Иксули (и их родственники Иксуль-Гильденбандты) играли видную роль, и, по всей вероятности, знанием этой фамилии Набоков был обязан своему петербургскому детству⁴.

По недавнему предположению Джозефа Гейгера, прототипом блистательного остзейца послужил Набокову Woldemar Graf Uxkull-Gyllenband — античный историк, профессор Тюбингенского университета, автор книги «Plutarch und die griechische Biographie» (1927). Пропуск начальной *и*, по мнению Гейгера, мотивирован интересом Набокова к теме изгнания (изгнание по-английски — ‘exile’), и поэтому обращение «Ех!» в конце первого из процитированных выше фрагментов «следует понимать как шутку»⁵.

Этот вывод наталкивается на несколько возражений. Первое — генеалогического порядка. Ни остзейские Иксули, ни Иксуль-Гильденбандты не были графами. В графское достоинство были возведены их родственники, поселившиеся (еще в восемнадцатом веке) в герцогстве Вюртемберг⁶. Таким образом, если Набоков, говоря об Эксуле, имел бы в виду профессора из Тюбингена, он едва ли назвал бы его остзейцем, а сказал бы, скорее, «немец». Вид, который фамилия *Uexküll* принимает в «Look at the Harlequins!», подтверждает, на мой взгляд, тот факт, что Набокову было известно ее русское написание. Памятуя о том, что в русской транскрипции это имя начинается с *икс* (семантика сочетания не могла не привлечь Набокова)⁷, он, по всей вероятности, воспроизвел его, заменив три первые буквы английской аналогией.

Появление имени *Вальдемар* обусловлено столь же четкой мотивировкой. Это имя (как и имя *Вадим Вадимович*) происходит от имени автора. Если имя вымышленного мемуариста, при этом, представляет собой произнесенное скороговоркой имя и отчество

Набокова, имена *Вальдемар* и *Владимир* восходят к общему корню.

Таким образом, упоминая (и, как в случае с другими героями романа, — выдумывая) Вальдемара, Вадим Вадимович выказывает свою озабоченность проблемой идентичности. Смутно опасаясь, что его существование — лишь «the non-identical twin, a parody, an inferior variant of another man's life» [Nabokov 1974: 89]⁸ (что соответствует действительности: мемуары Вадима Вадимовича пародийно излагают творческий путь Набокова), Вадим Вадимович создает себе двойника: как и он — дворянина (Вадим Вадимович — князь, Вальдемар Экскуль — барон), как и он — изгнанника (впервые Экскуль упомянут в связи с летним семестром 1947 года, то есть через семь лет после исхода остзейских немцев).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автопародийность романа проявляется уже при взгляде на перечень книг, написанных повествователем. Многократно отмечалось, что, к примеру, последняя книга Вадима Вадимовича — «Ardis» — восходит к роману «Ada», что роман «Подарок отчизне» («The Dare») представляет собой контаминацию «Дара» и «Подвига», что роман «See under Real» соответствует «Pale Fire» и «The Real Life of Sebastian Knight» и т.д. Автопародийный характер имеет и сам повествователь. Он, как и Владимир Набоков, родился в 1899 году, эмигрировал в Европу, после — в США, где занялся преподаванием и начал писать по-английски.

Сопоставлению биографий Набокова и его автопародийного двойника уделяется внимание в работах: *Левин Ю. И.* Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // *Russian Literature*. 1990. № 1 (28). P. 45–123; *Boyd B.* Look at the Harlequins! // *Vladimir Nabokov. The American Years*. Princeton, 1991. P. 623–642; *Johnson D. B.* Dementia's Incestuous Children in «Look at the Harlequins!» // *Johnson D. B. Worlds in Regression: Some Novels by Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985. P. 135–145, 152–153; *Maddox L.* «Look at the Harlequins» // *Maddox L. Nabokov's Novels in English*. Athens, 1983. P. 142–159; *Sweeney S. E.* Playing Nabokov: Performances by Himself

- and Others // *Studies in Twentieth Century Literature*. 1998. № 2 (22). P. 295–317. Пародийный характер библиографии Вадима Вадимовича отмечен в работах: *Ильин С. Комментарии* // Набоков. В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 624–658; *Johnson D. B.* «Look at the Harlequins!» // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York, 1995. P. 330–340. *Patteson R.* Nabokov's «Look at the Harlequins!»: Endless Re-Creation of the Self // *Russian Literature Triquarterly*. 1976. № 14. P. 84–98; *Rampton D.* «Pale Fire», «Transparent Things» and «Look at the Harlequins!» // *Rampton D.* Vladimir Nabokov: A Critical Study of the Novels. Cambridge, 1984. P. 148–180. *Tammi P.* Reading in Three Dimensions. Remarks on *Poligenetichnost'* in Nabokov's Prose // *Tammi P.* Russian Subtexts in Nabokov's Fiction. Tampere, 1999. P. 34–64.
- ² В переводе Сергея Ильина: «За первые годы, проведенные в Квиэрне, я накопил две тысячи страниц литературных комментариев, отпечатанных моим ассистентом (вижу, что я еще не представил его: Валдемар Экскул, молодой, блестящий балтиец, несравненно превосходящий меня ученостью; dixi, Экс!)» [Набоков 1999: 233]. «Ангелический Экс уже перечел всю стопку экзаменационных тетрадей и расставил оценки, но счел, что мне, быть может, захочется посмотреть те из работ, которые он скрепя сердце признал непригодными» [Набоков 1999: 240]; «Из соображений моральной опрятности я давным-давно избавился от моего бехштейнообразного письменного стола. Его значительно более скромный заместитель содержал бумагу для писем, бумагу для письма, официальные конверты, фотокопии моих лекций, <...> да чету теплых перчаток, принадлежащих моему ассистенту (и преемнику) Экскулу. Еще там имелись три полных коробки скрепок и початая фляжка виски» [Набоков 1999: 289]. Курсив во всех английских цитатах мой. — Г.У.
- ³ *Klingspor, Karl Arvid von.* Baltisches Wappenbuch. Stockholm, 1882. S. 121.
- ⁴ Любопытно в связи с этим отметить, что, к примеру, барон Александр Икскуль-Гильденбандт, сенатор, действительный статский советник, некоторое время жил на той же улице, что и Набоков (дом Набоковых находился по Большой Морской 47, адрес Икскуль-Гильденбандта — Большая Морская 59).
- ⁵ *Geiger J.* On Exiles and Regicides // *The Nabokovian*. 1996. № 1 (36). P. 28.
- ⁶ *Энциклопедический словарь.* СПб., 1894. Т. 12. С. 909. обстоятельное изложение истории рода Икскулей предлагает монография: *Таи-*

he, *Michael Freiherr von*. Die von Uxkull. Genealogische Geschichte des uradeligen Geschlechts der Herren, Freiherren und Grafen von Uxkull. 1229–1929. Berlin, 1930.

- ⁷ В поэтической системе Набокова *X* указывает на отсутствие того или иного объекта; ср. упоминание несуществующего швейцарского топонима в романе «Ada»: «Their recently built castle in Ex was inset in a crystal winter» [Nabokov 1969: 587]; в переводе Сергея Ильина: «Их недавно построенный в Эксе замок был вправлен в кристалл зимы» [Набоков 1997: 560].
- ⁸ В переводе Сергея Ильина: «...Непохожий близнец, пародия, скверная версия жизни иного человека» [Набоков 1999: 177].

ЛИТЕРАТУРА

- Набоков 1997 *Набоков В.* Собрание сочинений американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 4.
- Набоков 1999 *Набоков В.* Собрание сочинений американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5.
- Nabokov 1969 *Nabokov V.* Ada or Ardor: A Family Chronicle. New York, 1969.
- Nabokov 1974 *Nabokov V.* Look at the Harlequins! New York, 1974.

ЛИНГВИСТИКА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИАЛЕКТА С ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

(по материалам диалектологической экспедиции в
Белозерский район Вологодской области)

Сергей Сай
(Санкт-Петербург)

I. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Очень часто при описании диалекта внимание исследователей концентрируется на описании системы “чистых диалектов”. Однако для многих языков, в том числе для русского, в настоящее время говорить о диалектах в чистом виде трудно, и на первый план выходят разного рода пограничные явления, связанные с бытованием диалектной речи (см., напр.: Macafee 1994). Целью настоящего исследования является изучение ситуации диалекта, постепенно разрушающегося под влиянием норм русского литературного языка (далее — РЛЯ). Такое рассмотрение может проводиться как на микро-, так и на макроуровне. Первый подход предполагает рассмотрение языковой компетенции отдельного носителя диалекта, второй — изучение изменения системы диалекта путем внедрения в нее элементов системы кодифицированных форм языка. Следует понимать, что сами явления, рассматриваемые с этих двух точек зрения, тесно связаны между собой и во многом взаимообусловлены.

1.2. Объектом данного исследования стал говор, распространенный в деревнях Глушковского сельсовета Белозерского района Вологодской области, относящийся к Вологодско-Вятской группе говоров Северного наречия. Значительно отличающийся от литературного языка в своем исконном виде, этот говор в большой степени сблизился с РЛЯ вследствие целого ряда причин, начиная от высокой грамотности большинства местных жи-

телей, кончая мобильностью населения, в какой-то степени определяемой сохраняющимися экзогамными традициями.

1.3. Материалом для исследования явились магнитофонные записи, сделанные в ходе экспедиции летом 1998 г. в деревне Глушково, а также в нескольких деревнях одноименного сельсовета: Верегонец, Колодино, Росляково, Садовая. Записаны тексты от более чем 50 информантов разного пола, возраста и социального статуса. Производились записи разного рода:

- беседа информантов между собой на произвольные темы;
- беседа информанта(-ов) с исследователем на разные темы в непринужденной обстановке;
- чтение незнакомого текста вслух;
- речевая продукция испытуемых в ходе эксперимента;
- нарочитое, часто разбитое на слоги произнесение испытуемыми отдельных слов при просьбе исследователя отчетливо его повторить;
- ответы на прямо поставленные вопросы о той или иной диалектной черте.

Испытуемым предлагался также опросник, выявляющий их металингвистические представления, преимущественно связанные с осознанностью диалектных особенностей.

II. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДАННОГО ГОВОРА (ПО СУЩЕСТВУЮЩИМ ОПИСАНИЯМ И ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ) И ИХ РАЗВИТИЕ

2.1. Существующие более или менее подробные описания говоров Белозерского района относятся к 50–60-м годам [Бувальцева 1955, 1958; Горшкова 1958; Чумакова 1967]. Практически все особые черты (фонетические, морфологические, многие лексические, синтаксические), выделенные для данного диалекта в этих работах, в том или ином виде зафиксированы и в ходе экспедиции 1998 г. С другой стороны, относительно любой черты можно сказать, что существуют жители исследуемого района, полностью ее утратившие. Соотношение носителей, сохранивших и утративших ту или иную черту, зафиксированную во время экс-

педиций в 50-е гг., разное. Так, например, для подавляющего большинства информантов характерно полное оканье, более того, широкое распространение получил переход этимологического [а] в [о] в абсолютно слабой позиции: *бонан*. В то же время, отмеченное в 50-е гг. [и] на месте орфографического ъ под ударением практически во всех случаях совпало с нормативным [э].

2.2. Так или иначе, большая часть диалектных черт до определенной степени подверглась разрушению. Можно сформулировать некоторые гипотезы, касающиеся того, каким образом происходит подобное разрушение.

а) Вероятно, при разрушении данного диалекта наименее стойкими оказались те черты, которые создают отличие **системы** диалекта от РЛЯ (эта идея была высказана Александром Скобелкиным в ходе обсуждения на Международной конференции молодых филологов, Тарту, 1999). Другими словами, в первую очередь уподобляется сама система диалекта, а уже затем может меняться конкретное наполнение “ячеек” этой системы. Подобные явления, проявляющиеся на уровне речевой деятельности отдельных носителей диалекта, были описаны еще в классической работе Р. И. Аванесова [Аванесов 1949: 197].

В свете этой идеи кажется весьма естественным практически полное совпадение системы фонем исследуемого диалекта с системой фонем РЛЯ при большом количестве отличий в конкретных реализациях и дистрибуции этих фонем.

б) Другой гипотезой, касающейся порядка разрушения диалектных черт, является гипотеза о влиянии орфографии на развитие фонетической системы. Действительно, можно отметить, что наиболее стойкими особенностями фонетической системы оказываются те, которым не противоречит русская орфография, и наоборот. Так, например, русская орфография не препятствует оканью или произнесению *и* как [ш:], и эти черты сейчас распространены в той же степени, что и 40 лет назад; в то же время [э] на месте этимологического [а] в позиции между мягкими (например, *петь* вместо *пять*) или [и] на месте этимологического ъ под ударением противоречат современной орфографии, и эти

диалектные особенности на данный момент реализуются крайне непоследовательно. Возможно, впрочем, что все приводимые примеры являются случайными совпадениями.

в) Разрушение той или иной диалектной черты может идти 1) от носителя к носителю, 2) от лексемы к лексеме, 3) может совмещать эти два пути.

В качестве примера первого пути можно привести употребление сонанта [w] в интервокальном положении на месте орфографического *в* — одни носители всегда произносят [w], другие — [v].

В качестве примера второго пути можно привести употребление форм 2 и 3 Sg. глаголов первого спряжения с основой на заднеязычные без рефлексов палатализации (например, *берегёт*, *секёт*), которое было общепринятым для носителей данного говора на более ранних этапах его развития. Сейчас же большинство глаголов сохранило эту особенность, часть же, например, *печь* в значении “распространять жар”, утратило ее и теперь образует форму с рефлексами палатализации, как и в РЛЯ (*печёт*). Интересно, что тот же самый глагол *печь* в значении “готовить пищу в печи” по-прежнему образует формы *пекёшь*, *пекёт*.

По третьему пути идет большинство изменений. В этом случае в речи каждого носителя диалекта встречаются слова, имеющие определенную диалектную особенность, и слова, в которых она разрушена под влиянием РЛЯ; но набор слов одного и другого типа у разных носителей разный.

III. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ РАЗРУШАЮЩЕГОСЯ ДИАЛЕКТА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ О РЕФЛЕКСИИ)

3.1. Многие информанты употребляют в своей речи разные формы, занимающие одно и то же место в системе языка; обычно одна из таких форм восходит к системе РЛЯ, а другая — к исконной системе диалекта. Например, в речи одного и того же информанта фиксируются варианты *клить* и *клеть*; вариантные конст-

рукции сметана мазать и корову доить (употребление именительного падежа при инфинитиве характерно для многих северных говоров, см.: Кузьмина, Немченко 1964: 152).

Интересно, что в отношении варьирования с единицами РЛЯ могут вступать, вероятно, лишь некоторые единицы диалектной системы; другие же единицы в речи одного носителя представлены всегда каким-то одним вариантом. Последнее, например, относится, как уже было сказано выше, к реализации [w] в интервокальном положении на месте орфографического *в*.

Способность или неспособность той или иной диалектной формы сосуществовать в компетенции носителя диалекта с формой, относящейся к РЛЯ, является, по всей видимости, важным свойством самой этой формы. В связи с этим представляется целесообразным при описании системы диалекта указывать на то, какие элементы этой системы способны совмещаться в компетенции с элементами другой системы, а какие нет.

3.2.1. Для описания функционирования вариативных элементов, изначально относящихся к различным системам, существуют две основных модели:

- модель переключения кодов — в такой модели постулируется наличие в компетенции говорящего двух (или более) систем, а его речевая деятельность характеризуется переходом с одной системы на другую, см. [Heller (ed.) 1988; Белл 1980: 179–186];
- модель, использующая понятие языковой переменной, то есть величины, характеризующей вероятность появления того или иного варианта в речи носителя; такая величина в большой степени зависит от ситуации [Labov 1966; Лабов 1975].

3.2.2. Возникает вопрос о том, какая модель применима в исследуемой ситуации. Целый ряд причин заставляет считать, что вторая модель в данном случае работает лучше. Ограничимся двумя из них.

а) Сам факт существования диалектных черт, неспособных сосуществовать в речи одного носителя с формами РЛЯ. В случае с переключением кодов, переключаясь с одной системы на другую, говорящий должен был бы менять все свойства своей речи.

б) Неосознанность большинством носителей диалекта того, что в их собственной речи сосуществуют элементы, проникшие из литературного языка, и элементы, свойственные собственно их диалекту. Знание особенностей собственного диалекта у большинства информантов ограничивалось представлениями об оканье, о некоторых элементах специфической диалектной лексики и иногда о цоканье. При этом часто информанты сопровождали эти свои наблюдения словами: "Мы, вологодские, окаем". Зачастую при этом создавалось впечатление, что они повторяют услышанную ими где-то формулу, а не излагают свои собственные наблюдения. На внешний источник металингвистических представлений указывает и упоминание цоканья, так как на самом деле никто из жителей исследованных деревень не цокает.

IV. ПРИМЕР РАССМОТРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕМЕННОЙ

4.1. Изучаемый говор за последние 40 лет развил широко представленную в разных позициях черту: выпадение *j* в интервокальном положении с последующей ассимиляцией и сокращением гласных. В речи разных носителей диалекта форма, соответствующая литературному *красивая* может звучать как *красивая*, *красиваа*, *красива*: или *красива* (последнюю, т.н. "вторично краткую" форму, не следует путать с омофоничным кратким прилагательным).

Этот фонетический процесс оказал сильное влияние на парадигму склонения полных прилагательных и на спряжение глаголов с основой настоящего времени на [j].

Данная особенность диалектной системы развивается, по всей видимости, одновременно в двух направлениях: внутренние факторы развития системы определяют дальнейшее упрощение форм; воздействие же норм литературного произношения обуславливает сокращение употребительности таких форм.

4.2. Рассматривая описанное явление, мы можем говорить о языковой переменной. Попробуем определить основные факторы, влияющие на нее, ограничившись для простоты сферой глагольного спряжения.

Фонетические. а) В наибольшей степени описанным процессам подвержены сочетания, соответствующие орфографическому *ae, ee*, в наименьшей степени — *аю*. б) Чем дальше ударение от окончания слова, тем больше вероятность того, что произойдет ассимиляция и выпадение гласной.

Морфологические. Формы 2 л. мн.ч., с фонетической точки зрения мало отличающиеся от форм 3 л. ед.ч., в большинстве случаев произносятся в соответствии с литературными нормами.

Лексические. В более употребительных глаголах описанный процесс наблюдается чаще; особенно часто стяжение происходит в некоторых устойчивых выражениях, например, *бог знат*.

Фактор ситуации. Для многих информантов выраженность данного признака в очень большой степени зависела от речевой ситуации, причем чем более непринужденной была обстановка общения, тем чаще появлялись стяженные формы. Так, например, многие испытуемые, употребляющие формы с ассимилированным гласным, избегали их в ситуации эксперимента или при отчетливом повторении того или иного слова по просьбе исследователя.

Однако были и информанты, у которых степень выраженности признака практически не зависела от ситуации. При этом у таких испытуемых сама по себе степень выраженности признака в непринужденной речи была в среднем не выше, чем у многих испытуемых, чья речь значительно зависела от ситуации.

4.3. Вероятно, мы можем говорить о двух разных стратегиях, являющихся основными у этих двух групп информантов, так как такое деление на две группы соотносится и с данными о металингвистических представлениях.

а) **Информанты, ориентированные на литературный язык**, считают престижными формы литературного языка (часто это были учителя, работники клуба, воспитатели детского сада и т.д.). Выбор той или иной формы определяется вниманием к собственной речи, которое, в свою очередь, во многом зависит от ситуации, в частности, повышается при направленных вопросах. Такие информанты часто не слышат собственных отклонений от нормы, и им кажется, что они говорят всегда одинаково, более или менее правильно. (Записан, например, такой диалог. Иссле-

дователь: Вы знаете глагол *хвастаться*. Как бы Вы сказали, он ..? Информант: Он *хвастается*. Исследователь: А Вы знаете, что в этой деревне многие говорят *знат*, *играт*, *трогат* и т.д.? Вы никогда так не говорите? Информант: Нет, не слышала, что так говорят. Нет, со мной такого не *бывает*.)

б) Информанты, ориентированные на диалектную систему, считают престижными формы своего диалекта. Степень выраженности признака практически не зависит от ситуации общения. Иногда ориентированность на диалект приводит даже к гиперкоррекции в системе диалекта. Так, например, информант, 20 лет проживший в городе и десятый год живущий в деревне с окаяющим говором, говорит *дола* вместо ожидаемого *дала*, что, разумеется, недопустимо с точки зрения системы диалекта. Изредка такие информанты даже переоценивают степень выраженности диалектных черт в своей речи. Например, информант несколько раз говорит *за грибами*, *за ягодами*, однако через некоторое время на вопрос о том, как он говорит, *за грибами* или *за грибам*, отвечает, что *за грибам*, а выражение *за грибами* слышал, знает, что так говорить вроде бы правильно, но сам так не говорит.

V. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

5.1. В ситуации диалекта, разрушающегося под влиянием литературного языка, все диалектные черты оказываются в разной степени выражены у разных носителей диалекта. Однако одни диалектные особенности могут быть выражены в разной степени в речи отдельного носителя диалекта, а другие такой способностью не обладают. Представляется целесообразным при описании системы диалекта указывать на это разделение черт, так как оно определяет модели взаимодействия диалекта с литературным языком и, тем самым, его развитие в целом.

5.2. Те диалектные особенности, которые варьируются в речи отдельного носителя диалекта, могут быть описаны в терминах языковых переменных. При этом у одних носителей диалекта языковые переменные слабо зависят от ситуации, у других же —

сильно. Можно говорить о различии рефлексии в отношении языка и о разных речевых стратегиях у представителей этих двух групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. *Очерки русской диалектологии*. М.
- Белл 1980 — Белл Р. Т. *Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы*. М.
- Бувальцева 1955 — Бувальцева М. Н. *Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории*. АКД. М.
- Бувальцева 1958 — Бувальцева М. Н. Из морфологических особенностей говоров Белозерского района Вологодской области. *Уч. Зап. Мичуринского пед. ин-та*. Вып. 5.
- Горшкова 1958 — Горшкова К. В. Развитие вокализма в белозерских говорах Вологодской области. *Научные достижения высшей школы*. № 4.
- Кузьмина, Немченко 1964 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. *Вопросы диалектологии восточнославянских языков*. М.
- Лабов 1975 — Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. *Новое в лингвистике*. Вып. 7. М.
- Чумакова 1967 — Чумакова О. М. *Имя существительное в говорах Вологодской области. (Грамматические категории и формы склонения)*. АКД. Самарканд.
- Labov 1966 — Labov, W. *The social Stratification of English in New-York City*. Washington, D. C.
- Heller 1988 — Heller M. (ed.) *Codeswitching*. Berlin.
- Macafee 1994 — Macafee C. *Traditional Dialect in the Modern World*. Bamberg.

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ “ПРИТЧА О ДУШЕ И ТЕЛЕ”: ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Елена Руднева
(Таллинн)

“Кирилла мниха притча о челоувѣчствѣ души и о телеси, и о престѹплении божия заповѣди, и о воскресении телесе челоувѣча, и о вѹдѹщемь сѹдѣ, и о мѹцѣхъ” — таково полное название текста, ставшего предметом данного исследования¹. Из заглавия мы получаем информацию об авторе текста — Кирилл мних, о жанре — притча и краткое содержание, данное самим автором.

1. Автор

Кирилл Туровский (умер до 1182 г.), будучи известным церковным деятелем, епископом в городе Турове, является автором следующих дошедших до нас произведений: “Повести о беспечном царе и его мудром советнике”, “Сказании об иноческом образе”, “Повести о белоризце и мнишестве”, восьми речей и двух канонов [Творогов 1987: 217].

2. Притча

Аллегоричность и назидательность являются основными чертами жанра, выбранного автором. Учитывая диахронический аспект данной работы, нельзя не отметить, что слово *притча* в XII в. могло иметь и несколько иную смысловую окраску, которую мы попытаемся определить, обратившись непосредственно к тексту. Туровский говорит: “Аще во и нарицается Христос челоувѣком, то не образом, но *притчею*” /294, 43/. При этом *притчею* в данном случае значит ‘иносказательно’, т.е. слово имеет значение, указанное в Словаре древнерусского языка [СДЯ 1989: 1482]:

---

¹ Текст цитируется по изданию: *Памятники литературы древней Руси. Из “Притч” и “Слов” Кирилла Туровского*. Подготовка текста и перевод В. В. Колесова. М., 1980. С. 290–309.

Притчею рече слово о семь томители Бѣнедиктѣ /Ип. лет. 6713 г./, ср. также у В. Даля: “...въ притчах бо вам глаголю, — сказал спаситель” [Даль 1981: 413].

Иносказательность (или *аллегоричность* в современном варианте) предполагает образованного в христианском отношении адресата.

Отсюда еще одна черта исследуемого текста — недоступность для понимания при отсутствии в сознании соответствующих христианских образов. Именно они привлекаются создателем текста в многочисленных цитированиях книг Ветхого и Нового завета для подтверждения и придания весомости своим высказываниям.

“Притча о душе и теле” стоит в особом ряду произведений Кирилла Туровского, так как является политически окрашенной и направленной против современников Кирилла — князя Андрея Боголюбского и епископа Феодора [Еремин 1966: 89].

На епископа Феодора в тексте имеются прямые намеки:

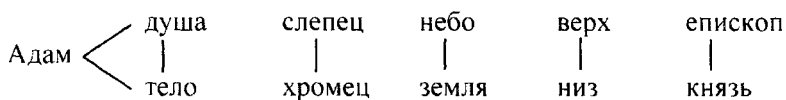
- а) *Никто же правѣренъ чрес закон священскаго ницеть взяти сана* /298, 93/.
- б) *Тако бо вниде, яко се церковникъ, не достоин ерѣиства на епископскыи взиде санъ* /298, 99/.
- в) ... ничто же тако не мерзитъ ему (богу), яко же величава гордость о *взятни сана не о божѣ* /298, 107/.
- г) ... в коем си *саму* будем, далече бога есмы /302, 137/.

Речь идет о решении князя Андрея (на которого в тексте также имеется намек /300, 122/) добиться независимости своего епископа от киевского митрополита. С этой целью он отправляет посольство в Константинополь с просьбой посвятить в епископы своей столицы, города Владимира, некоего Феодора. Феодор, солгав, что киевский митрополит умер, получил сан епископа [Еремин 1966: 89]. Кирилл Туровский решил, что “чрес закон ... се церковник ... на епископскыи взиде санъ”. Таким образом, текст притчи связывается с реалиями русской жизни XII в.

3. Душа и тело

В заглавии присутствует символическая пара “душа—тело”, в основе которой лежит представление древних славян о двоякой природе человека [МНМ 1988: 452]. В тексте данная оппозиция порождает развитие противопоставлениям “слепец—хромец”, “небо—земля”, “верх—низ”, “епископ—князь”:

3.1. Оппозиция "душа—тело", первая в нашей схеме, восходит к образу Адама, первого человека. В книге Бытия (2, 7) сказано: "И создал Бог человека из праха земного /1 сторона/ и вдунул в лице его дыхание жизни /2 сторона/". У Кирилла мы находим следующее: "Преже воґ созда тѣло Адаму безъдушно, потом же душою" /294, 53/.

Автор отсылает нас к ветхозаветной истории об Адаме и нарушении божьей заповеди в тот момент сюжетного развития, когда герои притчи, слепец и хромец, вознамерились обокрасть виноградник своего господина: "Рече слѣпецъ к хромицу: Что убо влаґоуѣхание изгнѣхъ помѣкаетъ мя?... Се надѣиенне Адамова высокомысльа, яко всѣмъ овладѣя земнымъ..., на святая дерзнувъ..., из едема во вниде в рай" /298, 95/. Таким образом, проводится параллель между поступком героев и нарушением божьего повеления Адамом. В книге Бытия (2, 16) имеются строки, на которые опирался Кирилл: "От всякого дерева в саду <Едемском> ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь..."

3.2. Вторая символическая пара "слепец—хромец" имеет непосредственное отношение к оппозиции "душа—тело" через толкование, с которым мы встречаемся в заключительной части текста: "... хромецъ есть тѣло человекѣ. Слепца же душою его мѣнить" /308, 202/.

В основе этой пары — общий признак ущербности по сравнению со здоровыми людьми: "слѣпецъ — человекѣкъ, лишенный зрѣнія"; "хромецъ — хромой" [СДЯ 1989: 442; 1407]. Только объединившись (хромец сел на слепца и показал ему дорогу в виноградник), они достигли своей цели (обокрали виноградник). Хозяин же виноградника, нанимая на службу двух ущербных людей, этого не учел /292, 17/. На наличие связи по горизонтали указывает также то, что в ряде источников, в том числе и в Библии "слепец" и "хромец" часто находятся в одном контексте: "...тебя отгонят слепые и хромые..." (2 Цар. 5, 6); "Вот я приведу из страны северной и соберу их с краев земли; слепой и хромой... — великий

сонм возвратится сюда” (Иер. 31, 8); “Или кто вывнеть око ... или ногоу отонеть ... или иную хриоту в тѣле оучинить...” (Остр. Ев.).

Последний пример проливает свет на соотношение “хромой—тело”, где хромота означает увечье [СДЯ 1989: 1407]. Таким образом, *хромота* и *увечье* находятся в одном ассоциативном ряду, а *тело* связано с этими лексемами благодаря толкованию, данному автором текста (см. выше). Между лексемами *слепота* и *душа* также, на наш взгляд, существует связь, обуславливающая их присутствие в одном контексте, достаточно обратиться к цитате из Евангелия от Матфея — “Светильник для *тела* есть *око*” (Мтф. 6, 22) ср. слово *слѣпоокий* — и станет очевидной семантическая связь между рассматриваемыми лексемами.

Таким образом, между членами оппозиций обнаруживается и связь по горизонтали: душа ↔ слепец, тело ↔ хромец.

3.3. Оппозиция “небо—земля” проявляется в тексте Кирилла Туровского следующим образом: “*небо* — место, куда приводится *душа*” /308, 205/, а “*земля* — место погребения *тела*” /308, 207/.

3.4. За частной оппозицией “небо—земля” стоит более общая — “верх—низ”, лежащая в основе представлений человека об окружающем мире [МНМ 1988: 451].

4. Следующий момент нашего исследования — выявление и рассмотрение лексических средств, участвующих в композиционном членении текста. Кирилл Туровский членит текст, озаглавливая **Зачало**, **Отвѣтъ** <Истолкование>, **Т.** <Толкование>, **Глаголы подовны** <Сравнение>, **Привод**, **Обличение грѣхъ**. Нами, в свою очередь, выделены следующие части текста: *Вступление*, *Основная часть*, *Заключение* и *Авторские отступления*. С авторским членением они соотносятся следующим образом (табл. 1):

Табл. 1.

Часть текста	Предложения	У Кирилла Туровского
Вступление	1–11	—
Основная часть	12–195	Зачало , Отвѣтъ , Т. , Глаголы подовны , Привод , Обличение грѣхъ
Заключение	196–211	—

4.1. Вступление создает соответствующий эмоциональный настрой. Происходит это за счет 1) употребления выражения "Господи, благослови, отче!", произносимого перед началом каждого дела, 2) обращения "братье"; 3) наличия эмоционально окрашенной лексики: "молю вы", "вѹестью крыя", 4) сравнительных оборотов: "Сладко во медвенный сотъ и добро сахаръ, овоего же добрѣ книгй разѹмъ" /290, 5/, "Всяк книжникъ, наѹчися царствию невесномѹ, подовенъ есть мѹжѹ домовитѹ" /290, 8/, 5) глаголов совместного действия: "претецѣмъ", "потщимся", 6) глаголов в форме повелительного наклонения: "потщитесь почитати", 7) лексики оценочного характера: "добро", "сладко", "благодарствена", "горды", "смиренымъ", "хѹд".

4.2. В Основной части мы первый раз сталкиваемся с тремя лексическими параллелями, организующими повествовательную линию Притчи.

Во-первых, это собственно лексика Притчи (вариант, содержащийся в Вавилонском Талмуде) с ключевыми словами: "слѣпецъ", "хромецъ", "человѣкъ домовитъ", "виноградъ", "оплот".

Во-вторых, лексический пласт толкования Притчи (аллегоричность, как уже было сказано, будучи одной из черт жанра притчи, требует толкования): "Адам", "Бог" ("человѣкъ домовитъ — бог всевидецъ и вседержитель"), "рай" ("насади виноград — рай глаголетъ"), "страхъ" ("И насади бог рай в эдеме..., остѣни его оплоти — своимъ страхомъ").

В-третьих, наравне со второй параллелью, ветхозаветной, в тексте четко прослеживается церковная параллель с лексемами: "патриархи", "бог", "церковь", "алтарь", "заповеди". Во временном отношении она наиболее близка к событиям, (самозванство епископа Феодора), свидетелем которых стал Кирилл.

4.3. Для Заключительной части характерно то, что в ней представлена трактовка ключевых слов Притчи:

человѣкъ есть домовитъ — богъ отецъ;

виноградъ — земля и мнрѣ нарицаеть;

оплотъ же виноградника — законъ божи,

хромецъ — тѣло человекѣе, слѣпецъ же душу его мѣнить...

Итоги отражены в таблице 2.

Табл. 2.

притча	слепец хромец	домовитый человек	место перед виноград- ником	вино- градник	оплот
параллель с Адамом	душа — Адам тело —	Бог	Эдем	рай	страх
церковная параллель	патриархи архиепи- скопы	Бог	церковь	алтарь	заповеди закон

В таблице по горизонтали указаны названия лексических параллелей и представлены ключевые слова. Между собой ключевые слова образуют семантические ряды (по вертикали). Проявляется это следующим образом. Герои Притчи, слепец и хромец, соответствуют Адаму в силу его двоякой природы (душа — первая сторона, а тело — вторая сторона), а также сравниваются с патриархами, архиепископами, что подтверждается следующим контекстом:

Тако въ посажен хромецъ с слѣпцемъ у вратъ стрещи внѣ-
ренихъ, яко же приставлени сѣтъ патриарси, архиепископи, архи-
мандрити межу церковью и олтаремъ стрещи святыхъ тайнъ отъ врагъ
Христовъ /296, 71/.

Далее, “домовитый человек” (он же — хозяин виноградника) из лексической параллели *притча* сопоставляется с “*богом отцом, всяческих творцом*” /306, 197/ в библейской истории о согрешении Адама. На это указывают следующие строки:

человѣкъ домовитъ — богъ всевидецъ и вседержитель /292, 22/.

В церковной параллели “Бог — хозяин виноградника” выступает в образе Бога-Сына: ...*стрещи святыхъ тайнъ отврагъ Христовъ* /296, 71/.

Таким образом, текст отражает каноническое представление о сущности Бога (третья ипостась, Бог-Святой Дух, фигурирует в следующем примере: “и дуну на лице его *духъ животенъ*” /294, 54/). Сам же *виноградник*, охраняемый героями Притчи, — ничто иное, как *рай*, вход куда запрещен по библейской истории:

А еже насади виноград — рай глаголетъ /292, 30/,

в другом ряду это *алтарь*, куда доступ также закрыт:

...олтарь же святъ, сирѣчь едемскъ рай... /296, 70/.

В отличие от виноградаря, а вместе с ним и рая с алтарем, место перед виноградником дано слепцу с хромцом в полное владение, единственное, что их отделяет от виноградаря, так это *врата*:

приставляю ко вратѣмъ хромца и с нимъ слѣпца /292, 16/.

А следующий пример явно намекает на власть, данную Богом Адаму:

И посадикъ я ѹ вратъ, дасть имъ власть на всѣхъ вѣнчанихъ; ницу же и одѣньи нетруднѹ съготова /292, 18/.

Сравним с ветхозаветной историей:

Се надмение Адамова высокомыслия, яко всѣмъ оклада земныи, животными, моремъ, ... в едемѣхъ влагыхъ насыщаяся, преже оскыщения ... изъ едема ко вниде въ рай /298, 96/.

В свою очередь, то, что является препятствием для входа в виноградник — оплот "ограда" /292, 12/, в ветхозаветной истории выступает как *страх*:

И насади когъ рай въ едеме. А нже оствѣни его ... оплотию — своимъ страхомъ /294, 32/.

а в церковной параллели трансформируется в *заповеди, закон*: *оплотъ же — законъ божи и заповѣди* /308, 200/.

4.5. Авторские вкрапления — та часть текста древнерусского автора, которая выполняет ряд немаловажных функций. Во-первых, она связывает части текста между собой:

Но си оставлю, о первѣмъ възглаголю /294, 47/.

На лексическом уровне наблюдается использование слов с общей семой возобновления прежней деятельности: "възвратимся", "продолжю". Предмет же прежнего разговора обозначен словами "о первѣмъ", "на предъреченая", "початую бесѣду".

Во-вторых, выделяются авторские отступления, в которых автор сознательно занижает свои способности и дает себе нелестные характеристики с целью заслужить благосклонность адресата:

1) *Аще и недостойнъ есмь о сихъ глаголати* /296, 74/;

2) *То не воюйте, братье, на мою грубость* /298, 89/;

3) *Аще бо и мутенъ имю ѹмъ и языкъ грубъ* /296, 73/.

Подобное явление характерно для языка литературы XII в. и представляет собой авторский прием.

Таким образом, автор, во-первых, следует своей собственной логике, во-вторых, опирается на существующие традиции.

*Чужое*² присутствует в средневековом тексте как естественный его элемент, мотивированный традицией. Речь идет об использовании Кириллом цитат для подтверждения своих мыслей из самого авторитетного письменного источника средневековья — книг Ветхого и Нового завета³.

Указание на источник способствует определению реминисценций в тексте. По информации об источнике цитации, выделяются примеры с точной отсылкой к автору типа **“Глаголетъ бо Моисей”** и со ссылкой на общий источник, которые могут быть оформлены:

- а) безличной конструкцией **“пишетъ ко ся”** /294/;
- б) выражением типа **“се҃мѹ случается е҃ца҃гельская притча”** /290/;
- в) лексемой **“речи”**: **Господь ко, — рече, — испытаетъ праведнаго и нечестиваго** /304/;
- г) лексемой **“глаголати”**: **По создании ко тѣла, глаголетъ писание** /294/.

Автор Притчи акцентирует наше внимание на цитатах, вводимых лексемой **“глаголати”**, которые маркируют лексический пласт, имеющий отношение к Ветхому завету, так как в контексте с данной лексемой находятся: **“Моисей”**, **“пророкъ”**, **“Исайя”**, **“господь”**, **“писание”** в значении **“бытие”**. Цитаты же, вводимые лексемой **“речи”**, становятся **“фоновыми”** [Колесов 1981: 41, благодаря их количественному преобладанию (16/13)].

Из 35 атрибутированных нами цитат 18 относятся к книгам Ветхого завета, а 17 — к книгам Нового завета. Среди ветхозаветных, наряду с творениями Давида, Иеремии, Иезекииля, Именей, Илии, Исайи, Кирилл отдает предпочтение книге пророка Моисея (6):

“Пишетъ ко ся: И насади бог рай в эдемѣ” (Быт. 2, 8).

В достаточной степени присутствуют заимствования из Псалтыри:

² Под *чужим* мы имеем в виду цитату как элемент *чужого* текста, осознаваемого самим автором Притчи. А указание источника является способом ее выделения в тексте.

³ Цитаты сверялись по изданию: *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета*. М., 1992.

Того породного не примиме еретници; ... не разумена ко про- рока, глаголюща: "Вкусите и видите, яко благ господь" (Пс. 33, 9).

Евангелисты Иоанн, Матфей, а также апостол Павел — авторы чаще всего цитируемых новозаветных книг. Лишь апостол Павел упоминается 5 раз:

Павел же: "Что ко мне, — рече, вы^{кш}ним судите, но у^гренным и вы судите, а вы^{кш}ним ког судит" (1 Кор. 5, 12–13).

При цитировании автор точен, на что указывают 8 ветхозаветных и 7 новозаветных цитат (среди 35 атрибутированных нами). Подобный факт говорит о:

1) глубоких знаниях библейских текстов; 2) расчете на знание их адресатом.

Подытоживая сказанное, выделим то, что в конечном итоге повлияло на выбор лексических средств в тексте "Притчи о душе и теле".

1) 3-частная композиция: эмоционально настраивающая лексика вступления; лексика Притчи и толкования Притчи с подключением ветхозаветной и церковной параллелей в основной части; лексика трактовки ключевых слов Притчи в заключении; лексика-связка и лексика-риторический прием авторских отступлений. Данная информация систематизирована в таблице 3:

Табл. 3.

Вступление (10 П ⁴)	1. Назван автор притчи — евангелист Матфей. 2. Эмоционально окрашенная лексика. 3. Лексика оценочного характера. 4. Сравнительные обороты: /290, 5/, /290, 8/, /292, 10/. 5. Глаголы совместного действия. 6. Глаголы в форме повелительного наклонения. 7. Обращение.
Основная часть (171 П)	1. Лексика притчи (36 П) — вариант, содержащийся в Вавилонском Талмуде. Ключевые слова: <i>слепец, хромец, хозяин виноградника</i> . 2. Лексика толкования притчи (149 П). Ветхозаветная параллель с Адамом: <i>Бог, рай, Доем</i> . Церковная параллель с архиепископами, алтарем, церковью.

⁴ П — предложение.

Заключение (16 П)	Трактовка ключевых слов Притчи /306–307/, /196–206/.
Авторские отступления (14 П)	1. Лексика, содержащая заниженную самооценку. 2. Лексемы-связки с частями текста.

2) жанр притчи придает тексту аллегоричность и обуславливает наличие сопоставлений (3 лексические параллели);

3) с точки зрения образования внутрисемантических связей в тексте обозначена тенденция к образованию бинарных оппозиций, начиная с оппозиции “душа—тело”, содержащейся в заглавии, и заканчивая “епископ Феодор — князь Андрей Боголюбский”;

4) отношение к истине, в частности к письменному слову самого авторитетного источника, Библии, определило наличие в тексте большого количества цитат.

ЛИТЕРАТУРА

- Еремин 1966 — Еремин И. П. *Литература древней Руси*. М.—Л. С. 89.
 Колесов 1981 — Колесов В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского. *ТОДР*. Т. 36. М.—Л. С. 37–49.
 Даль 1981 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. М. С. 413.
 МНМ 1988 — *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М. С. 451.
 СДЯ 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Под ред. И. И. Срезневского. Репринтное издание. М. С. 1482.

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *КОВЧЕГ*

Елена Антушева
(Тарту)

Лексика, связанная с религией, образует значимый пласт человеческой культуры и наиболее показательно, в силу “относительной устойчивости и фиксированности” религиозного сознания и “канонического характера формирующих его текстов”, отражает ее проявление в жизни общества [Успенский 1969: 156].

Исследование этой лексики является важным аспектом в изучении истории языка, так как верования, в данном случае православие, тесным образом связаны с ходом языкового развития, см. [Буслаев 1848: 200], и часто отражают и определяют языковое сознание народа. Но многие относящиеся сюда лексемы либо не имеют ясной этимологии, либо принятая этимология нуждается в более серьезном подтверждении, либо, наконец, есть основания для ее пересмотра.

Данная статья посвящена этимологическому анализу слова *ковчег*, отмечаемого еще в древнейших славянских памятниках письменности. Сам предмет очень архаичен и имеет важное культовое значение в христианском мире, а этимология этого слова в славянском языкознании до сих пор не выяснена.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИИ

Слово *ковчег* в русском языке имеет несколько значений: *судно*, в котором Ной спас людей и животных от всемирного потопа (Быт. 6: 14, 15; 7: 1)¹; *кивот* (=ковчег) завета, где евреи хранили скрижали (Числ. 7: 89; Вт. 10: 1–3); *ящик* для денег (4. Царств 12: 9–10; Иоан. 12: 6); *корзина* [ПЦСС: 256] (Исх. 2: 3); в старинном и церковном обиходе: *ларец* или *сосуд* для хранения ценных предметов (в церкви — также предметов, относящихся к обряду причастия) [Ож: 281]; в иконописи: *рама* для икон, а также —

---

¹ Указания на место в Писании даются по: [Симфония 1928].

углубление средней части поля иконной доски [АХ: 125]; в др.-рус. языке также *рака, гроб* [Ср I: 1243].

Ноев Ковчег (еврейское название חֶבֶל [tebah] — ‘корзинка’ — точно так же обозначается и корзина, в которой был спрятан Моисей; Исх. 2: 3) — имел огромную величину, но по устройству был очень прост: четырехугольный в виде коробки “трехэтажный плавучий дом” со множеством отделений, построенный из дерева *гофер* (‘кипарис’ или ‘кедр’), с крепкими стенами и крышей, куда воздух и свет могли проникать только через единственное окно [ПБС: 378–379]. В *Ковчеге Ноя* видят “прообраз крестного древа и воды крещения, каковым путем новозаветное человечество приобретает вечное спасение” [Там же: 379].

Кивот (=Ковчег) *Завета* — иначе *Ковчег Откровения* (в Библии обычно: אֲרוֹן הַבְּרִית [aron ha-brit], также אֲרוֹן הָעֵדוּת [aron ha-edut] ‘ковчег свидетельства’) — ларь в Святая святых скинии и Первого храма, в котором хранились скрижали Завета (Числ. 7: 89; Вт. 10: 1–3). Согласно Писанию, он был сделан из дерева *ситтим* и был обит листовым золотом снаружи и внутри. Так как, по свидетельству Ветхого Завета, Бог являлся израильскому народу над крышкой *ковчега*, то сам *ковчег* воспринимался как место пребывания Бога (Исх. 25: 22; 1 Царств 4: 4; Лев. 16: 2), поэтому в православной традиции *ковчег* рассматривается как прообраз Богоматери [Кравецкий 1997: 84]. *Ковчег* помог иудеям перейти Иордан и завоевать Иерихон (Ис. Н. 3: 6). По постройке Соломоном храма *ковчег* был помещен в Святая святых. При разрушении Иерусалима *ковчег* был, по-видимому, сожжен вместе с храмом (по преданию был сокрыт Иеремией — 2 Мак. 2: 4) [ХЭС I: 782–783]. Позднее термин стал обозначать *специальное вместилище в синагогах* для свитков Торы. Эти вместилища имели в древности форму либо ниши, либо выносного ларя, который ставили в такую нишу или в интерьере [КЕЭ IV: 405]. *Ковчег* — это центральная, главная часть синагоги, символизирующая *Ковчег Завета* (в русской традиции параллельно со словом *ковчег* существует название *Кивот/Киот Завета*).

В христианском храме главной частью является алтарь (< лат. altus ‘высоко расположенный, возвышенный’) — своего рода адекват Святая святых, посреди которого возвышается престол, где совершается литургия. В православной церкви, согласно с

таинственным знаменованием престола, на нем полагается *ковчег* (иначе — *дарохранилище*, *дароносица*, *хлебоносец*) с Божественными Дарами для причащения больных. Этот обычай хранить запасные дары в ковчеге на престоле восходит, по письменным памятникам, к периоду до IX в. [О составных... 1847: 149, 156].

Ковчег изготавливается обыкновенно из благородного металла, в форме маленького храма или гробницы, стоящей в нем [ХЭС I: 465].

Переносная дарохранилище называется дароносицей. Она представляет собой небольшой металлический ящик из золота, серебра или другого металла, состоит обыкновенно из двух отделений: в одном находится ларец для Святых Даров, в другом — ложка (ложка), небольшой потир, сосуд для вина, а также губка и плат. Дароносицу носят на груди в специальном мешочке на веревочке [ХЭС I: 465; Покр: 12].

Напрестольный *ковчег* с находящимися рядом крестом и Евангелием соответствуют ветхозаветным стамне с манной, расцветшему жезлу Аарона и скрижалям Завета, составлявшим принадлежности *Ковчега Завета* [О составных... 1847: 150]. И, по-видимому, церковный *ковчег* является трансформацией израильского *ковчега*, так как залогом Нового Завета являются плоть и кровь Христа, что и отражают символически Святые Дары, находящиеся в данном сосуде.

Кроме упомянутых выше предметов существует *ковчегеца* для крещения, где содержатся вещи, необходимые для данного обряда; также Святые Дары в дарохранилище и дароносице хранятся в *ковчегеце*. Кроме того, *ковчегом* называют *кивот/киот*² для икон — небольшой застекленный ящик или специальный шкаф (ср. *ковчег* в синагоге), в который ставятся иконы [АХ: 250].

Как уже было сказано, *Ковчег Завета* также может называться *кивотом*. Слова *кивот* и *ковчег* в результате непоследовательной работы справщиков древних рукописей в современных богослужениях являются синонимами, семантически и стилистически не дифференцирующимися [Кравецкий 1997: 84].

² Кивот (киот) < гр. κιβωτός 'ящик, ковчег'.

В раннюю эпоху, начиная с XI в., синонимом к слову *ковчег* было также слово *рака*³. Точно так же, как слово *рака* могло означать 'ковчег, ларь', и слово *ковчег* имело значение 'гробница, гроб, могила' [Ср I: 1243]. Позднее их значения функционально разделились (*рака* = 'ларец, "ковчег" со святыми мощами').

При всем разнообразии значений слова *ковчег* можно условно выделить общую идею: все эти предметы представляют собой сосуд, часто окованный, обитый чем-либо, имеющий форму сундука, ларца для хранения, сбережения чего-либо ценного, сакрального.

ИСТОРИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ

Относительно этимологии слова *ковчег* существует несколько версий. Их можно разделить соответственно авторским подходам на три группы: восточное происхождение слова (I), греческое происхождение (II), славянское происхождение (III).

I. Большинство исследователей придерживается именно этой версии, внутри которой, в свою очередь, выделяются две разновидности.

а) Согласно одной из них, *ковчег* восточного (алтайского) происхождения. Так считают М. Фасмер, Г. Рамстедт, З. Гомбоц, В. Томсен, Й. Миккола и Н. М. Шанский.⁴ При этом они сравнивают *ковчег* с чагат. *kopur* 'сосуд', *koburčak* 'коробка' (откуда венг. *koporsó*), кюэр. *kojur* 'гроб', монг. *qagurčaq*, калм. *χūrtsɨɖɛ* 'большой ящик, гроб' [Ф II: 272], коман. *kanca* 'ящик'⁵ [Шан II: 181]. Основанием для этого служит фонетическое сходство. Так, Е. Н. Шипова со ссылкой на В. В. Радлова добавляет к перечисленному выше следующие сравнения, которые могут объяснить звук [v] в русском слове: турецк. *кова*, *koḥa* 'посуда, ведро',

³ Рака < лат. *arca* 'ящик, ковчег, сундук, ларь, гроб'.

⁴ Разновидностью этой точки зрения следует признать мнение И. И. Огиенко, который относит *ковчег* к древнейшим тюркизмам [Огиенко 1915: 30].

⁵ Н. М. Шанский в качестве языка этого соответствия приводит язык коми, что является ошибочным прочтением сокращения в словарной статье В. В. Радлова, где *kom.* обозначает "команское наречие".

турецк., чагат. *кован* 'ящик цилиндрической формы' [Шип: 189; Рад II: 431, 664].

Й. Миккола объясняет отсутствие [г] процессом, происходившим в тюркско-булгарском языке, отраженным также в чувашском: сочетание *rt* (монг. *kovartčyк*, чагат. *koburčak*) → *t*. В доказательство Й. Миккола приводит слово дунайских болгар *tutom* = чуваш. *tŭvatŭm* 'der vierte'. Корень *tut-* из др.-тюрк. *tört* 'четыре' [Миккола 1913: 18–16].

Таким образом, Миккола, в отличие от других, указывает на более конкретный источник заимствования — язык дунайских болгар, что вполне подтверждается культурно-историческим контекстом: это племя в конце VII в. вторглось на территорию, занимаемую славянами, а затем постепенно было ассимилировано последними [Супрун 1989: 103–104].

Однако при производстве *ковчег* от *koburčak* и т.п. звонкость конечного *-г* не объясняется.

Слова, приведенные исследователями для доказательства этой версии, в большинстве своем обозначают предметы в виде ящика, коробки, причем среди них выделяются такие, которые имеют значение 'сосуд, посуда, ведро'. Иными словами, среди этих сопоставлений можно выделить две семантические группы:

А — вместилище для нежидких предметов (в виде ящика): *канса*, *kowartčyк*, *koburčak*, *kojur*, *qagurdaq*, *χŭrt+səq*, *кован*, *ku-puržuk*, *kŭrsek*, *χŭrsek*, *kubur*, *χur*, *qopur*, *qobur*, *kuorčax*, *qajirčaz*, *qaurčaz*;

Б — вместилище для жидкостей: *kopur*, *кова*, *kubur*.

б) Другая попытка доказать восточное происхождение слова принадлежит Ф. Миклошичу, который одно время выводил *ковчег* из турецк. *карčyк*, *карčuk* 'футляр', но М. Фасмер считает это предположение маловероятным (см. Ф II: 272 со ссылкой на работу F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. II: 142), исходя, видимо, из культурно-исторического контекста, так как контакт турок-осман со славянами возможен лишь с XI в.

II. Версию о греческом происхождении также можно разделить на две разновидности:

а) А. Г. Преображенский, Э. Бернекер, В. Вондрак, Ф. И. Буслаев, а также и Ф. Миклошич (в другой работе) производят *ковчег*

от уменьшительной формы τὸ καυκίον (из ὁ καυκος 'кубок') см. [Пр I: 327; Mikl: 136; Vondrak I: 471; Буслаев 1867: 557].

Как и в случае I, здесь имеет место внешнее сходство (безударное греч. [ā] в позднейшую фазу праславянского языка трактовалось как прасл. [ā] и переходило в [ǫ]: гр. καράβιον > ст.-сл. **кораб(л)ь**, рус. *корабль*; гр. μάρινος > ст.-сл. **мраморъ** [Георгиев 1968: 25]; неслоговое [u] в дифтонге имело приблизительным адекватом в славянском [v], ср. гр. ναύτης 'моряк' — рус. *-навт* (*космонавт*, *астронавт*); *ĕ < k, по первой палатализации перед *i), но при меньшем семантическом соответствии: слав. *ковчег* никогда не означает сосуда для питья.

И это сопоставление совершенно не объясняет финали славянского слова *-ег* (см. Ф II: 272).

А. Г. Преображенский и Ф. Миклошич, обосновывая эту версию, сравнивают *ковчег* и τὸ καυκίον со ст.-сл. **ковъкалъ**, **кавъкалъ** [Пр I: 327; Mikl: 136]. Здесь возникает некоторое противоречие, так как возможность разного суффиксального оформления (*ковъk-+*-егъ/аль*) указывает на большую вероятность версии о славянском происхождении слова и, следовательно, наличии общего праславянского корня.

б) А. Маченауэр связывал *ковчег* со ср.-гр. καψάκιον, καψάκη 'ящик' [Ф II: 273; Пр. I: 327–328; Ильинский 1921: 231]. Но при семантическом сходстве здесь, в противовес версии II. а, не наблюдается сходство фонетическое. По словам Г. Ильинского, Маченауэр из "огня формального несоответствия слав. имени с греч. καυκίον" попадает "в полымя полного нарушения фонетических законов" [Ильинский 1921: 231].

III. Г. Ильинский сопоставляет *ковчег* с др.-рус. *ковъць*, рус. *ковъшь*, ц.-сл. *коувъць*, рус. диал. *кушинъ*, рус. *кувшинъ*, др.-польск. *kusz*, возводя их к и.-е. корню *keu-. По его мнению, *ковчег* представляет собой дальнейшее расширение уменьшительной основы *ковъk- (*ковъсь*) суффиксом **-eg* [Ильинский 1921: 230].

Но, постулируя суф. *-eg*, автор не объясняет его значения и не приводит других слов с этим суффиксом.

Не совсем ясно, в чем Г. Ильинский видит отмечаемое им со ссылкой на П. Перссона "поразительное сходство" значений лит.

kiaūšis 'яичная скорлупа' и др.-инд. *kōśas* 'хранилище, чан, сосуд' при их заметно различной семантике [Там же: 230].

Не соглашаясь с этой этимологией, М. Фасмер ошибочно утверждает, что Ильинский производит *ковчег* от *ковать* [Ф II: 273]. В действительности в статье последнее слово *ковать* даже не упоминается, ср. [Ильинский 1921: 229–233].

РАЗРАБОТКА ВЕРСИИ: *КОВЧЕГ* ОТ *КОВАТЬ*

Существует определенная возможность обосновать исконно славянское происхождение слова *ковчег*, а именно — от *ковать* (принимая во внимание основанную на ошибке и тем самым невольную подсказку М. Фасмера) через промежуточное звено **ковьсь*, отмечаемое Г. Ильинским (ср. 'ЭССЯ: 12. 17): ст.-сл. *kovъseŕь* < **kovъkъ* (*ковьсь*) от прасл. **kovati*.

Здесь стоит уточнить, что М. Фасмер считает основным написанием обсуждаемого слова форму с **Ъ** (**КОВЪЧЕГЪ**) и приводит только ее, между тем как в старославянских текстах эта форма встречается только два раза, а написание с **Ь** — десять раз. Поэтому авторы **СсС** в качестве заглавной приводят форму **КОВЬЧЕГЬ** [**СсС**: 286]. Из нее исходит Г. Ильинский. Мы также выбрали в качестве основного этот вариант.

В связи с тем, что значение выделяемого в этом слове суф. *-ег-* в цитируемых выше исследованиях никак не объясняется, мы считаем необходимым рассмотреть данный суффикс в синхронном и историческом аспектах.

Прежде всего следует отметить, что в своем чистом виде суф. *-ег* в современном русском языке нами не обнаружен; но он может иметь свое отражение в современном словообразовании в суф. *-еж/ежь* (*ž* < **g*) или в его носовом варианте *-яг/яга*.

Эти суффиксы выделяются в основном как нерегулярные или малопродуктивные [**Ефр**: 31–32, 328]. В то же время в "Русской грамматике" отмечается их продуктивность в разговорной речи и просторечии и наличие коннотативных оттенков [РГ 1980 I: 151, 163, 217].

В современном русском языке эти суффиксы имеют несколько значений:

-*еж* *ежь*: 1) действие по глаголу, названному мотивирующим словом, часто (но не всегда) сопровождающееся оттенком интенсивности: *гадеж*, *грабеж*, *долбеж*, *терпеж*; *крепеж*, *платеж* и др.; 2) предмет как объект или результат действия, названного мотивирующим глаголом: *чертеж*, *крепеж* и др.; 3) группа лиц, объединенных признаком, который назван мотивирующим именем прилагательным: *молодежь*, *холостежь* [Ефр: 327–329];

-*ягяга*: 1) лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *работяга*; 2) лицо по его признаку: *бедняга*, *добряга*; 3) стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен существительных: *парняга*, *портняга*, *сотняга* [РГ 1980 I: 151, 217; Ефр: 31–32].

Среди слов с финалями *-ягяга* также можно обнаружить некоторые слова с предметным значением. Из тех слов, которые нам удалось рассмотреть с этой целью⁶, выделяются слова на *-яга* женского рода и на *-еж* мужского рода:

- яга*: *коряга* 1) Суковатое дерево; сук, затонувший в воде;
2) Кривой суковатый пень; корни на поверхности земли [ССРЛЯ 5: 1489];
сермяга 2. Верхняя крестьянская одежда из одноименного сукна [там же 13: 705];
сотняга сторублевка (простор.) [там же 12: 405];
ковряга каравай хлеба (смол.) [СРНГ 14: 34];
- еж*: *крепеж* 1) Крепление;
2) Устройство, приспособление для скрепления: сооружение в шахте от обвалов [ССРЛЯ 5: 1619, 1626];
чертеж 1) устар. Изображение чего-л., рисунок, карта [ССРЛЯ 17: 953];
рубeж Зарубка, знак, вырубленный на дереве для указания границы [Ср III: 179].

Таким образом, суф. *-еж*, *-яга* (современные трансформации суф. *-еж*) хотя и не часто, образуют слова со значением конкретного предмета. Особенно следует выделить такую группу, как отглагольные существительные мужского рода на *-еж*, обозначающие предмет как объект или результат действия, названного

⁶ Для нахождения нужных лексем мы использовали: ГС. ОСРЯ.

мотивирующим глаголом, с параллельно существующими безаффиксными образованиями от этого глагола:

крепеж от *крепить*; др.-рус. *крѣнь* [Ср I: 1354];

рубѣж от *рубить*; др.-рус. *роубѣ* [Ср III: 184];

чертеж от *чертить*; *черта*

ср. *ковчег* от *ковать*; *ковѣ* [ЭССЯ 12: 14–15].

Регулярный характер этих суффиксов в разговорной речи и просторечии может указывать и на их историческую продуктивность.

В. Кипарский, выделяя суффиксы *-еж*, *-аг*, *-ага/-яга*, *-язь*, предполагает общеславянский характер суф. *-аг* (поскольку существуют схрв. *šiprag* 'кустарник' от *šip* 'шиповник'; рѣлјаг 'багаж' от рѣлјати 'носить'), отмечает многочисленность образований в рус. диалектах на *-аг/-яг* (*сосняг* 'сосновый лес', *волияг* 'бурьян, частый кустарник', *верецаг* 'степь, пустошь') [Kiparsky 1975 III: 183] и сопоставляет *-ага/-яга* с лит. *-ingas*, лтш. *-īgs*: *сердога* — лит. *širdingas*, *живяга* — лит. *gyvingas*, *веселяга* — лтш. *veselīgs* и т. д. [Там же: 288–289].

Суф. *-ежъ* В. Кипарский дает как общеславянский и выводит из **-egjos*. Деноминативы на *-ежъ* изначально были женского рода (*молодежь*, *холостежь*), а девербативы — мужского рода (*мятеж*, *грибеж*; в польском и чешском некоторые из них переходят в ж. р.: польск. *łupież*, чеш. *loupež*).

В. Кипарский также отмечает, что некоторые слова м. р. приобрели значение конкретного предмета: др.-рус. *гъбежь* 'сустав, сгиб; шарнир, колено' (перв. 'изгиб, поворот'), *рубѣжь* 'засека' (перв. 'вырубка, просека в лесу'), *вьртежь* 'винт, шуруп' (перв. 'вращение, кручение'), *чьртежь* (перв. 'зарубка, порез'). Продуктивность суффикса подтверждается образованиями XVIII в. *картеж* и более новыми *зубреж*, *бомбеж(ка)* [Там же: 197].

В. Кипарский предлагает гипотезу, вытекающую из анализа, проведенного А. Вайаном: **-ęga*, **-ędz'ь*, *-егъ* — исконные, причем *-ęga/-ędz'ь* — алломорфы, исходя из вариантности заимствований на *-язь/-яг* (*склязь/шеляг*) [Там же: 289–290].

Приведенный материал позволяет с определенной долей вероятности предполагать существование в праславянском языке суффикса **-егъ* отглагольных существительных с возможным значением предметности.

Славянское **kovъсь*, которое, по мнению Ильинского, лежит в основе слова *ковъчегъ*, в ЭССЯ отмечается как образование от праславянского глагола **kovati*, сопоставляемого там же с родственными словами из других и.-е. языков: лит. *kąti*, лтш. *kaui* 'бить, убивать, поражать', др.-в.-нем. *houwan*, *haiwan* 'рубить', нем. *hauen* 'рубить, бить', лат. *cūdo*, *cūdere* 'ударять, бить', ирл. *cuad* 'бить', тох. А *ko-*, Б *kau-* 'убивать' [ЭССЯ 12: 11: 17], — восходящими к и.-е. корню **keu-/koу-* и имеющими общую семантику 'бить'.

Кузнечно-терминологическое же значение слова *ковать* выделяется как явление, характерное исключительно для славянских языков. Другие и.-е. языки этого значения в данных словах не обнаруживают [Там же: 11]. Славянские лексемы группы *ковать* отражают следующие значения: непосредственно ковать; забивать, подковывать, чеканить (с вариантом чеканить деньги), бить молотом, обивать, заковывать; делать, изготавливать [Там же: 10]. В Ипатьевской летописи (под датой 1175 г.) отмечается значение 'оковывать, покрывать, обивать кованым металлом' [Там же], что соответствует описаниям *ковчега* как окованного, обитого каким-либо металлом предмета (см. стр. 132 нашей работы).

Здесь можно указать на то, что некоторые словари при объяснении слова *ковчег* приводят как существенный признак 'кованый':

"*ковчѣгъ* м. (ковать) кованый сосуд, окованный сундук..." [Даль II: 128]; "*ковчѣгъ* — (слав. кованый ящик)..." [АХ: 125].

Особое место среди значений слав. *ковать* занимает семантический ряд: замышлять зло, выдумывать, затевать что-либо недоброе, замышлять в тайне [ЭССЯ: 12. 10], куда также относятся слова *козни*, *коварство*, ст.-сл. *ковъ* и под.⁷ Эти значения, по-видимому, связаны с особым восприятием кузнечного дела в народном сознании. Известно, что кузнецу и его деятельности приписывались особые колдовские функции, сверхъестественные спо-

⁷ Тот же корень, который используется в слав. **kovati*, в других и.-е. языках служит для обозначения жреца, поэта, волхва, шамана: ср. др.-инд. *kavi-*, лидийск. *kave-*, авест. *kavi-* 'вождь' из 'шаман' [Иванов, Топоров 1974: 90].

способности. Отношение к кузнецу как к человеку, обладающему сокровенными способностями, порождало страх перед возможностью их реализации, откуда известная изолированность кузнеца, сходная с положением колдуна, шамана [Иванов, Топоров 1974: 88].

Видимо, глагол *ковать*, как относящийся к кузнечному ремеслу, в языческий период приобретал значения и функции, связанные с мифологическими представлениями. Так, можно обнаружить некоторые переключки мотивов кузнечного дела в славянской мифологии с библейскими мотивами, отражающимися в функциях и символике ковчега:

Кузнечное дело (миф.)	Библейские мотивы
1) Противопоставление кузнеца воде. Функция спасения от выходящего из нее зла [МНМ II: 22; Иванов, Топоров 1974: 88].	Ср. Ноев ковчег: “И вот, Я наведу на землю потоп <i>водный</i> , чтоб истребить всякую плоть (...), все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в <i>ковчег</i> ты, и сыновья твои (...). Введи также в <i>ковчег</i> из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых <i>курсив наш</i> . — <i>Е. А.</i> ” (Быт. 6: 17–19).
2) Мотив преследования кузнеца-ми Змея, борьба с ним: “...К. схватил шипцами за язык змея, проникшего в кузницу” [МНМ II: 22]; “...после этого кузнецы запрягают Змея в выкованный ими плуг и заставляют его вспахать Змиев вал” [Иванов, Топоров 1974: 89];	Ср. Устойчивый библейский образ змея — сатаны и борьбу с ним Христа: “И вражду положу между тобою <i>змеем</i> . — <i>Е. А.</i> ” и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее <i>Христом</i> . — <i>Е. А.</i> ; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту” (Быт. 3: 15); образ женщины, борющейся со змеем (Откр. 12: 1–6), в которой православная традиция видит Богородицу, чьим символом является ковчег; гробница, находящаяся в напестольном ковчеге, символизирует смерть Христа, принесшую победу над дьяволом (Евр. 2: 14).

3) Связь кузнеца с громовержцем, высшим миром; мотив посредничества [Иванов, Топоров 1974: 89; МНМ II: 22].	Ср. Ковчег Завета как место явления Бога своему народу, а также ковчег в православной церкви как ковчег Нового Завета, данного Христом — посредником между людьми и Богом — Отцом: “Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус...” (1 Тим. 2: 5); функция ходатайства Христа (Евр. 9: 15; Римл. 8: 34), которая в православии приписывается Богоматери.
4) Страх перед сверхъестественными способностями [Иванов, Топоров 1974: 88; МНМ II: 22].	Ср. особое почтительное отношение израильского народа к ветхозаветному ковчегу; возможность смертельного исхода от прикосновения к этому предмету: “Но Господь разгневался на Озу, и поразил его за то, что он простер руку свою к ковчегу; и он умер тут же пред лицом Божиим. (...) И устранился Давид Бога в тот день, и сказал: как я внесу к себе ковчег Божий? (курсив наш — Е. А.)” (1 Пар. 13: 10, 12).

Таковы семантические и словообразовательные аргументы, которые мы можем привести в пользу происхождения слова *ковчег* от *ковать*. Другая возможная этимологическая интерпретация слова *ковчег* будет предложена в отдельной работе.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

АХ — Азбука христианства: словарь-справочник. М., 1997; **ГС** — За-
лизняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение.
М., 1977; **Даль** — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского
языка. М., 1995. Т. II; **Ефр** — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь слово-
образовательных единиц русского языка. М. 1996; **КЕЭ** — Краткая

еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1986. Т. 4; **МНМ** — Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1988. Т. 2; **Ож** — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991; **ОСРЯ** — Обратный словарь русского языка. М., 1974; **ПБС** — Православный библиейский словарь. СПб., 1997; **Покр** — Покровский Д. Словарь церковных терминов. М., 1995; **Пр** — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959; **ПЦСС** — Полный церковно-славянский словарь. М., 1993; **Рад** — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899; **Ср** — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14; **ССРЛЯ** — Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1950 — 1965; **СсС** — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994; **Ф** — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987; **ХЭС** — Христианство: энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1; **Шан** — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1982. Т. II; **Шип** — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских языков. М., 1985. Вып. 12; **JE** — The Jewish Encyclopedia. New York—London, 1901. Vol. I; **Mikl** — Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. T. II. 1886.

ЛИТЕРАТУРА

- Буслаев 1867 — Буслаев Ф. И. *Иностранные слова в славянских наречиях*. ЖМНП. СПб., СХХХV. С. 541–560.
- Буслаев 1984 — Буслаев Ф. И. *О влиянии христианства на славянский язык: опыт истории языка по Остромирову Евангелию*. М.
- Георгиев 1968 — Георгиев В. И. *Праславянский вокализм и проблема аканья. Общеславянское значение проблемы аканья*. София.
- Иванов, Топоров 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур. *Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту. Вып. I(5). С. 87–90.
- Ильинский 1924 — Ильинский Г. Славянские этимологии. XXXVI–LXX. *ИОРЯС. Пг.* Т. XXII. С. 229–233.
- Кравецкий 1997 — Кравецкий А. Г. *Материалы к учебнику церковно-славянского языка: опыт словаря литургических символов. Славяноведение. № 2*. С. 84.
- Огиенко 1915 — Огиенко И. И. *Иноземные элементы в русском языке: история проникновения заимствованных слов в русский язык*. Киев.

- О составных... 1947 — О составных частях храма. *Христианское чтение*. СПб. Ч. III.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. М. Т. I.
- Симфония... 1928 — *Симфония на Ветхий и Новый Завет*. Л.
- Супрун 1989 — Супрун А. Е. *Введение в славянскую филологию*. Минск.
- Успенский 1969 — Успенский Б. А. Влияние языка на религиозное сознание. Σπεισωτική. *Труды по знаковым системам: Учен. записки Тарт. ун-та*. Tartu, IV. Вып. 236. С. 159–168.
- Kiparsky 1975 — Kiparsky V. *Russische historische Grammatik*. Heidelberg. Bd. III.
- Mikkola 1913–1918 — Mikkola J. J. Die chronologie der türkischen Donaubulgaren. *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja: Journal de la société finno-ougrienne*. Helsinki, X, 33.
- Vondrak 1906 — Vondrak W. *Vergleichende slavische Grammatik*. Göttingen. Bd. I.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА ХОТЕТЬСЯ

Димитрий Миронов
(Таллинн)

В русском языке существует лексико-грамматический разряд глаголов, традиционно называемых безличными. К ним относят глаголы, не сочетающиеся с подлежащим в Им. падеже и обозначающие состояние природы, человека, а также выражающие различные модальные значения. Кроме собственно безличных глаголов типа *светает, холодает, смеркается*, в группу безличных попадают глаголы, регулярно образуемые с помощью постфикса *-ся/-сь* от личных глаголов: *читать — (не) читается; петь — (не) поется* (см. об этих глаголах Касаткин 1995: 192; соответствующие им безличные предложения классифицированы в Галкина-Федорук 1957: 289–291). По такой же модели от глагола *хотеть* образована лексема *хотеться*, рассмотрению семантики которой посвящена данная статья.

“Словарь древнерусского языка” И. И. Срезневского приводит глагол *хотѣтисѧ* со значением *иметь желание*, которое иллюстрируется примером из Смоленской грамоты 1229 г.: *не хѹетсѧ платити емоу*. Столь древняя фиксация исследуемой лексемы, а также параллели в других славянских языках (пол. *chcieć się*, чеш. *chtít se*) наталкивают на мысль о довольно раннем происхождении данной формы и о наличии определенной семантической нагрузки, сопровождающей подобное словообразование.

В “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля глагол *хотеться* не вынесен в отдельную словарную статью и приводится лишь как безличная параллель к *хотеть*, целиком повторяющая круг его значений. Важно отметить следующее: в словарном толковании глагола *хотеть* следует выделять по крайней мере два значения — *иметь желание* и *иметь намерение*. Н. Д. Арутюнова обосновывает это так: “<...> ср. *Я хочу есть* (= я испытываю желание поест, я голоден) и *Я хочу сейчас*

поест, так как потом для этого не будет времени (= я намерен сейчас поесть). В этом втором случае говорящий апеллирует к своей воле (намерению) осуществить некоторое действие, причем воля может быть стимулирована не желанием (ощущением голода), а рассудком. Можно сказать *Я хочу сейчас пообедать, хотя и не голоден еще* [Арутюнова 1999: 234].

“Толковый словарь русского языка” Д. Н. Ушакова приводит глагол *хотеться* с пометой *безл.*, а в словарной статье указывается: *то же, что хотеть в 1, 2, 3, 4 значениях*.

БАС дает собственное значение глагола *хотеться*: *ощущаться как потребность, желание, стремление*. Как видим, в данном случае нет разграничения желания и намерения. МАС снова приводит в словарной статье глагола *хотеться* отсылку к значению лексемы *хотеть*: *1. Испытывать желание, охоту. ощущать потребность, необходимость в чем-либо. <...> 2. Иметь намерение (делать что-либо)*.

Наконец, словарь С. И. Ожегова также не разграничивает значения *иметь желание* и *иметь намерение* при глаголе *хотеть*, поэтому оба они попадают в словарную статью *хотеться*.

“Словарь русских синонимов” Н. Абрамова вносит глагол *хотеться* в синонимический ряд лексем с модальным оттенком желательности. “Словарь синонимов русского языка” З. Е. Александровой устанавливает связь между близкими по значению синонимическими рядами глаголов *хотеться* и *желать*.

Итак, если рассматривать традицию описания семантики глагола *хотеться* в словарях, то можно прийти к выводу о практически полной синонимии безличной “разновидности” глагола и его “личного” варианта. В связи с этим представляется важным найти, в первую очередь, те компоненты семантики *хотеться*, которые отличают данную лексему от *хотеть*.

Первым на различия в семантике *хотеть* и *хотеться* указывает “Новый объяснительный словарь синонимов”, приводящий глагол *хотеться* в качестве неточного конверсива к *хотеть*, в котором изменение валентности осложнено небольшими семантическими надбавками. Интересно, что в данном случае не наблюдается полного противопоставления конверсива по валентности: если субъект желания при глаголе *хотеть* выражен Им. паде-

жом, то при *хотеться* эту валентность замещает имя субъекта в Дат. падеже, а объект желания и в том, и в другом случае выражен либо именем в Род.-Вин. падеже, либо инфинитивом (см. “Учебный словарь сочетаемости слов русского языка”).

Так как субъект желания выражен разными способами при обоих глаголах, то встает вопрос о правомерности противопоставления данных лексем по личности-безличности. Подобная проблема обсуждается в лингвистике довольно давно; в частности, в “Коммуникативной грамматике русского языка” ставится под сомнение термин *безличные*, который закрепился за глаголами определенного грамматического разряда и семантики. В противовес оппозиции *личности—безличности* авторы Грамматики рассматривают высказывания типа *Я читаю — Мне (не) читается; Он хочет — Ему хочется* с точки зрения акциональности, т.е. “действенности” субъекта. Согласно этой концепции, т.н. безличные предложения “объединяет общее, инвариантное грамматическое значение — независимость предикативного признака от воли субъекта — его носителя, непроизводность, инволютивность” [Золотова 1998: 124]. Инволютивными авторы предлагают называть предложения разных моделей, обнаруживающие этот признак. Чаще всего, “соотносительные с номинативно-глагольными предложениями инволютивные модификации организуются предикативным сочетанием имени субъекта в дательном падеже и особой формы глагола-сказуемого с формантом *-ся*” [Там же]. Таким образом, в паре *Он не хотел подниматься — Ему не хотелось подниматься* во втором случае модальный глагол оттеняет непроизвольность желания, независимость его от воли. Кроме того, делается замечание следующего характера: “поскольку модальное отношение — это не действие, точнее говорить не о зависимости/независимости от воли субъекта, а лишь о большей/меньшей степени волевого, сознательного отношения к действию. Ослабление волевого начала прослеживается на линии прямой — косвенный падеж субъекта” [Золотова 1998: 135].

Ю. С. Степанов характеризует предложения типа *Мне спится — Мне не работается* как обладающие в самой общей форме семантикой состояния, что позволяет ему включать их в ряд

высказываний с предикативами: *В комнате холодно, Мне маму жалко*. “В этой семантике состояния выделяются, однако, два центра, или полюса, — состояние объективное, физическое, переходящее в состояние природы (“мне холодно” и “холодно в природе”) и состояние субъективное, состояние духа, переходящее в безличное состояние духа <...>, т.е. в категорию модальности” [Степанов 1981: 325]. То, что компонент состояния является неотъемлемой частью семантики подобных слов, в том числе глаголов, подтверждается их тяготением к “я”-субъектам: “возможны только формы *Мне не пишется, Мальчику не сидится*, но не формы **Карандашу не пишется, не ложится*” [Степанов 1981: 314]. В отношении исследуемого глагола можно привести следующий пример: предложение *Ручка не хочет писать* (=не пишет) не может быть заменено на искусственное **Ручке не хочется писать*.

В “Теории функциональной грамматики” различие между глаголами *хотеть* и *хотеться* объясняется следующим образом: “Глаголы *хотеть* и *хотеться* различаются тем, что первый содержит в своей семантической структуре компоненты воли и целенаправленности, тогда как второй не связан с волевым началом и выражает желание, явившееся результатом внутреннего состояния субъекта” [ТФГ 1990: 1983]. Однако приведенное выше деление на состояние объективное и субъективное, а также анализ контекста показывают, что учета лишь внутреннего состояния недостаточно для описания разницы между двумя лексемами, ср.: *При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья. Все задумались* (А. Чехов) — внутреннее состояние каузирует появление желания, — и *Егорушка, давно уже ненавидевший Дымова, почувствовал, как в воздухе вдруг стало невыносимо душно, как огонь от костра горячо жег лицо: ему захотелось скорее бежать к обозу в потемки, но злые, скучающие глаза озорника тянули его к себе* (А. Чехов) — желание предопределено в том числе и “внешними” причинами.

В связи с тем, что рассмотрение контекста может с наибольшей полнотой помочь раскрыть функциональную характеристику глагола *хотеться*, в процессе работы был собран и проанализирован круг высказываний, в которых представлена данная лек-

сема. Материал отбирался из произведений русских писателей. В данной работе рассматриваются утвердительные высказывания. Вначале было произведено деление на высказывания, в которых говорящий субъект и субъект желания совпадают, и на высказывания, в которых подобное совпадение отсутствует (о необходимости такого рода разделения см. Степанов 1985: 205). Оказалось, что количество контекстов с совпадением субъектов меньше, чем высказываний второго рода. И если в первом случае *хотеться* появляется в речи героев для объяснения ими самими собственных желаний и поступков (ср. *Отец не отвечал мне и поспекал вперед. Я нагнал его. Мне непременно хотелось видеть его лицо* (И. Тургенев) — желание каузирует поступок), то во втором случае градация оказывается несколько более сложной.

Во-первых, появление глагола *хотеться* характерно для контекста, в котором объясняется причина появления независимого от воли субъекта желания: *Москва отдавала накопленный за день в асфальте жар, и ясно было, что ночь не принесет облегчения. Пахло луком из подвала теткиного дома, где работала ресторанная кухня, и всем хотелось пить, все нервничали и сердились* (М. Булгаков).

Для этого глагола типично употребление при описании состояния субъекта желания, которое не связано с действием: *И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубом небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей* (А. Чехов); *Ипполит Матвеевич был готов не только молиться на Остана, но даже целовать подметки его малиновых штиблет. — Завтра, — говорил он, — завтра, завтра, завтра. Ему хотелось неть* (И. Ильф, Е. Петров).

Лексема появляется и в таком контексте, когда желание субъекта не совпадает с последующим действием. Здесь возможны несколько случаев.

1. Спонтанно возникшее необдуманное желание не реализуется после его осмысления: *При этих словах Кислярскому захотелось дать еще 50 рублей, но больше уже не приходиться ни на какие*

заседания. Он еле удержал себя от этого порыва (И. Ильф, Е. Петров).

2. Подобное же желание реализуется после размышления лишь частично: *"Досада, ненависть и гнев, которые накопились у нее в течение дня, вдруг точно запенились; ей хотелось сейчас же, не откладывая до завтра, высказать мужу все, оскорбить его, отомстить..."* Делая над собой усилия, чтобы не кричать, она сказала... (А. Чехов).

3. Желание вполне осознанно внутренне, но реализация его затруднена в силу внешних обстоятельств: *В такое кресло хотелось сейчас же сесть, но сидеть на нем воспрещалось* (И. Ильф, Е. Петров).

4. В случае появления спонтанного желания способ его реализации может быть до конца не определен и не адекватен возникшей потребности: *И он показался ей маленьким, осиротевшим; ей стало жаль его и захотелось сказать ему что-нибудь приятное, ласковое, утешительное <...> — Петр, купи себе гончих! — просто-нала она* (А. Чехов). Ср. абзацем ниже: *Он опустил штору и подошел к постели, хотел что-то сказать, но в это время Ольга Михайловна почувствовала боль и вскрикнула неприличным, раздирающим голосом* (А. Чехов) — намерение героя говорить описано глаголом *хотеть* в силу обдуманности желания (ср. разницу между *что-нибудь* и *что-то*). Похожие примеры: *Он вспомнил его дирижирование, сильный голос, робкий вид во время купания и почувствовал к нему сильную жалость. Ему захотелось сказать что-нибудь ласковое* (А. Чехов) — *А дама, полная и пожилая, в белой шелковой шали, склонила голову набок и глядела так, как будто только что сделала кому-то одолжение и хотела сказать: "Ах, не беспокойтесь благодарить! Я этого не люблю..."* (А. Чехов).

Как видно из примеров, основные признаки, отличающие глагол *хотеться* от *хотеть* — инволюнтивность и стативность — во всей полноте реализуются в рассмотренных контекстах. На основании этого можно утверждать, что для *хотеться* не характерна семантика намерения, выделяемая в качестве отдельного компонента значения у *хотеть*. О намерении можно говорить лишь в случае, когда оно претворяется в виде полноценного действия, направленного на удовлетворение возникшей потребности. Таким образом, глаголом *хотеться* описывается невольное, но об-

условленное какими-либо объективными причинами, независимое от разума, близкое по своей природе обдуманному желанию состояние субъекта, реализующееся в виде соответствующего действия в случае, когда оно не противоречит воле. Если для семантики *хотеть* компонент воли является связующим звеном между желанием и действием, то для *хотеться* воля и разум субъекта оказываются своего рода “фильтром”, влияющим на соответствие между желанием и действием, производимым субъектом. Воля накладывается на желание, выражаемое *хотеться*, но не входит в его семантическую структуру, в отличие от *хотеть*.

Таковы некоторые первичные наблюдения над семантической структурой глагола *хотеться*.

ИСТОЧНИКИ

- Абрамов Н. 1994. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. М.: Русские словари.
- Александрова З. Е. 1998. *Словарь синонимов русского языка*. М.: Русский язык.
- Даль Вл. 1998. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб.: Диамант.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 1997. Вып. 1. М.: Языки русской культуры.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1995. *Толковый словарь русского языка*. М.: АЗЪ.
- Словарь русского языка*. 1984. Т. 4. М.: Русский язык.
- Словарь современного русского литературного языка*. 1965. Т. 17. М—Л.: Наука.
- Срезневский И. И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. Т. 3. Ч. 2. М.: Книга.
- Толковый словарь русского языка*. 1940. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*. 1978. М.: Русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.
- Галкина-Федорук 1957 — *Современный русский язык. Синтаксис*. М.
- Золотова 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.
- Касаткин 1995 — Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. *Краткий справочник по современному русскому языку*. М.
- Степанов 1981 — Степанов Ю. С. *Имена, предикаты, предложения*. М.
- Степанов 1985 — Степанов Ю. С. *В трехмерном пространстве языка*. М.
- ТФГ 1990 — *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Светлана Полковникова
(Даугавпилс)

Сопоставительная лингвистика — это тот раздел языкознания, где тесно переплетаются теория и практика. Анализируя языковые контакты, изучая иностранный язык или осуществляя перевод с одного языка на другой, а также производя сравнительное изучение двух языков, мы получаем возможность более глубоко понять специфику исследуемых явлений в каждом из сопоставляемых языков, обнаружить их общие и отличительные свойства.

А. Е. Супрун отмечает: “Основой сопоставительного изучения лексики, как и вообще сопоставительного изучения языков, является наличие определенных общностей между всеми языками мира в плане выражения, базирующихся на единстве окружающего нас мира и общности отражающего его мозга носителей всех человеческих языков. Вместе с тем в ходе исторического развития языков в них, и в частности в их лексике, сложились весьма значительные различия, касающиеся как плана выражения, так и плана содержания” [Супрун 1988: 26].

Поскольку словарный состав любого языка включает огромное количество единиц, в сопоставительной семасиологии изучение семантических групп признается наиболее важным, так как позволяет исследовать лексические единицы в их взаимосвязи. В нашей работе основным объектом сопоставления являются семантические группы, а в их пределах — структура лексического значения и семантическая структура слова.

Наше исследование посвящено сопоставлению глаголов речевого общения русского и латышского языков. Названные глаголы в обоих языках образуют достаточно обширные семантические группы и включаются в фонд активной лексики каждого из

языков. Эти глаголы отличаются богатой структурой своих значений, нередко расчлененной, разнообразными условиями употребления и связями с другими семантическими группами.

Материал для сопоставления извлекался из толковых словарей русского и латышского языков [MAC; LLVV] с привлечением данных двуязычных и синонимических словарей [ACC, LVSV], а также словаря-справочника [СЛСГ] и “Толкового идеографического словаря русских глаголов” [ТИСРГ].

С. Муране пишет: “Особое значение для установления значений слов в сопоставляемых языках имеют толковые словари, отражающие лексическое богатство языка. Сопоставительное исследование лексики русского и латышского языков становится более представительным после окончания издания в 1996 году 8-томного (в 10-ти книгах) академического толкового словаря латышского литературного языка [LLVV]” [Муране 1998: 21].

В рамках ЛСГ глаголов речевого общения было выделено несколько микрогрупп глаголов. В основе выделения микрогруппы лежат информативная, фатическая и побудительная функции. Данные глаголы весьма важны в процессе коммуникации, поскольку своим значением выражают часть информации, предполагаемой ситуацией общения. Это связано также и с тем, что глаголы речевого общения тесно связаны с интеллектуальной деятельностью человека, которая является многообразной и неординарной по своему характеру, и поэтому имеет такое множество обозначений. Основными понятиями при анализе семантики глаголов рассматриваемой СГ являются *адресант, адресат и мотивация общения*, ее направленность. В данном случае мотивация общения непосредственно связана с речевым действием при достижении различных целей, как речевых, так и неречевых. Для глаголов речевого общения доминирующей мотивацией является речевое возбуждение деятельности адресата.

ЛСГ глаголов речевого общения, согласно СЛСГ, относится к семантическому полю *действие*, подполю *речевая деятельность*. Для анализа семной структуры ЛСГ глаголов речевого общения привлечено 58 русских и 93 латышских лексемы. Все рассматриваемые глаголы объединяются тем, что в структуре их значения (прямого или переносного) присутствуют семантиче-

ские компоненты *вести словесный обмен сведениями, мнениями*. Данные компоненты выявляются из основного значения базового глагола данной ЛСГ **разговаривать** — *вести разговор, беседу*.

Анализ проводился по схеме: центр (ядро) — периферия.

По количеству лексем ядро группы является немногочисленным: 13 русских и 25 латышских лексем. Значения глаголов включают интегральный семантический признак — *вести словесный обмен мнениями, сведениями*. Данные глаголы употребляются в тех случаях, когда речевое общение выполняет информативную функцию, при этом содержание информации для коммуникантов не имеет существенного значения. В других глаголах с той же функцией информация сообщения имеет доминирующую роль по сравнению с функцией общения. Напр.: *беседовать*, *sarunāties*, *болтать*, *plārāt*. *Перед отъездом Михалевич еще долго беседовал с Лаврецким*. Тургенев. *Дворянское гнездо* [МАС 1: 80]. *Bet man gribas tikai nēkus plārāt: Prasu es, cik divas vārdes sver*. E. Plaudis 5: 105 [LLVV 6₂: 293]. *А мне хочется болтать о пустяках: спрашиваю, сколько весят две лягушки*.

Кроме интегрального признака, часто в значении имеются другие семантические признаки, реализуемые специфическими семами со значением *характер разговора*. Напр.: *шептаться*, *čikstēties* — *тихо*; *болтать*, *čalot* — *быстро + свободно*.

Также важной характеристикой глаголов является указание на совместность обозначаемого действия, т.е. одновременно может быть несколько адресантов и несколько адресатов, поэтому факultatивной является адресатная ориентация речевого сообщения. Она имеет более разобщенный характер.

Обратимся к анализу семной структуры периферийных лексем (45 русских и 68 латышских лексем). Основной общей чертой семантики периферийных глаголов является то, что, кроме ядерного (интегрального компонента), в их значениях имеются отличные друг от друга дифференциальные семы. На основе качественного различия между дифференциальными признаками периферийные глаголы объединяются в микрогруппы. Доминирующим дифференциальным признаком данных глаголов является компонент *мотивация речевого воздействия*.

Первую микрогруппу образуют глаголы, в значении которых речевое общение характеризуется "ритуальным" характером, т.е. общение является несколько регламентированным. Сюда относятся несколько глаголов: *проститься, atvadīties, попрощаться, распрощаться, atsveicināties, приветствовать, pasveicināt*. В значении данных глаголов есть семантические признаки *обстоятельство общения* и *содержание речевого сообщения*, которые реализуются в семах *при встрече* или *при расставании* + *слова приветия*.

Напр.: *проститься, atsveicināties* — 1. бменяться рукопожатиями, словами приветия и т.д. при расставании [MAC, III, 526]. В Саратуте Максим ушел с парохода — ушел молча, ни с кем не простясь. М. Горький. В людях. "Uz redzēšanas, mīla!" Zvirgzdiņa *atsveicinājās*. Bērce 3: 233 [LLVV]. "До свидания, любимая!" Звиргздиня попрощалась.

Следует указать и на наличие в семантике данных глаголов компонента *фаза коммуникации*, т.е. указания на какие-то отдельные моменты коммуникации. Глаголы *приветствовать* и *pasveicināt* указывают на начало коммуникации, а глаголы *проститься, попрощаться, atsveicināties, atvadīties* — на завершение коммуникации.

Основу значения глаголов второй микрогруппы глаголов речевого общения составляет указание на побудительную функцию общения, т.е. в этом случае речевая деятельность направлена на адресата с целью побудить его произвести ответное речевое действие. В структуре значения данных глаголов обязательным является семантический признак *чувствовать необходимость в получении чего-либо*, реализующийся в различных специфических семах, напр., *ответа, разрешения, совета, согласия*.

Следует отметить, что глаголы, в основе значения которых лежит побудительная функция, можно разделить на два класса, в зависимости от того, на какую фазу активного действия субъекта они указывают.

Для глаголов данной микрогруппы существенна позиция адресанта и адресата. Это связано с тем, что глаголы в большинстве случаев содержат в значении указание на фазисность общения и на высокую степень ориентации адресанта на реакцию адресата.

В самой побудительной функции четко можно выделить две фазы: **первая фаза**, когда адресант своим речевым высказыванием стремится вызвать у адресата желание сделать взаимное речевое действие, и **вторая фаза**, когда адресат становится субъектом речевого действия, т.е. занимает позицию адресанта. Таким образом, существенным признаком данных глаголов является высокая степень ориентации речевого воздействия и позиция субъекта в процессе общения.

Рассмотрим глаголы речевого общения, указывающие на первую фазу побуждения. Структуру значения каждого глагола данной микрогруппы составляет дифференциальный признак *содержание высказывания*. В значениях глаголов данный признак реализуется в двух специфических семах *вопрос* и *просьба*:

вопрос — 1. *Обращение к кому-л., требующее ответа, разъяснения и т.п.* [MAC I: 211];

просьба — 1. *Обращение к кому-л., призывающее удовлетворить какие-л. нужды, какое-л. желание, исполнить, соблюсти что-л.* [MAC III: 530].

По количеству глаголов данная микрогруппа является самой многочисленной как в русском (12 глаголов), так и в латышском языке (31 глагол). Результатом обращения, выраженным определенным глаголом с семой *вопрос*, во всех случаях является какой-то результат мыслительной деятельности человека, в то время как в глаголах с семой *просьба* результатом может быть также предмет, действие или поступок, не связанный с речью. Напр.: *клянчить, diedelēt* — прост. *Неотступно, назойливо просить, т.е. неотступно, назойливо добиваться чего-л. у кого-л. // неотступно, назойливо обращаться к кому-л. с просьбой. Дедка, возьми...* — *клянчил Артемка. — Он так горячо просился, что дед Фишка решил взять его с собой.* Марков. Строговы [MAC II: 62];

diedelēt — 2. *Lūgt, prasīt (ko), parasti neatlaidīgi, izmācīgi* <Просить (что), обычно неотступно, назойливо>. *Viņš ieraudzīja jociģo sievieti, kura diedelēja kādas tur kaulu smadzenes.* Birze 5: 164 *Он увидел странную женщину, которая клянчила какой-то костный мозг* [LLVV 2: 328].

Значения данных глаголов являются достаточно конкретными и их семная структура состоит, в основном, из интегрального се-

мантического компонента и одного или двух дифференциальных. Дифференциальные семы играют конкретизирующую роль, т.е. указывают на какие-то сопутствующие элементы речевого общения, в данном случае это мотивация действия, характер общения и фазисность действия. Мотивация действия реализуется в семах *подробно* и *у многих*, характер общения — в семах *неотступно*, *назойливо*, фазисность действия — *многократно*: *расспросить*, *izprašņāt* — *подробно, у многих*; *клянчить*, *dīki* — *неотступно, надоедливо*.

В эту же микрогруппу входят два латышских глагола *atvaicāt-1* и *atjautāt-1* (*спросить в ответ*), которые отражают вторую фазу побудительной функции общения (когда адресант и адресат взаимозаменяются), так как в значении имеется конкретизирующая сема *ответить вопросом*. В данном случае в значении первая фаза имплицитна, но она четко выражена в иллюстративном материале. Напр.: “*Kāpēc tu man neko nestāstīji?*” — “*Vai tu man daudz stāsti?*” *Apolonija atjaucēja...* Niedre “*Почему ты мне ничего не рассказывала?*” — “*А ты мне много рассказываешь?*” *Аполония спросила в ответ* [LLVV 1: 473].

В данном случае первая и вторая фазы общения являются по функции тождественными: обе содержат побуждение к ответной речевой деятельности адресата.

Следующую микрогруппу составляют значения глаголов речевого общения, указывающие на вторую фазу побудительной функции общения: выполнение адресатом ответного речевого действия. Содержание сообщения выражается в значении специфической семой *ответ* или *возражение*, т.е. вызванные вопросом или обращением слова, заключающие в себе подтверждение или отрицание чего-либо, сообщение о чем-либо или выражение несогласия с чем-либо.

Данная микрогруппа немногочисленна по составу: в ней 5 русских и 8 латышских глаголов. Напр.: *согласиться* — 1. *Дать согласие на что-либо, т.е. дать утвердительный ответ на что-либо. Ростов согласился быть секундантом Долохова.* Л. Толстой. Война и мир [MAC IY: 178];

iebildst (возражать) — 1. *Pateikt, ka nepiekrūt (kam), ka vēršas (pret ko), apšauba (ko)* <Сказать, что несогласны (с чем-л.), сомневае-

тесть в чем-л.>. "Nē, nē, tu nerunā man pretī, viņš gaiņājās rokām, kad Pēteris gribēja kaut ko iebilst". Sakse 2: 140 *Нет, нет, ты мне не возражай, он махал руками, когда Петерис хотел что-то возразить.*

Для данных глаголов существенной является та информация высказывания, которая была выражена в первой фазе общения, так как именно это определяет содержание ответного высказывания.

Часто в значениях глаголов имеется указание на обязательность адресатной ориентации, которое выражается в семмах *кого* — *ко*, *у кого*, *кому* — *kam*. Напр., *спросить* — *taujāt*: *обратиться к кому-либо с вопросом.*

Сопоставительный анализ семантической структуры глаголов речевого общения показал, что наиболее типичными для ЛСГ глаголов речевого общения русского и латышского языков являются переносы в СГ глаголов речевого сообщения (*спорить*-2), СГ поступка (*обращаться*-4) и СГ звучания с различными субъектами (*вещать*-3). Перенос значений основывается на наличии общих сем с семантикой *сообщение* или *высказывание*, его характеристика, а также *образ действия*. Различающиеся переносы в русском и латышском языках в большинстве случаев являются единичными. Наиболее многочисленной в русском языке является ЛСГ глаголов субъектного и объектного перемещения (*проститься*-1.1), в латышском языке — ЛСГ глаголов графической передачи информации (*izsacīt*-1 — *выразить*) и ЛСГ глаголов художественного исполнения произведения (*teikt*-2 — *сказать*). Количественное преобладание латышских глаголов обусловлено несколькими причинами. В первую очередь, это синонимы с *-ties*, которые не отличаются лексическим значением от глаголов без возвратной частицы, например, *lūgt* и *lūgties* (*просить*), *jokot* и *jokoties* (*шутить*), а также различные синонимичные приставочные образования, такие как *ataicināt*, *ieaicināt*, *uzaicināt* (*пригласить*).

Следует отметить тесную связь ЛСГ глаголов речевого общения, в первую очередь, с группами глаголов речи и глаголами, связанными с интеллектуальной деятельностью человека. Сама речевая деятельность является не только полифункциональной и сложной по своему характеру, но и сопутствующей для всей дея-

тельности человека. Поэтому, как показал анализ, глаголы речевого общения в большинстве случаев совмещают в себе эти значения.

Данная работа является попыткой сопоставительно-семасиологического исследования глаголов речевой деятельности в лексической системе русского и латышского языков. Целесообразность такого рода сопоставительных исследований является неоспоримой, а их практическое значение для лингводидактики, практики перевода и лексикографии огромно.

ИСТОЧНИКИ

- МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- СЛСГ — Лексико-семантические группы русских глаголов. Учеб. слов. Справ. Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- ТИСРГ — Толковый идеографический словарь русских глаголов: Проспект. Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
- LLVV — *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 8. sējums. Rīga, 1973.–1996.

ЛИТЕРАТУРА

- Муране 1998 — Муране С. Н. *Лексика русского и латышского языков в аспекте сопоставительной семасиологии*. Даугавпилс.
- Супрун 1988 — Супрун А. Е. *Принципы сопоставительного изучения лексики. Методы сопоставительного изучения языков*. М.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (на материале перевода прозы И. Бунина)

Марина Третьяк
(Тарту)

При сопоставлении лексических или грамматических единиц двух языков представляется возможным установить не только общие для этих языков закономерности функционирования лексики, грамматики, но и проникнуть в специфику каждого из языков, выявить границы различий, определить функциональную нагрузку лексических, грамматических и других категорий.

Общность и различия двух и более языков можно изучать в системе и в функционировании, в частности, в тексте художественной литературы. Особенно важно исследование особенностей двух языков с опорой на текст-оригинал и его перевод на другой язык. Попытаемся проанализировать некоторые аспекты выражения категории посессивности в русском и чешском языках (далее — рус. яз. и чеш. яз.), связывая себя тем материалом, который “диктует” нам переводной текст. Материалом для сравнительно-сопоставительного анализа послужил рассказ И. Бунина “В Париже” [Бунин 1956: 338–345] (текст-оригинал) и его перевод на чешский язык “V Paříži” [Bunin 1975: 323–332]. При этом мы оставляем в стороне вопрос о стилистической функции оригинала и переводного текста.

Категория посессивности как одна из важнейших для грамматического строя любого языка в последние годы привлекала внимание многих лингвистов. Нами будут рассматриваться семантико-синтаксические структуры, так как посессивность может выражаться средствами разных уровней языка, напр., лексико-грамматическими (притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, глагольные конструкции с *иметь*/*mít* и *быть*/*být*), сло-

вообразовательными (суффиксы притяжательных прилагательных), морфологическими (формы падежей, в первую очередь, родительного падежа). Таким образом, мы постарались выявить наиболее явные способы выражения категории посессивности в русском и чешском языках.

Посессивность как семантическая категория представляет собой широкий круг отношений обладания, принадлежности, включая соотношения части и целого. Посессивность понимается как такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания) включается в другой (обладатель, посессор), составляя с ним единое физическое и функциональное целое.

Основные способы выражения категории посессивности в рассматриваемых нами языках — синтаксические конструкции различного состава и структуры: именные, глагольные, местоименные.

ИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В современных славянских языках существует два основных синонимических способа выражения посессивного значения — конструкции с притяжательными прилагательными и конструкции с род. падежом. Изучение этих конструкций показало, что в современном русском языке притяжательные прилагательные в значительной степени вытеснены конструкцией с род. падежом, т.е. род. падеж — это основной способ выражения посессивных отношений. В чешском же языке, напротив, притяжательные прилагательные — категория довольно продуктивная. Так, если в чешском языке нормативными будут конструкции с притяжательным прилагательным, то в русском языке им будут соответствовать конструкции с род. падежом: *bratrův přítel* — друг брата; *sestřina kniha* — книга сестры; *Tylovo divadlo* — театр им. Тыла.

Надо сказать, что данный тип конструкций не характерен для исследуемых текстов. Конструкция с притяжательным прилагательным употребляется чешским переводчиком лишь однажды:

рус. По экрану бегал... в котелке набок какой-то *подражатель Чаплина*; чеш. Po plátně pobíhal... s buřinkou ke straně nějaký *Charlínův imitátor*.

В русском тексте используется род. падеж, так как использование в данном случае притяжательного прилагательного вряд ли можно считать нормативным.

Что касается конструкции с формой род. падежа, то она очень частотна в ряде славянских языков и нагружена различными оттенками посессивного значения. Например, при одушевленном посессоре такие конструкции могут выражать принадлежность как конкретному лицу, так и группе лиц:

а) рус. *Да, вежливость и безразличие, все повадки и движения скромной и достойной служащей*; чеш. *Ano, zdvořilost a lhostejnost, všechny návyky a pohyby skromné a důstojné zaměstnané ženy*.

б) рус. *Терпенье — медицина бедных*; чеш. *Trpělivost je medicína chudáků*.

Конструкция с род. падежом употребляется и при неодушевленном посессоре (здесь род. падеж обозначает часть целого): *подол длинного вечернего платья — okraj dlouhých večerních šatů*; *кисть белой руки — zápěstí bílé ruky*; *блеск черного глаза — lesk černého oka* и др.

Специальным изучением соотношений конструкций с притяжательным прилагательным и с род. падежом занималась Т. А. Иванова [Иванова 1975: 148–152]. Объектом ее исследования были равные по объему тексты (1000 стр.) на разных славянских языках: русском, польском, чешском, словацком, словенском, сербско-хорватском. Т. А. Иванова делит исследуемые языки на две группы. Одну группу составляют языки, характеризующиеся преимущественным использованием род. падежа, напр., русский и польский языки. Чешский и ряд других языков (словацкий, словенский и др.) составляют группу, отличающуюся употреблением притяжательных прилагательных. Для русского и чешского языков процентное соотношение этих типов таково:

	русский язык	чешский язык
Притяж. прилаг.	22,3 %	94,3 %
Род. падеж	77,7 %	5,7%

Таким образом, в настоящее время каждый отдельный язык характеризуется своим функциональным соотношением посессивных конструкций с притяжательными прилагательными и род. падежом.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ. КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ *ИМЕТЬ/МÍT* И *БЫТЬ/ВÚТ*

Ряд авторов обращает внимание на то, что основными универсальными способами передачи значения посессивности являются глаголы *быть* и *иметь*. Но здесь необходимо сделать оговорку. Лексему *иметь* нельзя назвать универсальной, так как она присутствует далеко не во всех языках. Например, в венгерском, алтайских, африканских и некоторых других языках глагол *иметь* отсутствует. А в большинстве славянских языков предикативные конструкции с глаголом *иметь* являются основной посессивной глагольной конструкцией. Это собственно-посессивные конструкции, выражающие значение обладания. Здесь имя посессора выступает в роли подлежащего, имя объекта обладания — в роли прямого дополнения, а само посессивное значение передается глаголом *иметь*.

Все сказанное выше в полной мере относится лишь к чешскому языку, так как в русском языке в составе основной посессивной конструкции используется глагол *быть*. В связи с этим различают *быть-языки* (русский, финно-угорские) и *иметь-языки* (чешский, болгарский, словацкий и др.). Некоторые языки находятся в состоянии перехода от одного типа к другому. Например, в польском, украинском языках продуктивны обе конструкции.

В разных славянских языках глагол *иметь* обладает разным семантическим диапазоном. Самые многочисленные и развернутые конструкции с ним — в западно-славянских языках; в южно-славянских их употребление несколько ограничено; самый узкий диапазон их функционирования в восточно-славянских языках, особенно в рус. яз.: рус. *Когда он был в шляпе...* чеш. *Když měl klobouk...*; рус. *Руки у нее были очень белые...* чеш. *Ruce měla velice bílé...*; рус. *Лица у них были усталые* чеш. *Oba už měli unavené tváře.*

Как видно, рус. глаголу *быть* соответствует чеш. *mít*. Данные конструкции имеют значение обладания при одушевленном посессоре.

Облик глагола *быть* в настоящем времени определяется семантико-синтаксическими условиями. В случае, когда сообщает-ся лишь о существовании у посессора объекта обладания, употребляется форма *есть*. рус. *Есть* чудная дунайская сельдь... чеш. *Máme tam háječné dunajské slanečky...*; рус. У вас *есть* выходные дни? чеш. *Míváte volné dny?*

В чешских примерах русскому глаголу *быть* (= *есть*) соответствует глагол *mít*.

Глагол *быть* в рус. яз. может быть формально невыраженным. Он опускается в том случае, если сообщается, какой именно объект обладания имеется у посессора: рус. *Хозяйство у меня скромное* чеш. *Domácnost mám moc skromnou*; рус. *У меня небольшая квартирка в Пасси* чеш. *Mám malý byt v Passy*; рус. *Повар у нас замечательный...* чеш. *Máme skvelého kuchaře...*

Такие конструкции можно назвать предикативно-атрибутивными. В русских примерах данную конструкцию составляют формально не выраженный глагол *быть*, посессор в форме род. падежа с предлогом *у*. При этом в состав такой конструкции входит прилагательное. В чешских примерах глагол *mít* с объектом в форме винительного падежа также распространяется прилагательным.

Особенность чешского языка проявляется и в употреблении отрицательной формы глагола *mít*. В русском языке в отрицательном предложении настоящее время глагола *быть* представлено формой *нет*, объект обладания в форме род. падежа. Род. падеж объекта обладания при отрицании характерен для всех славянских языков. Исключением является чешский яз., где вин. падеж сохраняется и при отрицании: рус. — *Уложите детей, улыбаясь, сказал он, чтобы узнать, нет ли у нее ребенка...* — *Слава богу, этого добра у меня нет, — ответила она...* чеш. “*Uložte děti*”, řekl s úsměvem, aby se dověděl, zda nemá dítě... “*Tohle požehnání chválabohu nemám*”, odpověděla...; рус. — *Но разве у вас нет друзей, знакомых?* — *Друзей нет.* чеш. “*Ale copak nemáte přátele nebo známé? Přátele nemám*”.

Интересно положение глагола *иметь* в современном русском языке Конструкции с этим глаголом употребляются преимущественно в книжном стиле речи, тогда как область употребления глагола *быть* — разговорный язык и язык художественной литературы. Т.е. конструкции с *быть* используются гораздо шире, активнее, что и подтверждается примерами из исследуемого текста. Так, на протяжении всего рассказа И. Бунина конструкция с глаголом *иметь* встречается лишь однажды: рус. ... *можно иметь отбивную телячью котлетку или, если желаете, шашлык по-карски...* чеш. ... *můžete mít smaženou telecí kotletu, nebo jestli byste chtěl karský šašlik...*

В чешском языке глагол *být* широко распространен в том случае, если *být* выступает в функции связки. Глагол-связка употребляется в чешском языке во всех временах — это является одним из основных различий в построении русского и чешского предложений: рус. *Но вы ведь русская?* чеш. *Vy ale jste Ruska, ne?*; рус. *Давний парижанин...* чеш. *Já už jsem starý Pařížan...*; рус. *Сыпь со стола ужасная...* чеш. *Venku je strašně sychravo...*

МЕСТОИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Речь пойдет о притяжательных местоимениях *мой—můj, твой—tvůj, наш—náš, ваш—váš, его—jeho, её—její, их—jejích* и возвратно-притяжательном местоимении *свой—svůj*. Примеры: рус. *Только светлые глаза его смотрели с сухой грустью.* чеш. *Jen jeho světlé oči hleděly se strohým smutkem;* рус. *Он среди разговора смотрел на ее разгоревшееся лицо...* чеш. *On hleděl mezi řečí na její rozpalenou tvář...*; рус. *И они долго сидели так, ... делая вид, что смотрят на экран, к которому дымной... полосой шел над их головами свет из кабинки* чеш. *A dlouho seděli tak, ... a předstírali, že hledí na plátno, k němuž prášným ... pruhem mířilo nad jejich hlavami světlo z protitací kabiny...*

Возвратно-притяжательные местоимения также не различаются по своему употреблению: рус. *На другой день он опять пришел и сел за свой столик* чеш. *Příští den přišel znova a sedl si ke svému stolků.*

Однако, несмотря на кажущееся сходство, текст-оригинал гораздо активнее использует подобные посессивные конструкции,

чем его перевод. Так, у Бунина нами было выделено в общей сложности 25 конструкций с притяжательными и возвратно-притяжательными местоимениями, в чешском переводе — 15. Возможно, это связано с чисто субъективным отношением к тексту чешского переводчика. Как же Я. Забрана выходит из ситуации? В тех случаях (их всего 10) когда переводчик избегает притяжательных местоимений, он использует:

а) либо личное местоимение в соответствующем падеже: рус. *Вдруг его угол осветился* чеш. *Pojednou se u něho v koutě rozsvítilo.* (род. падеж); рус. — *Бедный, — сказала она, сжав его руку* чеш. *"Chudáčku!" řekla a stiskla tu ruku.* (дат. падеж);

б) либо оставляет "пробел", т. е. избегает данных местоимений: рус. *Отвернул край ее перчатки, поцеловал кисть белой руки* чеш. *Odrhnul okraj rukavičky a políbil zápeští bílé ruky;*

в) либо осуществляет замену другой лексемой: рус. *Одно время жил в Провансе, ... хотел удалиться от всех и от всего, жить трудами рук своих...* чеш. *Jeden čas žil v Provenčí, ... chtěl jsem se odpoutat od všech a od všeho, žít z práce vlastních rukou...* Здесь русскому возвратно-притяжательному местоимению в чешском переводе соответствует прилагательное *vlastní* 'собственный'.

Итак, нами были рассмотрены различные семантико-синтаксические структуры, выражающие отношение посессивности. Мы остановились лишь на наиболее характерных способах выражения категории посессивности. Посессивность не соотносится с четко обозначенным набором языковых средств. Так, посессивность может выражаться притяжательными и возвратно-притяжательными местоименными конструкциями, именными конструкциями с притяжательными прилагательными и с род. падежом, глагольными сочетаниями с *иметь* и *быть*.

Интересующие нас языки (русский и чешский) при выражении посессивных значений ведут себя по-разному, хотя и являются близкородственными. Так, современный русский язык в большей степени тяготеет к употреблению род. падежа. В чешском языке основным способом выражения посессивных отношений являются притяжательные прилагательные. Русский язык гораздо интенсивнее использует притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, чем чешский. Существенные разли-

чия касаются и глагольных конструкций с лексемами *иметь/mít* и *быть/být*, что связано прежде всего с отношением языков к разным группам (русский — так называемый *быть-язык*, чешский — *иметь-язык*).

Подводя итоги изложенному, нужно отметить, что способов выражения посессивности существует гораздо больше. Например, существуют так называемые несобственно-посессивные конструкции, которые передают посессивное значение как дополнительное, а не основное, т.е. посессивное значение как бы сопутствует основному. Это прежде всего именные предложные сочетания с формами косвенных падежей существительного, называющего объект обладания (посессор может быть одушевленным и неодушевленным), напр.: *женщина с черными глазами* — *žena s černýma očima*; *графин с водой* — *karafa s vodou*; *женщина в белом переднике и в черном платье* — *žena v bílé zástěře a v černých šatech*; *лампочка в люстре* — *žárovka v lustru*; *коса на голове* — *cop na hlavě*; *коврик на лестнице* — *koberec na schodišti*.

К несобственно-посессивным могут относиться и адъективные конструкции, выражающие значение обладания, напр.: *здоровый на вид* (= имеющий здоровый вид) — *krásný na pohled*

Таким образом, сопоставительное изучение категории посессивности, проведенное нами, позволяет, если расширить состав исследуемых славянских языков, устанавливать языковые типы с набором характерных для них способов выражения тех или иных грамматических категорий. В нашем случае чеш. и рус. языки должны быть отнесены к двум, выше описанным нами, типам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бунин И. А. 1956. — В Париже. *Собрание сочинений в 9-ти томах*. Т. IV. Москва. С. 338–345.
- Bunin I. 1975. — V Paříži. *Pozdní hodina. Povídky o lásce a smrti*. Praha. S. 323–332.
- Иванова Т. А. 1975. — Некоторые аспекты сопоставительного анализа посессивных конструкций. *Славянская филология*. Вып. 3. Ленинград. С. 148–152.

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Юлия Шкурат
(Тарту)

“Перформатив (от ср.-лат. *performo* — *действую*) — высказывание эквивалентное действию, поступку” [Арутюнова 1990: 372]. Перформатив — это одно из главных понятий прагматики и теории речевых актов. Впервые на явление *коинденции* (современный термин — перформативность) обратил внимание Э. Кошмидер в 1930 г. Однако самое детальное изложение вопроса о перформативности и сам термин принадлежат английскому логiku Дж. Остину [Остин 1986]. В русле данной тематики в русистике наибольший интерес представляют работы Ю. Д. Апресяна [Апресян 1986] и Й. Крекича [Крекич 1993]. В эстонской лингвистике явление перформативности не изучено.

Рассмотрим тематическую группу перформативов запрещения и разрешения в русском и эстонском языках. Источниками материала нам послужат словари русского литературного языка, русско-эстонский словарь *Vene-eesti sõnaraamat* [VES I–III] и толковый словарь эстонского языка *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat* [EKS]. Также будут использованы примеры из работы Й. Крекича и собственные примеры автора этой статьи.

1. ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ

Под эксплицитным перформативным высказыванием (далее — ПВ) понимается такое высказывание, в состав которого входит канонический перформатив в одной из своих грамматических форм.

1.1. Форма 1-го лица единственного числа настоящего времени активного залога индикатива

Каноническим перформативом считается глагол, для которого возможно “такое употребление 1 л. ед.ч. наст.вр. (НСВ) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению действия, обозначаемого этим глаголом” [Апресян 1986: 208]. Совершенно очевидно, что для русского языка в эту формулу следует включить и форму настоящего-будущего времени СВ. Для выделения перформативных глаголов, или канонических перформативов, такая форма глагола является диагностической. Аналогичная форма, за исключением вида, является диагностической и для эстонского языка, в котором нет грамматической категории вида и формы настоящего-будущего времени. *Я студент и кричать на себя не позволю* (Достоевский. Преступление и наказание). *Mina olen üliõpilane ja enda peale karjuda ei luba.* — Командир, *позволь и мне отправиться туда, к Мансо и Пяти углам. — Не позволяю* (Мдивани. Альказар). *Ei luba.*

Полезным критерием для отнесения высказывания к перформативному является возможность включения обстоятельственного компонента *настоящим* [Остин 1986: 6], в эстонском — *käesolevaga*, который, однако, эксплицируется только в официально-деловом стиле. *Настоящим* министерство окружающей среды *воспрещает* свалку токсичных отходов. *Käesolevaga keskkonna ministeerium keelustab toksiliste ainete mahalaadimise.*

1.2. Пассивные конструкции

ПВ запрещения и разрешения могут также передаваться в русском языке пассивными конструкциями НСВ и СВ. В этом случае в эстонском языке им соответствуют формы перфекта неопределенно-личного залога. *Посторонним запрещается* находиться на территории стройки. *Kõrvalistel isikutel ehitusplatsil viibimine keelatud* (VES). *Вход за кулисы посторонним строго воспрещен* (Кунрин. Обида). *Kulisside taha minek võõrastele rangelt keelatud.*

1.3. Форма 3-го лица единственного числа настоящего времени активного залога индикатива

Как в русском, так и в эстонском языках ПВ запрещения и разрешения могут быть выражены формой 3 л. ед.ч. наст.вр. изъяв.накл. действ.зал. В русском языке это глагол НСВ. *Кафед-*

ра **разрешает** сдавать экзамены досрочно. *Õppetool lubab üliõpilastel sooritada eksameid ennetähtaegselt.* Очевидно, что такое высказывание перформативно, только если говорящий наделен всеми полномочиями от данного учреждения или входит в его состав.

В группе перформативных глаголов запрета и разрешения Ю. Д. Апресяном были выделены следующие канонические перформативы: *воспрепятствовать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, санкционировать* [Апресян 1986: 209]. Й. Крекич включает в эту группу также перформативы *дозволять* и *накладывать запрет*. В эту же группу представляется возможным внести перформативы: *давать добро, давать/предоставлять полную свободу действий, допускать, одобрять*.

Учитывая лексические, грамматические и стилистические особенности русских перформативов запрещения и разрешения, найдем им соответствия в эстонском языке:

Перформативному глаголу *воспрепятствовать* соответствуют в эстонском языке в активном залоге глаголы *keelama/keelustama*, в пассивном — форма глагола *keelama* — (on) *keelatud*. Суд **воспрепятствует** подозреваемому выезд из города. *Kohus keelab/keelustab kahilusalusel linnast väljasõidu.* (Здесь) курить **воспрепятствуется**. (*Siin on*) *suitsetamine rangelt keelatud* (VES III: 333).

В перформативной функции глагол *запрещать* выступает в двух значениях. В значении “не разрешать что-л. делать” [ССРЛЯ IV: 552] русский глагол *запрещать* эквивалентен эстонскому перформативу (*ära*) *keelama*, а в разговорно-обиходном стиле он может заменяться на отрицательную форму индикатива глагола *сметь* — *ei tohi*. Под страхом смерти **запрещаю** трогать его! (Михалков. *Театр для детей*). *Surmaaõhvardusel keelan teda puutuda.* Но зачем ты такой строгий с людьми? Хотя нет, будь, строгий... Не изменяйся даже для меня. (неожиданно) Не целуй меня, я **запрещаю** тебе (Леонов. Волк). ... *sa ei tohi mind suudelda!*

Следует отметить, что в эстонском языке при присоединении к глаголу *keelama* отрицательной частицы *ära* высказывание приобретает прагматический оттенок значения категоричности запрета: *Я запрещаю митинг. Предлагаю выполнить мой приказ* (Корнейчук. *Гибель эскадры*). *Ma keelan miitingu ära.* В значении “налагать запрет на что-л., не допускать к применению, к использова-

нию" [Там же]. Перформативу *запрещать* в активном залоге соответствуют глаголы *keelama/keelustama*, а в пассивном — утвердительная (*on*) *keelatud* или отрицательная *pole lubatud* перфектная форма: МВД *запрещает* разглашение секретной информации. *Siseministerium keelab/keelustab salainformatsiooni levitamise*. Разведение костра в лесу *запрещено*. *Metsas pole lubatud lõket teha* / *Metsas on lõkke tegemine keelatud* (VES I: 676).

Перформативу *допускать* в диагностической перформативной форме в эстонском языке соответствует перформатив *lubama*: Я *допускаю* вас к экзамену. *Ma luban teid eksamile*. Но русские страдательные конструкции с *допускать* передаются на эстонский язык имперсональными причастиями перфекта от перформативов *keelama* и *lubama* — (*on*) *keelatud/pole lubatud*. Применение непроверенных приборов *не допускается*. *Taotle mata mõõteriistade kasutamine on keelatud / pole lubatud* (VES I: 544).

Русское ПВ *давать добро*, принятое в речи моряков, военных летчиков, и ПВ *давать право* реализуются в эстонском языке словосочетанием глагола *andma* с необходимым информативно восполняющим дополнением: *Даю добро* на взлет. *Annan loa lennuks*. Я *даю* вам *право* выбора. *Ma annan teile valiku võimalusi*. Кафедра *дает* студентам *право* выбора семинара. *Õppetool annab üliõpilastele õiguse valida seminari*.

ПВ *давать/предоставлять* полную свободу действий соответствует эстонскому перформативному словосочетанию *tegevusvabadust andma*, а в разговорно-обиходном стиле — фразеологическим оборотам *vabi käsi andma/jätma*, синонимичным друг другу: Я *даю/предоставляю* вам *полную свободу* действий. *Ma annan/jätan teile vabad käed*.

Русские перформативы *дозволять, позволять, разрешать* передаются на эстонский язык одним перформативом *lubama*: Так что тут, при народе, я вам *не дозволю*, и не просите (Корнейчук. В степях Украины). *Nii et siin, rahva ees, ma teil ei luba ja ärge palutage*. Да, позорить себя я никому *не позволю* (Розов. Вечно живые). *Jah, häbistada end ei luba ma kellelegi*. Разгрузку *разрешаю* (Михалков. Эхо). *Luban maha laadida*.

Следующие ПВ используются только в официально-деловом стиле и имеют однозначные соответствия в эстонском языке: на-

кладывать вето/запрет — *veto/keelu alla panema*, санкционировать — *sanktsioneerima*, одобрять в значении “принять что-л., согласиться с чем-л.” [СРЯ II: 597] — *heaks kiitma*.

Поскольку сопоставительный анализ сочетаемости перформативных глаголов различий между русским и эстонским языками не выявил (т.к. особенности их сочетаемости связаны с их семантикой), то этот вопрос рассматриваться не будет.

II. ИМПЛИЦИТНЫЕ ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ

Имплицитные ПВ запрещения и разрешения передают прохибитивное и пермиссивное значение не перформативным глаголом, а другими языковыми средствами. Кажется, самым ярким примером для иллюстрации имплицитных ПВ запрещения и разрешения будет ответ на стук в дверь, равнозначный вопросу *Можно войти?*¹ Разрешение может быть выражено с помощью пермиссивного императива *войдите/входите* — *astuge sisse* или просто наречием *sisse*, а также другими эквивалентными этому глаголу средствами: *da* — *jaa*, *можно* — *võib*, *прошу* — *palun*. Запрещение может быть выражено с помощью отрицательной формы императива (в русском языке — НСВ): *не входите* — *ärge tulge* или другими средствами *подождите* — *oodake*, *нет* — *ei*, *нельзя* — *ei tohi*, *минуточку* — *üks hetk*.

2.1. Императив в имплицитных ПВ запрещения и разрешения

Уже Дж. Остином было отмечено, что “одним из критериев перформативности высказывания может служить наличие глагола в повелительном наклонении” [Остин 1986: 61].

а) Прохибитивное значение, направленное ко 2-му лицу, выражается в русском языке отрицательными формами НСВ [Храковский, Володин 1986: 147], в эстонском — формой императива

¹ Пример заимствован из [Храковский, Володин 1986: 192], где он используется для иллюстрации имплицитных императивных высказываний.

со спрягаемой частицей *ära/ärge*: *А ты не кричи на меня (Мдивани. Василий Агафенов остается)*. *Aga sina ära karju minu peale*. Для усиления категоричности запрета в русском языке может использоваться конструкция с отрицательной формой императива НСВ глагола *сметь* и инфинитива НСВ [Крекич 1993: 175], в эстонском — отрицательная форма индикатива настоящего времени глагола *tohtima* — *ei tohi*: *Не смей так говорить (Яновский. Дочь прокурора)*. *Sa ei tohi nii rääkida*.

б) Прохибитивное значение для 3-го лица выражается в русском языке аналитической формой императива, в эстонском — отрицательной формой юссива [EKG I: 83]: *Пусть он никуда не выходит*. *Ärgu ta kuhugi välja mingu*.

в) Пермиссивное значение для 2-го лица может передаваться в русском языке императивами НСВ и СВ. В эстонском — формой императива: — *Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь*. — *Сыграй (Чехов. Дядя Ваня)*. — *Mängi*.

г) Пермиссивное значение для 3-го лица выражается в русском языке только аналитически. В этом случае в эстонском языке употребляется форма юссива, но чаще используется сочетание отглагольной частицы *las* с индикативной формой глагола [EKG II: 186]: — *Рыцарь, тут явился маленький человек, который говорит, что ему нужен мессир*. — *А пусть войдет (Булгаков. Мастер и Маргарита)*. — *Tulgu ta sisse. ...nustь едет, если хочет, ведь уже не ребенок...* ...*las ta läheb, kui ta tahab, ega ta enam mõni titt pole...* (*Tammsaare. Tõde ja õigus*).

2.2. Неимперативные имплицитные ПВ запрещения и разрешения

а) Имплицитное запрещение может осуществляться в русском языке сочетанием предикатива *нельзя* с инфинитивом НСВ, в эстонском — *ei tohi* с инфинитивом на *-da*: *Тебе нельзя волноваться. Успокойся (Вампилов. История с метранпажем)*. *Sa ei tohi erutuda. Rahune*.

б) Имплицитное запрещение может выражаться в русском языке формой инфинитива НСВ с отрицанием, в эстонском — отрицательной формой инфинитива на *-da*. При этом в русском языке, в отличие от эстонского, появляется двойное отрицание:

Никому не открывать (Вампилов. История с метранпажем). *Mitte avada.*

в) Имплицитное разрешение довольно регулярно представляет собой одну из разрешающих формул [Храковский 1990: 229; Бирюлин 1994: 88] типа *можно* (модальное слово) — *võib* (индикатив 3-го лица), *можешь/можете* — *võid/võite* (и в русском, и в эстонском языках это форма индикатива 2 л. ед. и мн.ч.), наречиями *хорошо* — *hästi*, *конечно* — *tuidugi/loomulikult*, наречными конструкциями *ладно* (разговорное) — *hea küll* (стилистически нейтральное), утвердительной частицей *да* — *jah*. Для вежливого обращения используются *пожалуйста* (междометие) — *palun* (форма индикатива 1 л. канонического перформатива *просить*), *прошу вас* — *palun teid/olge lahke* (императив). Как видно из этих примеров, частеречная принадлежность, стилистические особенности и особенности функционирования формул разрешения могут полностью совпадать в этих языках, но могут и различаться.

Подведем итоги.

1) В ходе исследования было выявлено, что 14 русским перформативам запрещения и разрешения соответствует 12 перформативов в эстонском языке.

2) Было установлено, что из пяти возможных грамматических форм эксплицитных ПВ [см. об этом: Апресян 1986] в ПВ запрещения и разрешения реализуются лишь три как в русском, так и в эстонском языках. Рассмотренные ПВ не употребляются в русском языке в форме 3 л. мн.ч. наст.вр. активного залога индикатива, в эстонском — в неопределенно-личной форме залога наст.вр. И в русском, и в эстонском языках ПВ запрещения и разрешения в отличие от некоторых других ПВ (напр., просьбы) теряют свою перформативную функцию при употреблении их в сослагательном наклонении.

3) Больше всего различий между русским и эстонским языками наблюдается в имплицитных ПВ запрещения и разрешения. Это можно объяснить спецификой системы и функционирования этих языков.

ИСТОЧНИКИ

- Крекич 1993 — Крекич Й. *Побудительные перформативные высказывания*. Jgytf Kiadó, Szeged.
- СРЯ II — *Словарь русского языка*. Т. 2. М., 1982.
- СРЛЯ IV — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 4. М., 1994.
- Храковский, Володин 1986 — Храковский В. С., Володин А. П. *Семантика и типология императива: Русский императив*. Л.
- EKS — *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat A–T*. Tln. 1988–1998.
- VES I–III — *Vene-eesti sõnaraamat*. Т. 1–3. Tln. 1984–1992.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в слове. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Вып. 3. Т. 45. М. С. 208–223.
- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Перформатив. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. С. 372–373.
- Бирюлин 1994 — Бирюлин Л. Ф. *Семантика и прагматика русского императива*. Хельсинки.
- Крекич 1993 — Крекич Й. *Побудительные перформативные высказывания*. Jgytf Kiadó, Szeged.
- Остин 1986 — Остин Дж. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М. С. 22–129.
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Повелительность. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность*. Л. С. 185–238.
- Храковский, Володин 1986 — Храковский В. С., Володин А. П. *Семантика и типология императива: Русский императив*. Л.
- EKG I–II — *Eesti keele grammatika*. Kd. 1–2. Tln., 1993, 1995.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

(на материале русского и эстонского языков)

Катрин Кару
(Тарту)

Для описания какого-либо грамматического явления в разных языках требуется найти основание для такого описания. Таким основанием может служить семантическая классификация, общая для обоих языков, на которую не накладываются какие-либо существенные формальные ограничения. Так, в частности, концепт уступки, общий для языков самого разного грамматического строя, может послужить достаточным основанием для сопоставительного описания выбранных нами языков — русского и эстонского. (Следует сразу же отметить, что формальные признаки так или иначе будут вторгаться в нашу классификацию, так как определенные семантические типы уступительных конструкций оказываются связанными с конкретными формально-грамматическими типами предложений.)

Традиционно под уступительными понимаются конструкции (далее — УстК), в которых “соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части” [РГ 1980 II: 585–586]. Из приведенного определения УстК явствует, что прототипически концепт уступки выражается в СПП, однако это не единственный способ выражения. Формально УстК может быть и простым предложением с обстоятельством, и осложненным простым предложением, и сверхфразовым единством.

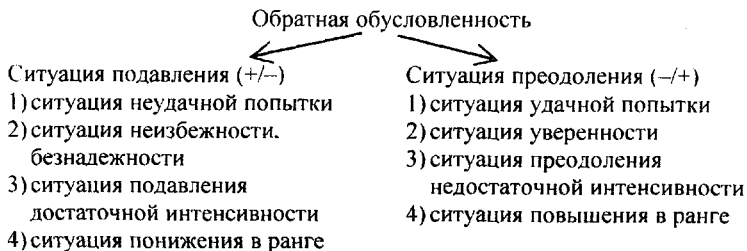
В различных работах проводится связь между уступительными и другими видами отношений. Так, в частности, в уступительной ситуации непременно присутствует противительный компонент, так как сама схема уступительности “построена на

столкновении двух версий: априорной и актуальной” [Ляпон 1986: 137]. Как пишет РГ, “внутреннее членение уступительной связи осуществляется главным образом на основе дифференцирующей функции союзов” [РГ 1980 II: 586]. Безусловно, это так, однако союз как формально-грамматическое средство не может быть основой для сопоставления языков разного строя. Из этого следует, что необходимо создать семантическую классификацию, охватывающую все (под)типы уступительных отношений, которая “накладывалась” бы на их формальное выражение.

Как в русской, так и в эстонской грамматике предпринимались попытки семантической классификации УстК. Обратимся к некоторым из них. Для экономии места представим их в виде схем и ограничимся минимумом примеров. В статье даются отсылки к соответствующим работам.

Так, в частности, В. Б. Евтюхин предлагает делить УстК на два типа: *ситуацию подавления* и *ситуацию преодоления* [Евтюхин 1997: 94–96]. Поскольку основной признак уступительности — “обратная обусловленность, которая может быть интерпретирована как смысловая разнозначность, то снятие разнозначности равносильно уничтожению уступительного значения” [Евтюхин 1997: 94]. Иными словами, ситуация подавления — это такая схема, в которой обуславливающая микроситуация отмечена условным знаком “плюс”, а обуславливаемая ситуация знаком “минус”, напр.: *Несмотря на все усилия предотвратить катастрофу не удалось*. В ситуации преодоления, напротив, обуславливающая микроситуация отмечена условным знаком “минус”, а обусловленная — знаком “плюс”, напр.: *Несмотря на яростное сопротивление противника мы продолжали наступление и к вечеру одержали победу*. Названные две ситуации в свою очередь делятся на подтипы (см. схему 1).

Схема 1

Очевидно, список может быть продолжен. Подробнее см. [Евтюхин 1997: 94–99].

Недостаток предложенной классификации заключается в том, что отдельно не учитывается деление УстК на реально-уступительные и предположительно-уступительные. Осложнение уступительной ситуации значением условия является очень существенным признаком, имеющим также свое формальное выражение в обоих интересующих нас языках. Кроме того, в предложенной классификации “теряются” усилительно-уступительные и итеративно-уступительные предложения (обо всех этих типах осложнений будет сказано несколько ниже).

Далее приведем схему, которую можно вывести из семантической классификации уступительных ситуаций, предложенной Р. М. Теремовой (см. схему 2). Описание семантической субкатегоризации УстК, положенное в основу данной схемы, можно найти в [Теремова 1986: 19–29].

Недостаток этой классификации заключается в ее относительной сложности и прикреплённости к материалу лишь русского языка.

АГ-70 предлагает делить УстК на УстК свободной структуры и УстК связанной структуры (см. схему 3).

Данная классификация представляется наиболее удачной, так как не отличается слишком сложной структурой и в то же время учитывает важнейшие семантические разновидности УстК. Под УстК свободной структуры понимаются СПП, образующиеся при помощи союзов. УстК связанной структуры — это предложения, строящиеся без союза, “в придаточной части обязательно сочетание относительного местоимения и усилительной частицы *ни*: *как ни, какой ни, сколько ни, что ни, кто ни, когда ни, куда ни, где ни, откуда ни*” [ГСРЛЯ 1970: 720]. Однако следует сказать, что в УстК связанной структуры противопоставление ирреального и предположительного подтипов проводится не столь четко, как в УстК свободной структуры [ГСРЛЯ 1970: 722], ср.: *Сколько бы ты ни стучал/сколько ни стучи, все равно не открою*. Тут скорее следует выделять итеративные и неитеративные (усилительно-уступительные) конструкции, различающиеся как семантически, так и формально (примеры см. ниже). Поэтому мы включили итеративные и предположительно-уступительные конструкции в предлагаемую схему.

Схема 2

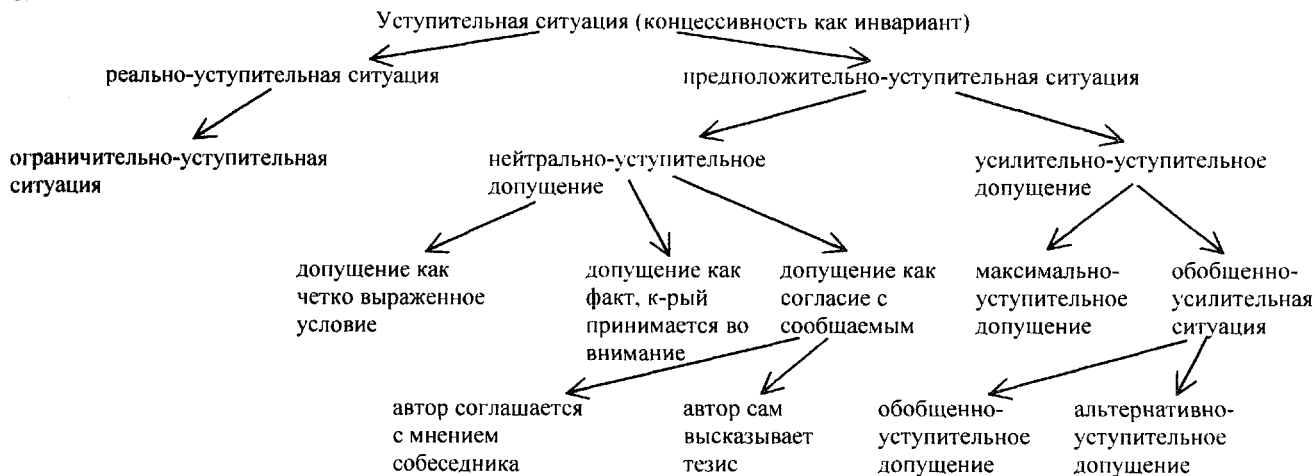
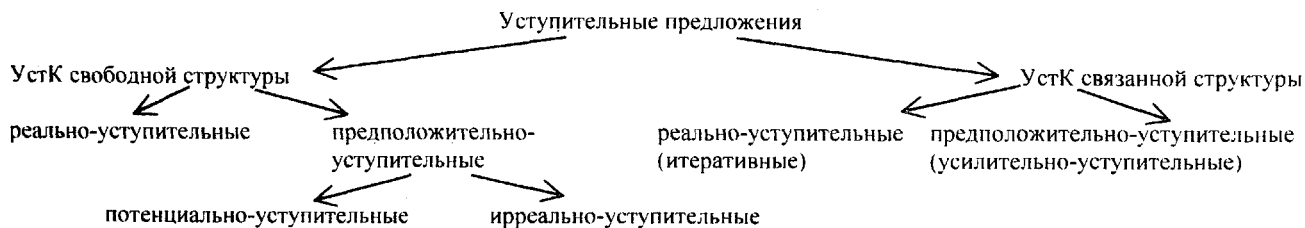

Схема 3

Итак, обобщая разные классификации, выводимые из материала русского языка можно выделить следующие формально-семантические группы УстК:

- 1) Собственно-уступительные предложения, не осложненные какими-либо дополнительными смысловыми оттенками: *Хотя шел дождь, на дачу мы все-таки поехали.*
- 2) Условно-уступительные предложения, которые в свою очередь делятся на ирреально- и потенциально-обусловленные: *Пусть нам будет трудно, мы не отступим* (потенциальная обусловленность). *Она не заговаривала первой, хотя бы он молчал целый день* (ирреальная обусловленность).
- 3) Итеративные УстК: *С кем я ни говорил о вчерашнем случае, никто не считает его странным.*
- 4) Усилительно-уступительные продолжения: *Как ни старайся, ничего у тебя не выйдет.*

В то же время данная классификация представляется достаточно универсальной и не должна, на наш взгляд, входить в противоречие с материалом другого языка.

Обратимся теперь к классификации УстК, предлагаемой Эстонской грамматикой (далее — ЭГ).

В ЭГ выделяется два типа уступительных СПП. Первый, так называемые “*vaatamata*”-tüüpi kõrvallause (тип “несмотря на”) выражают следующие отношения: “ситуация (действие), выраженная в главной части, имеет место несмотря на то, что имеет место ситуация, выраженная в придаточной части.” Второй тип — “*olenemata*”-tüüpi kõrvallause (тип “независимо от”) обозначает “ситуацию, которая имеет место вне зависимости от того, где, когда, как и т.д. происходит действие, выражаемое в придаточной части, а также независимо от характеристик участников описываемых ситуаций” [EKG II 1993: 308–309]. В типе “несмотря на” выделяется три подтипа в зависимости от формальных средств выражения значения уступительности.

Таким образом, можно предположить, что тип “независимо от” можно сопоставить с усилительно-уступительными конструкциями русского языка, вероятно, там же должны оказаться и итеративные УстК. Собственно-уступительные предложения входят в тип “несмотря на”. Однако условно-уступительные предложения ни в одном из типов не выделяются, хотя их наличие в эстонском языке очевидно, напр.: *Kui ta oligi otsustanud mürki võtta, po-*

leks ta seda kindlasti teinud seal saalis. Даже если он(а) решил(а) принять яд, то ни за что не сделал(а) бы этого в том зале. В таких уступительных предложениях употребляется форма сослагательного наклонения — признак осложнения уступительного значения условным, кроме того, многозначный союз *kui*, прототипически выражающий условные отношения, также может функционировать у УстК; названные два средства могут также сочетаться в одном и том же предложении. Ср.: *Kui nad tuleksid ka õhtupäikese helgil, siiski oleks temal vaevalt lootust neid näha. Даже если бы они пришли в лучах заходящего солнца, вряд ли у него была бы надежда встретиться с ними.*

Рассмотрим классификацию УстК, предлагаемую ЭГ, более подробно.

В типе УстК “несмотря на” выделяется три подтипа. Первые два объединяет собственно-уступительное значение: *Vaatamata sellele, et aeg oli hiline, ei tahtnud keegi lahkuda. Несмотря на то, что время было позднее, никто не хотел уходить. Kuigi (ehkki) aeg oli hiline, ei tahtnud keegi lahkuda. Хотя время было позднее, никто не хотел уходить.* Два типа выделяются на основании формальной маркировки придаточных предложений (разные союзы и разные корреляты в главной части). О третьем подтипе УстК, выделяемом ЭГ в типе “несмотря на”, речь пойдет несколько ниже, так как он более тесно связан с типом “независимо от”.

Тип УстК “независимо от” характеризуется в ЭГ следующим образом. В качестве союза используется вопросительная частица *kas* (которой в русском языке чаще всего соответствует *ли*¹, возможны также переводные эквиваленты *или, либо; разве*) или вопросительное местоимение. Уступительное значение предложению иногда придает вопросительная частица *kas* в изолированном употреблении, не подкрепленная какими-либо дополнительными лексическими показателями [EKG 1993 II: 309].

(0) *Nii see on, kas see talle meeldib või mitte.*

Это так, нравится это ему (ей) *или* нет.

Представляется, что данный пример можно перефразировать следующим образом: “Хотя (возможно) ему это и не нравится, положение дел остается неизменным” или “Даже если это ему не

¹ *Kas sa tead seda? — Знаешь ли ты об этом?*

нравится, ничто от этого не изменится". Таким образом, к итеративным УстК он не относится, из чего можно сделать вывод, что УстК, оформленные изолированной вопросительной частицей *kas* относятся к периферийной зоне УстК. Более того, примеры подобного рода могут быть прочитаны и как условно-уступительные.

Далее в ЭГ говорится, что чаще уступительное значение возникает 1) из сочетания частицы *kas* и слова *ükskõik* (*все равно, безразлично*), стоящего перед местоимением; 2) из сочетания вопросительного местоимения с частицами *tahes, iganes* (*угодно, все равно*²); 3) при помощи уступительной частицы *-gi/-ki*, присоединяющейся к предикату; 4) при помощи частицы *ka*, обычно предшествующей предикату [Там же]. В третьем и четвертом случае в предложении также присутствует лексический показатель *ükskõik*. Во втором случае — нет, так как названные частицы ему синонимичны. Примеры:

- (1) Ta jaksas olla rahulik ja kindel ning asjalik — *ükskõik kas* teda pandi rohkem või vähem tähele kui tavaliselt.

Он оставался спокойным, уверенным и деловитым — *независимо от того*, обращали на него больше или меньше внимания, чем обычно.

- (2) Lõppegu asi kuidas *tahes*, halb mulje jääb ikkagi.

Чем бы дело ни кончилось, все равно останется плохое впечатление.

- (3) Ma ei suuda teda millegagi lohutada, *ükskõik mida* ma talle ütlekski / ei ütkelski³.

Я не могу его (ее) ничем утешить, *что бы я ни говорил(а)*.

- (4) (*Ükskõik*) mis *ka* kellegagi juhtub(ks), põgenemine ei vii kedagi õnnele lähemale.

Что бы с кем бы то ни было ни случилось, побег никого не приблизит к счастью.

- (5) (*Ükskõik*) kuidas ma *ka* ei pinguta(ks), tööd ma valmis ei jõua.

Как бы я ни старался(лась), работу я кончить не успею.

² *Kes iganes* — кто бы ни; *kes tahes* — все равно кто, кто угодно; *mis tahes* — что угодно и т.п. (примеры из эстонско-русского словаря Й. Тамма).

³ На русский перевод в данном случае не влияет использование отрицания (в данном примере дано через косую черту).

Последние два примера примечательны тем, что в них без особого ущерба для передаваемой информации может быть опущено слово *ükskõik* (все равно, безразлично). Это связано с наличием в них частицы *ka* (и), достаточной для передачи уступительного значения. Кроме того, в них может быть использована форма сослагательного наклонения (формант *-ks*, данный в скобках). Использование сослагательного наклонения переводит такие примеры в область условно-уступительных, допускающих реализацию в действительности разных возможностей. В то же время итеративность сохраняется.

Итак, во всех примерах, приводимых ЭГ в данном подтипе, присутствует сема 'безразлично', 'все равно', за исключением первого, нерегулярного случая, где уступительное значение создается одной лишь вопросительной частицей *kas*. Таким образом, можно сказать, что тип "независимо от" включает как итеративные, так и к неитеративные УстК, причем первые в нем преобладают.

Условно-уступительные СПП в ЭГ особо не выделяются, однако в подтипе "независимо от" отдельно отмечается способ выражения уступки, представленный следующей схемой: *nii Adj/Adv kui* [*V ka + V_{-gi/-ki}*]. Напр.:

(6) *Selle vastu ei saa, kui vägev ta ka pole.*

Ничего не поделаешь, каким бы всемогущим он ни был.

Даже если он всемогущ, ничего не поделаешь.

(7) *Nii purjus, kui ta oligi, tundis ta ometi suurt lugupidamist vestluskaaslase vastu.*

Каким бы пьяным он ни был, все же он испытывал большое уважение к собеседнику.

Даже если он был очень пьяным, он все же испытывал большое уважение к собеседнику.

Последние два примера не допускают, на наш взгляд, однозначной трактовки. Первый вариант перевода содержит сему 'очень', выражает чрезмерную степень проявления признака и относится к типу неитеративных уступительных конструкций. Второй вариант перевода можно отнести к условно-уступительным конструкциям. Разрешение этой неоднозначности, как представляется, невозможно с опорой на минимальный контекст, необходим учет более широкого контекста или конституции. Думается, что оба варианта перево-

да равновероятны. В примерах подобного рода имплицитно содержится как сема чрезмерности, так и сема допущения.

Таким образом, еще раз подтверждается неоднородность выделяемого ЭГ типа УстК “независимо от”.

В то же время часть условно-уступительных СПП с придаточной частью, вводимой союзом *kui* (прототипически — *если*) или *kuidas* (как), рассматривается в первом семантическом типе УстК — “несмотря на”. Отнесение сходных по семантике типов конструкций к разным типам, вероятно, связано с формальной стороной, а также с многозначностью союза *kui* в эстонском языке. При этом разграничение проводится недостаточно последовательно. Ср. следующие примеры.

(8) *Kui* ta tuleks *ka* õhtupäikese helgil, siiski oleks temal vaevalt lootust neid näha.

Даже если бы он пришел при свете вечернего солнца, вряд ли он смог бы увидеть их.

(9) Tema suur armastus direktori vastu oli kõigile näha, *kui* väga Helle oma tundeid varjata püüdis*ki*.

Ее большая любовь к директору была видна всем, как Хелле ни старалась скрыть свои чувства.

Оба примера приводятся в подтипе “несмотря на”, в параграфе, где сказано, что союз *kui*, прототипически выражающий условие, сочетаясь с частицей *-gi/-ki* или частицей *ka*, приобретает уступительное значение. При этом вполне очевидно, что к условно-уступительным относится лишь первый из приводимых в ЭГ примеров. Второй семантически сближается с примером, приводимым под номером (6), в нем также присутствует сема “очень”. Восьмой пример отличается от девятого прежде всего формой наклонения финитного глагола. В нем представлен кондиционал, что влияет на русский перевод, давая условно-уступительную конструкцию. Использование сослагательного наклонения оказывается существенным формальным признаком, влияющим на семантическую классификацию.

Придаточные предложения, вводимые союзом *kuidas* (как), также относятся ЭГ к типу “несмотря на”. Они рассматриваются в одном параграфе с придаточными, вводимыми союзом *kui*. В то же время вполне очевидно, что их следует также относить к типу,

в котором одним из главных компонентов значения является сема чрезмерности. Ср.:

(10) *Kuidas ka Eedi poleks tahtnud vaikida, (kuid) ometi pidi ta vastama.*
Как ни хотелось Ээди промолчать, (но) все-таки пришлось ответить.

Обобщая, можно сказать, что деление УстК на семантические типы в ЭГ производится недостаточно последовательно. С одной стороны, одинаковые по выражаемой семантике конструкции распределяются по разным типам, с другой — разная семантика подводится под один тип. Представляется, что материал дает возможность кроме собственно-уступительных СПП, не осложненных дополнительными оттенками значения, выделить УстК со значением итеративности, осложненные значением условия, а также осложненные значением чрезмерности, высокой степени признака или интенсивности действия. Причем каждый из названных типов имеет, кроме семантических особенностей, и определенную формальную специфику.

Итак, рассмотренный языковой материал показывает, что классификация, которую мы приняли для русского языка, применима и к эстонскому. Несмотря на то, что предметом рассмотрения в данной статье были лишь сложные предложения, выражающие уступительные отношения, другие формальные типы предложений и сверхфразовые единства обладают такими же семантическими особенностями. Поэтому предложенная классификация применима и к ним. Сложные предложения были выбраны в качестве объекта исследования потому, что в них наиболее четко и ярко отражаются все существенные смысловые оттенки, присущие УстК.

ЛИТЕРАТУРА

- ГСРЛЯ — *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970.
- Евтюхин 1997 — Евтюхин В. Б. *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. СПб.
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. *Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений*. М.
- РГ — *Русская грамматика*. М., 1980. Т. 2.
- Теремова 1986 — Теремова Р. М. *Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке*. Л.
- ЕКГ — *Eesti keele grammatika*. Tallinn, 1993, II.

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВАХ С ОБЩИМ СЕМАНТИЧЕСКИМ ПРИЗНАКОМ “УСТУПКА” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Янина Калугина
(Тарту)

Проблема функционирования в языке так называемых служебных (неполнозначных) слов и, прежде всего, частиц является актуальной в языкознании уже по меньшей мере два десятилетия. Частицы — одна из самых “молодых”, по выражению В. В. Виноградова, частей речи — как своеобразное семантико-синтаксическое явление остаются до сих пор областью недостаточно исследованной и изученной. Необходимо отметить отсутствие адекватного описания семантики данных языковых единиц во всех толковых словарях русского языка. Своеобразие плана содержания подобного рода слов интерпретируется как отсутствие собственного лексического значения.

Рядом исследователей были предприняты попытки описания отдельных значений самых различных частиц русского языка, а также исследования их синтаксических функций. Однако в связи с особой полисемантичностью слов данного класса представляется необходимым дифференцировать и описать все имеющиеся значения каждой частицы, осуществить компонентный анализ семантики, отсутствовавший в лингвистических работах предшествовавших лет. В связи с этим особого внимания заслуживает сборник “Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания” под ред. К. Киселевой и Д. Пайара (1998). Книга содержит весьма подробное описание тридцати шести дискурсивных слов (ДС) русского языка и является первым в истории русистики трудом, столь обстоятельно описывающим данный класс слов.

В то же время остались по-прежнему нерассмотренными такие широко распространенные дискурсивные слова русского языка как *хоть*, *хотя*, *хотя бы*, *хоть бы*, *даже*, *пусть*, *пусть*

(список, безусловно, может быть продолжен). В грамматиках и толковых словарях *хоть*, *хотя* (а также нередко *пусть*, *пускай*) традиционно характеризуются как средства выражения уступки в русском языке. В соответствии с классификацией ДС, предложенной в [Киселева, Пайар 1998], все перечисленные выше языковые единицы могут быть отнесены к классу “слов, связанных с понятием установочной базы”. Всего авторами выделено и описано десять таких слов. Установочная база — это фрагмент высказывания *р*, который вводится в связи с некоторым положением вещей *q* и в той или иной степени детерминирует интерпретацию *q*. В связи с вышеизложенным семантический признак “уступка”, на наш взгляд, означает: 1) между заданным *q* и вводимым *р* априори существует некоторое противоречие, определенная конфликтность/несовместимость; 2) в результате переосмысления *q* происходит разрешение конфликта и вынужденное согласие на не оценивавшееся первоначально положительно, не слишком желанное *р*.

Предлагаем описание семантики некоторых ДС русского языка с общим семантическим признаком “уступка” (в функции частиц).

ГРУППА *ХОТЬ*

Слова *хоть*, *хотя*, *хотя бы* и *хоть бы* могут выступать как в функции союзов, так и в функции частиц. При этом значение уступительности присуще им и как союзам, и как частицам. Совмещение двух различных семантико-синтаксических функций в рамках одного слова приводит в данном случае, как показало проведенное нами исследование, к грамматической омонимии, т.е. союзы и частицы *хоть*, *хотя*, *хотя бы*, *хоть бы* являются грамматическими омонимами.

Хоть, или согласие на компромисс

I. Мир слова. Термин заимствован из [Киселёва, Пайар 1998]: «*Мир слова* представляет собой обобщение “фоновых знаний” о

слове, которые могут служить исходной платформой для восприятия» последующего изложения. Предложенное в БАСе описание *хоть* дает представление о разнообразных синтаксических функциях слова. В зависимости от контекста оно может рассматриваться как союз (уступительный, условный, противительный) и частица (усилительно-выделительная, близкая по значению к словам: *по крайней мере, во всяком случае*; выделительно-ограничительная — *только, лишь, единственно*; усилительная — *даже, пусть даже*; выделительно-указательная — *например, к примеру, вот*; усилительная, в сочетании с местоимениями и наречиями. В МАСе употребления *хоть* в качестве условного и противительного союза, а также "выделительно-ограничительной" частицы не выделяются в отдельные значения. РГ-80 относит *хоть* к модальным частицам, "вносящим самые разнообразные оценки, квалификации, выражения субъективных реакций, субъективного отношения" [РГ 1980 I: 728]. Также *хоть* упоминается в связи с многозначностью большинства простых модальных частиц. На многозначность этой частицы указывалось рядом исследователей. Так, Н. Ю. Шведова выделяет три построения с *хоть* [Шведова 1960], в то время как Г. М. Зельдович указывает два значения частицы: "минимальное" (собственно-уступительное) и "максимальное" (несобственно-уступительное) [Зельдович 1991].

II. Истоки (происхождение слова). Частица *хоть* (а также *хотя, хотя бы и хоть бы*) произошли из соответствующих союзов. А. М. Пешковский отмечал происхождение некоторых "усилительных слов" «из других служебных членов, именно из союзов (*и, да, же, даже* из *да + же*)» [Пешковский 1956, 149]. На наш взгляд, в этот перечень можно включить и частицы группы "хоть", принадлежащие к тому же разряду, что и перечисленные выше, а именно: к экспрессивно-усилительным.

Что касается происхождения союза *хоть*, то несомненна его генетическая связь с глаголом *хотеть*. Одни исследователи считают *хоть* "формой 2 л. ед.ч. повелит. накл." [Лавров 1941: 120]; другие находят, что оно образовано "путем сокращения" от формы действительного причастия настоящего времени — др.-русс. *хотя* [Фасмер 1987].

III. Семантическое ядро (все значения располагаются в частотном порядке). *Хоть* является частицей с наиболее ярко выраженной уступительной семантикой.

1. Собственно-уступительное, “минимальное” значение (уступка в общепринятом смысле — допущение минимума, готовность довольствоваться малым, вынужденное согласие на компромиссе): *Я вас целый день поджидал, чтобы задать вам один вопрос; ответьте **хоть** раз в жизни правду с первого слова: участвовали вы сколько-нибудь в этой вчерашней коляске или нет?* (Ф. М. Достоевский); *Помоги мне **хоть** ты, матушка. Никак вот не могу с волосищами справиться.* (И. Ильф, Е. Петров); *Как мне хочется быть **хоть** вольнослушателем в университете.* (В. В. Розанов); *Нашелся **хоть** один храбрый!* (М. А. Булгаков).

2. Несобственно-уступительное, “максимальное”:

а) Значение максимального/гиперболического допущения, легкой осуществимости: — *Ну, так когда же?* — *Да **хоть** завтра.* (Л. Н. Толстой); *Засяду за нумизматику, и “**хоть** ты тут тресни”* (В. В. Розанов).

б) Значение “любой, всякий” (человек, место, предмет, время) — реализуется лишь в сочетании с относительными местоимениями и наречиями: ***Хоть** кто* (любой). ***Хоть** что* (любой предмет). ***Хоть** куда* (в любое место). *Разумный холод лет умудрит **хоть** кого* (Н. В. Гоголь).

“Минимальное” и “максимальное” значения отчетливо противостоят друг другу. Сравним: *Дайте **хоть** одну. Берите **хоть** все.*

IV. Периферия. Уступительное значение является основным, доминирующим для частицы *хоть*, в той или иной степени сохраняющимся при всех ее употреблениях. Под влиянием контекста происходит лишь определенное варьирование плана содержания слова.

1. Значение исключительности, имплицитно выраженной градации: *Она готова **хоть** в пустыню, / Бежать со мной, презрев молву* (А. С. Пушкин).

2. Значение указания, “называния того, о чем пойдет речь, на чем следует сосредоточить внимание” [Шведова 1960, 231]: *Тебе еще только кажется, что бедность и “заедающая среда” не составляют неодолимых препятствий <...> Вспомни **хоть** наших*

поэтов Грибоедова, Никитина, Кольцова <...> Ломоносовых у нас, да и везде, мало (В. В. Розанов).

3. Значение ограничения: Да какой же в этом грех, если я взглянул на него раз, *хоть* издали-то! (А. Н. Островский).

Хотя...

I. Мир слова. РГ-80 относит *хотя* к уступительным союзам "недифференцированного значения". В БАСе слово рассматривается как союз (уступительный и противительный) и частица (выделяются те же употребления, что и у *хоть*, за исключением последнего, с указанием: то же, что *хоть*). Следует отметить существование прямо противоположных точек зрения относительно стилистической окрашенности частиц *хотя* и *хоть*. В МАСе частица *хотя* снабжена пометой "прост.". Л. К. Граудина считает, что *хоть* является сниженной, усеченной вариативной формой *хотя* [Граудина 1977]. На наш взгляд, причиной крайне редкого употребления *хоть* в современном языке является присущий ей оттенок архаичности. *Хотя* — частица устаревшая, вышедшая из активного употребления, но сохранившаяся в пассивном словаре. Как правило, встречается в художественных текстах XVIII, XIX вв. Интуитивно частица обычно воспринимается носителями языка как просторечная или устаревшая.

II. Истоки. Произошла из соответствующего союза (см. *Хоть*. "Истоки"), который, в свою очередь, генетически связан с глаголом *хотеть*. Согласно [Фасмер 1987] *хотя* «обычно отождествляют со стар. прич. наст. действ. др.-русск. *хотя* "желающий"».

III. Семантическое ядро. Собственно-уступительность: *Я глядел на него жадно, стараясь уловить **хотя** одну тень беспокойства (А. С. Пушкин). Пусть Василий Петрович пригласит кого-нибудь из дам, **хотя** знакомых (И. Н. Крамской). Мы не знаем даже, прочел ли Батюшков **хотя** одно стихотворение Пушкина (В. Г. Белинский). Но я даю тебе слово, Розанов, что я буду заниматься, **хотя** понемногу, при каких бы то ни было обстоятельствах (В. В. Розанов).*

Следует отметить, что *хотя* употребляется в данном значении чаще всего перед наречиями, числительными и местоимениями, реже — перед прилагательными и существительными, и, по всей видимости, невозможно употребление частицы перед глаголом, т.е. в данном случае сфера действия *хотя* оказывается несколько ограниченной. Это подтверждает тот факт, что в случае употребления частицы *хоть* перед глаголом замена ее на *хотя* становится невозможной: *Я мужа своего если уж не любить, так **хоть** (но не **хотя**) уважать должна (А. Н. Островский).*

Таким образом, входя в синтаксическую конструкцию, частицы оказываются несколько ограниченными в своем употреблении.

IV. Периферия 1. Исключительность, имплицитно выраженная градация: *Но если кто **хотя** случайно / Пред ним Мазепу называл, / То он бледнел (А. С. Пушкин).*

2. Указание: *Вот **хотя** ваш Васьян Степанович, давно ли кричал: "На что нам польского королевича!" (М. Загоскин).*

3. Ограничение: *<Булгарин> написал русский, **хотя** по названию и по именам действующих лиц, роман (В. Г. Белинский).*

Хотя бы ...

I. Мир слова. В БАСе *хотя бы* рассматривается в рамках словарной статьи слова *хотя* как устойчивое сочетание с частицей *хотя*. Этой же точки зрения придерживается и Н. Ю. Шведова [Шведова 1960]. Добавим, что при описании *хотя* как частицы в МАСе отмечается: "*Хотя бы* — то же, что *хоть бы*."

Следует подчеркнуть, что частица *хотя бы* (как и *хоть бы*) при всей близости к частицам *хоть* и *хотя* является, тем не ме-

нее, абсолютно самостоятельной и независимой, на что указывается, в частности, в [Нелисов 1988]. Однако нигде не отмечаются своеобразие, специфические черты указанных частиц, которые и дают основания для подобного утверждения.

I. Истоки. *Хотя бы* состоит из элементов *хотя* (см. *Хотя*. "Истоки") и *бы*. Частица *бы* по своему происхождению — аорист 2–3 лица единственного числа глагола *быть*. Отметим, что частица *бы* и вне формы сослагательного наклонения, которую она образует, четко выражает ирреальность совершения действия. При этом в [Нелисов 1988: 51] подчеркивается, что "значение ирреальности, вносимое компонентом *бы*, может практически сойти на нет, если последний функционирует как одно целое в составе <...> усилительно-выделительных (*хотя бы*, *вот бы*) частиц".

Тем не менее, каждый элемент, входящий в состав частицы, небезразличен для ее плана содержания и определенным образом изменяет ее семантику (данное утверждение проиллюстрируем на примере частиц *хотя бы* и *хоть бы*).

III. Семантическое ядро. Собственно-уступительность: *Два слова-с: имеете вы хотя бы некоторое состояние?* (Ф. М. Достоевский); <...> *частная жизнь выше всего* <...> *Просто, сидеть дома и хотя бы ко-вырять в носу и смотреть на закат солнца* (В. В. Розанов); *Опытный Максимилиан Андреевич знал* <...> *нужно во что бы то ни стало, хотя бы временно, прописаться в трех комнатах покойного племянника* (М. А. Булгаков).

IV. Периферия. 1. Указание: — *Но ведь надо же что-нибудь описывать?* — говорил Воланд, — *если вы исчерпали этого прокуратора, ну, начните изображать хотя бы этого Алоизия* (М. А. Булгаков).

2. Оптативность: *Как скучно здесь! Хоть бы кто-нибудь пел, хотя бы немножко музыки* (М. Горький).

3. Исключительность, имплицитно выраженная градация: *Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?* (М. А. Булгаков).

Хоть бы ...

I. Мир слова. МАС рассматривает *хоть бы* в рамках словарной статьи о *хоть* как устойчивое сочетание, которое употребляется в значении 1) “по крайней мере”, 2) “хорошо бы”. Выше уже отмечалось, что *хоть бы* в этом словаре полностью отождествляется с *хотя бы*.

Однако для частицы *хотя бы* главным, основополагающим является собственно-уступительное значение (“уступка” в чистом виде), сохраняющееся в той или иной степени в любом ее употреблении. Между тем для частицы *хоть бы* основное значение — опативное, которое она также привносит в любое свое употребление. Эти частицы оказываются семантически близки друг другу только в своих отдельных, периферийных значениях.

II. Истоки. Состоит из частиц *бы* (см. *Хотя бы*. “Истоки”) и *хоть* (см. *Хоть*. “Истоки”). Очевидно, что семантические различия между *хотя бы* и *хоть бы* можно объяснить лишь различиями между теми глагольными формами, к которым генетически восходят служебные слова *хоть* и *хотя*. Ярко выраженная опативная семантика частицы *хоть бы*, как нам кажется, доказывает правомерность точки зрения Б. В. Лаврова. По всей видимости, *хоть* — действительно “форма 2 л. ед.ч. повелит. накл.” [Лавров 1941: 120]. Гипотеза, предложенная в [Фасмер 1987], согласно которой *хоть* произошло “путем сокращения” от причастной формы *хотя*, оказывается, на наш взгляд, неубедительной. Форму 2-го лица единств. числа повелит. наклонения характеризуют специфические оттенки значения. Нередко с побуждением ее объединяет лишь значение ирреальности (возможности, желательности действия). Именно это значение желательности сохраняется в семантике *хоть бы*, усиленное значением частицы *бы*. Этим, по-видимому, и объясняется столь отчетливая и устойчивая опативная семантика данной частицы.

III. Семантическое ядро. Опативность (выражение пожелания, надежды на что-нибудь): *Уж хоть бы поскорей, что ли!* (А. Н. Островский); *Хоть бы отдохнуть где-нибудь в порядочном трактире* (В. А. Соллогуб); *Как скучно здесь! Хоть бы кто-нибудь пел, хотя бы немножко музыки* (М. Горький).

IV. Периферия. 1. Указание: — *Да где же вы найдете такую невесту? — Вот так сказали: да **хоть бы** вы, если только угодно!* (Ф. М. Достоевский).

2. Собственно-уступительность: *За наши труды нам платят мало; **хоть бы** уважение-то нам за наш честный труд оказывали* (А. Н. Островский).

3. Исключительность, имплицитно выраженная градация: *Впрочем, губернаторский дом был так освещен, **хоть бы** и для бала* (Н. В. Гоголь).

В двух последних случаях частица, попадая в определенный контекст и реализуя соответствующее ему значение, одновременно вносит в содержание предложения оттенок желательности, сохраняющийся в ее семантике.

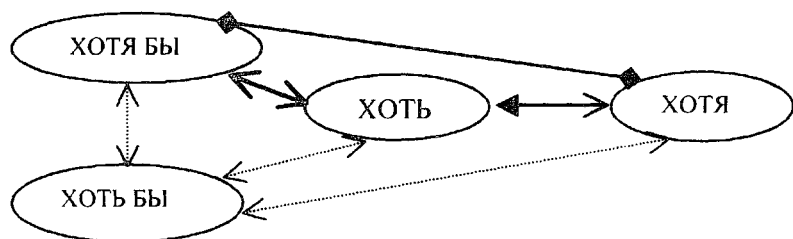
Хоть, хотя, хотя бы, хоть бы
(краткая сопоставительная характеристика)

Данные частицы названы нами частицами группы "хоть". Их объединяет общий компонент семантики (уступка), у большинства этих частиц наблюдается однородность семантических ядер. Нами были рассмотрены случаи синонимии между ними, а также случаи их семантической близости. Критерием подобной близости/синонимии считаем возможность взаимозамены частиц в определенных типах контекста.

Итак, при наличии синонимии между *хоть* и *хотя* имеет место и стилистическая вариативность. *Хотя* — частица устаревшая, вышедшая из активного употребления в современном языке по сравнению с активно функционирующей частицей *хоть*. Синонимия между ними отсутствует, когда *хоть* употребляется в своем специфическом несобственно-уступительном значении а) гиперболического/максимального допущения, б) в значении "любой, всякий" в сочетании с относительными местоимениями и наречиями). Напротив, *хотя бы* и *хоть бы* не являются ни синонимами, ни вариантами, поскольку основополагающие значения у этих частиц, в некоторой степени непременно сохраняющиеся в каждом их употреблении, различны (оптативное — у *хоть бы* и уступительное — у *хотя бы*). В большинстве случаев по ука-

занной выше причине отсутствует также возможность синонимии между *хоть бы* и *хоть (хотя)*. Частица же *хоть бы* с ее ярко выраженным уступительным значением может считаться синонимом частицы *хоть* в современном русском языке.

Семантические связи между частицами могут быть представлены схемой:

- ◆—◆ идентичность семантических ядер (СЯ) при синонимии большинства периферийных значений (ПЗ)
- ↔ однородность СЯ при синонимии всех ПЗ (← указывает на то, что семантика *хоть* включает в себя все компоненты семантики *хотя*)
- ↔ однородность СЯ при синонимии большинства ПЗ
- ↔ семантическая близость отдельных ПЗ

Отметим, что синонимию между частицами *хотя* и *хоть*, *хотя бы* можно рассматривать лишь с “поправкой” на устаревшее употребление частицы *хотя*.

ДАЖЕ, ИЛИ НЕЧТО ОСОБЕННОЕ / ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ

1. Мир слова. Предложенное в БАСе описание *даже* характеризует это слово как “частицу, усиливающую значение слов или словосочетаний, к которым относится”. МАС же рассматривает употребления данного слова в качестве усилительной частицы и “в значении союза”.

На функциональную синкретичность слова *даже* указывают многие исследователи [Стародумова 1972; Крейдлин 1975; Бакова 1995]. Приобретая в определенном контексте союзную функцию, *даже* не утрачивает свойств частицы и выступает как час-

тица-союз. Таким образом, появление связующей, т.е. союзной, функции в данном случае не ведет к распаду слова на омонимы. Слово *даже* можно отнести к тем служебным словам, которые квалифицируются В. В. Виноградовым как гибридные [Виноградов 1947].

II. Истоки. *Даже* представляет собой сочетание союза *да* (в данном случае — противительного) и экспрессивно-усилительной частицы *же*. Последняя "указывает на то, что вводимое в рассмотрение положение вещей качественно не отличается от исходного" [Киселева, Пайар 1998: 209].

III. Семантическое ядро 1. Значение исключительности, предполагающее наличие имплицитно построенного градационного ряда. Градационные отношения оказываются как бы свернутыми, скрытыми в семантике *даже*: — *Таких усов, должно быть, нет даже у Аристиды Бриана, — бодро заметил Остап, — но жить с такими ультрафиолетовыми волосами в Советской России не рекомендуется. Придется сбрить (И. Ильф, Е. Петров); Он говорил даже с мальчишками очень вежливо, на вы (К. Паустовский); Инполит Матвеевич надулся и наклонил голову. Тут даже несмысленные Никеша с Владей и сам хлопотливый слесарь поняли тайную суть иносказаний Остапа (И. Ильф, Е. Петров).*

2. Значение высшей степени градации, при реализации которого градационный ряд оказывается представленным эксплицитно:

а) С помощью *даже* создаются отношения градации между однородными членами (при исключении слова из состава предложения градации не обнаруживается): *Княжна слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне стало совестно (М. Ю. Лермонтов); Я ничего не хочу, не думаю, даже не наблюдаю (Л. Н. Толстой).*

б) *Даже* может только усиливать градацию, которая уже передается лексическим значением ряда однородных членов: *Молодой человек солгал: у него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, которым можно было бы квартиру отпереть. У него не было даже пальто (И. Ильф, Е. Петров); В доме действительно тихо, даже как-то сонно (К. Паустовский).*

IV. Периферия. Частица *даже* способна передавать и другие разнообразные оттенки значений. Так, значение исключительнос-

ти может преломляться у даже в уступительное, потенциально заложенное в семантике данной частицы. При этом последняя, как правило, акцентирует имеющий отнесенность ко сказуемому непредикативный элемент, интонационно оторванный от стержневой части, и, тем самым, превращает его в относительно самостоятельную, обособленную конструкцию. Подобные конструкции, способные перемещаться в пределах предложения и даже отрываться от него, называются присоединительными.

1. Несобственно-уступительное значение (гиперболическое/максимальное допущение): *Община — это слишком важно. Если — хулиган, ну даже талантливый или гениальный хулиган, разрушит ее, — то ведь “все погибнут” (В. В. Розанов); Еще когда “Милости просим” было, тогда верно! Против ихнего глазету ни одна фирма, даже в самой Твери, выстоять не могла, — туды ее в качель. А теперь, прямо скажу, лучше моего товара нет (И. Ильф, Е. Петров); <...> тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка (А. П. Чехов).*

2. Собственно-уступительное, “минимальное”: *Скверно, безотрадно, тяжело думать, Вася, что мы с тобой еще долго не увидимся; я не могу сказать — даже приблизительно — когда именно (В. В. Розанов); Нет, у меня свои утешения; но мне трудно вам разъяснить это. Мне трудно было бы даже и себе сказать это ясно, хоть я и мучаюсь этим (Ф. М. Достоевский); Она не соглашалась, даже на минуту, остаться одна.*

Таким образом, частицы *хоть, хотя, хотя бы, хоть бы и даже* (а также не рассмотренные здесь *пусть и пускай*) имеют общий семантический признак “уступку”. Мы считаем, что их можно объединить в отдельную группу уступительных частиц, ядром которой окажется частица *хоть*, семантика которой включает два уступительных компонента. Частица *даже* (равно как и *пусть, пускай*) включает в свою семантику уступительное значение как второстепенное, периферийное, в то время как у частицы *хоть бы* “уступка” осложняется оттенком желательности.

На наш взгляд, к этой группе частиц уступки можно также отнести рассмотренные в [Киселева, Пайяр 1998] в качестве ДС *все же, все-таки* и, предположительно, *впрочем*, а также частицу *и* (в строго определенном контексте).

ЛИТЕРАТУРА

- Бакова 1995 — Бакова Е. Н. К вопросу о полифункциональности частиц (чешские эквиваленты частицы *даже*). *Вестник С.-Петербургского ун-та*. Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). СПб. С. 62–66.
- БАС 1950–1965 — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 3, 17. М.—Л.
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.
- Граудина 1977 — Граудина Л. К. Разговорные и просторечные формы в грамматике. *Литературная норма и просторечие*. М. С. 77–112.
- Зельдович 1991 — Зельдович Г. М. Семантическое взаимодействие модуля предложения и частицы "хоть". *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. №1. М. С. 112–117.
- Киселева, Пайар 1998 — Киселева К. Л., Пайар Д. *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. М.
- Крейдлин 1982 — Крейдлин Г. Е. Служебные и строевые слова. *Семантика служебных слов. Межвуз. сб. научных трудов*. Пермь. С. 106–113.
- Лавров 1941 — Лавров Б. В. *Условные и уступительные предложения в древнерусском языке*. Л.
- МАС 1986 — *Словарь русского языка*. Т. 1, 4. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.
- Нелисов 1988 — Нелисов Е. А. Функционирование "бы" в простом предложении русского языка. *Учен. Зап. Тартуского ун-та*. Вып. 825. С. 38–52.
- Пешковский 1956 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. Т. 1, 2. М.
- Стародумова 1972 — Стародумова Е. А. Синтаксические функции частицы "даже". *Учен. зап. Дальневосточ. ун-та*. Т. 62. Владивосток. С. 32–47.
- Фасмер 1986–1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1, 4. М.
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.

НЕТРИВИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ (на материале рекламных текстов)

Ольга Кузьмина
(Таллинн)

*Оценка — это сигнализация цифрой или впечатлением,
пропущенное через арифмометр.*

В. Кротов

*Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь!
Врешь! Врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок,
Это просто ерунда!..*

Даниил Хармс

За последнее время появилось большое количество работ, в которых реклама рассматривается как одно из направлений маркетинга. В них рекламный текст изучается как бы “изнутри”, с позиции рекламиста, то есть с точки зрения воздействия на поведение потребителя¹.

---

¹ См., напр.: Власова Н. *Рекламный конструктор*. Н., 1998; Волкова В. В. *Дизайн рекламы*. М., 1999; Гермогенова Ю. *Эффективная реклама в России. Практика и рекомендации*. М., 1994; Завьялов П. С., Демидов В. Е. *Формула успеха: Маркетинг*. М., 1991. Зазыкин В. Г. *Психология в рекламе*. М., 1994. Рожков И. Я. *Международное рекламное дело*. М., 1994.

Вместе с тем, рекламные тексты представляют интерес как с точки зрения функционирования в них различных языковых средств, так и при описании прагматических свойств речи.

Существует большое количество определений рекламы. От шуточных — “это искусство возбуждения потребительского звука”, “средство заставить людей нуждаться в том, о чем они раньше не слыхали” [Кротов 1995: 309], до серьезных, среди которых можно остановиться на дефиниции Аренса-Бове: “Реклама — обычно оплаченная неличная передача информации убеждающего характера, которая передает сведения о товарах, услугах или идеях и использует для этого некоторый коммуникативный канал”.²

Прежде чем говорить об особенностях функционирования числительных в рекламных текстах, необходимо остановиться на общей характеристике этого типа текстов.

Реклама принадлежит к такому типу дискурсов, цель которых, по Греймасу, состоит не в том, чтобы говорить правду, а в том, чтобы создавать ее видимость. “Эта видимость, в отличие от случая правдоподобия, стремится не к адекватности референта, а к установлению связи с адресатом, к которому она направлена, в расчете быть принятой им в качестве истины” [Греймас 1986: 213].

Одна из причин неадекватного восприятия рекламы в начале 90-х гг. на постсоветском пространстве, вероятно, была обусловлена именно тем, что адресат, основываясь на абсолютной важности для него положения высказывания в системе оппозиции истинность/ложность, приписывал то же отношение и инициатору текста, тогда как для последнего это нерелевантно. Другими словами, с точки зрения реципиента стратегия порождения рекламного текста должна была совпадать с его стратегией восприятия. Сейчас стратегия восприятия изменилась, она опирается в большей степени на градуальность таких понятий как истинность/ложность.

С точки зрения лингвопрагматики, рекламный текст представляет собой речевой акт, имеющий как минимум две иллокутив-

---

² Цит. по [Кухаренок 1996: 398].

ные цели: эксплицитно выраженную информативную и, как правило, скрытую — прескриптивную. Точнее, необходимо говорить о воздействии на основе информации. Причем именно оценка делается основой референции, так как легко запоминается и способствует возникновению у адресата ассоциативной связи между предметом и ощущением. Подробнее об оценке [Вольф 1985].

В некоторых работах уже делалась попытка определить, как выражается оценка в рекламе. Так, Ф. Кухаренок [Кухаренок 1996: 403–405] выделяет пять способов:

- с помощью лексики, изначально содержащей оценочный компонент;
- нейтральной лексики, апеллирующей к определенному социокультурному контексту;
- интенсификаторов;
- большого количества перечисляемых объектов;
- превосходной степени прилагательных.

Но это далеко не полный перечень. Так, наше исследование показало, что одна из возможностей введения оценки — использование числительных.

Материалом для данной работы послужила печатная реклама, опубликованная в еженедельниках “Купеческая гавань” № 30–51 за 1998 г., “День за Днем” № 1–20 за 1999 г., телевизионная реклама на русском языке. Также использовались различные буклеты, рассылаемые по почте.

Обычными функциями числительных являются: 1) название отвлеченного числа (*три и пять — восемь*), 2) указание на количество предметов (*семь человек, тридцать лет*), 3) определение порядка предметов по счету (*третий переулок, сотый спектакль*) [ГРЯ 1960: §606]. То есть “числительные имеют значение счетного количества” [Шелякин 1989: 107].

Однако в рекламе в определенных контекстах числительные могут выполнять функцию оценки. Возможность развития у них этой функции связана с “универсальным для восприятия человека феноменом сравнения и сопоставления, который находит основание в психологии восприятия” [Серебрянников 1988: 89]. Эта общность человеческой психологии сказывается в асимметрии положительных и отрицательных оценок. Различные дихото-

мические ряды типа “правый—левый”, “свой—чужой”, “много—мало” можно свести, в конечном счете, к основному противопоставлению абсолютных оценок “хорошо”—“плохо”. При этом «слова со значением “большой, много” легко развивают оценочное значение “хорошо”, а со значением “мало” — “плохо”». [Мечковская 1994: 51].

Необходимо отметить, что не всегда использование числительных подразумевает оценку. Ср.: *Продаем со склада 12 бочек меда. Luise baar. Организация банкетов на 20 мест. Или: За год в России было выпито 10 000 000 чашек чая Гранд. Двери Superlock: три миллиона секретов безопасности вашего дома.*

На наш взгляд, в последних текстах адресант использует числительные в том же значении, что и “ребенок, не знающий арифметики: 100 значит много, 1 000 значит очень много, а 1 000 000 значит неимоверное количество” [Стивенсон 1985: 143].

При этом между адресатом и адресантом существует некая взаимная договоренность: эти цифры воспринимаются прежде всего как оценки, а не как точное количество. Одним из аргументов в пользу такой точки зрения служит то, что никому из покупателей не придет в голову попросить перечислить эти самые три миллиона секретов.

Обратимся к примерам. Среди рассмотренных текстов можно выделить несколько групп с различной семантикой.

I. Оценочные суждения о функциях

1. *Dirol-эффект теперь эффективней на 85%.*
2. *Blend-a-med уменьшает опасность кариеса на 50%.*
3. *Недоношенный младенец благодаря массажу на 47% быстрее прибавляет в весе. Мы знаем, как важно малышу ваше прикосновение (Реклама пудры и геля для младенцев).*
4. *Тысяча движений в минуту! Braun — легкое бритье.*
5. *Ариэль не только удаляет пятна лучше, чем обычные порошки, но также и 99,9% всех бактерий.*

II. Оценочные суждения о количестве услуг, товаров, клиентов, призов, которые можно выиграть и т.д. Самая многочисленная группа.

1. *Средство для похудения Вэлформ. Свыше пяти миллионов покупателей.*
2. *Более миллиона покупателей у масла Мейдейли.*
3. *Ehitusmaailm: каждый месяц более тысячи сюрпризов цен.*
4. *Двери для квартир и офисов из натурального дерева тысячи пятисот цветов.*
5. *Лучшие шины — пятьсот моделей — все на месте.*
6. *А вам нужна новая кухня? 675 индивидуально разработанных кухонных гарнитуров уже смонтированы.*
7. *TV XXI век. Канал кабельного телевидения (100 000 зрителей).*
8. *STV+VTV единый телеканал. Более 300 000 зрителей.*
9. *АО Терсо. У нас более ста тысяч клиентов по всей Эстонии.*
10. *За год в России было выпито 10 000 000 чашек чая Гранд.*

Поскольку у адресата и адресанта отсутствует общий фонд знаний (рекламодатель обладает несоизмеримо большей информацией о рекламируемом предмете, а покупатель делает выводы на основании вычитанных из текста фактов), то адресату навязывается принятие истинности подобных высказываний.

III. Необходимо особо выделить тексты о бесплатном дополнительном количестве товара. Здесь сильный оценочный эффект достигается сочетанием числительных со словом *бесплатно*, которое само по себе имеет в рекламном дискурсе ярко выраженную положительную окраску.

1. *Специальное предложение от Vanish! +50% бесплатно.*
2. *Теперь, покупая Cillit Magic, вы получаете 50% бесплатно.*
3. *Palmolive. +20% gratis!*

На первый взгляд, они явно отличаются от предыдущих, так как покупатель может при желании их верифицировать, что предполагает передачу адресантом только истинных сведений. Однако, это не всегда так. Например, реклама порошка Dosia.

4. *Dosia. +10% бесплатно.*

Обычная пачка этого порошка весит 450 г., а с надписью *10% бесплатно* — 440 г.

Не всегда в рекламе “много” значит “хорошо”. Это связано с тем, что рекламные тексты адресованы разным референтным

группам, следовательно, в них используются различные стратегии. Одна ориентирована на товары широкого потребления, другая — на штучный товар. Именно во втором случае “мало” — “хорошо”. Поскольку материалом для исследования послужила реклама, рассчитанная на “среднего” потребителя, то ни одного такого примера нам не встретилось.

На сегодняшний день открытым остается вопрос, какова эффективность использования числительных в рекламном дискурсе. Можно предположить, что результаты такого исследования были бы полезны и интересны не только менеджерам по рекламе, но и специалистам в области лингвистической прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольф 1985 — Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М.
- Греймас 1986 — Греймас А. Договор веридикции. *Язык. Культура. Философия*. Вильнюс.
- ГРЯ 1960 — *Грамматика русского языка*: В 2 т. М. Т. 1.
- Кротов 1995 — Кротов В. Г. *Словарь парадоксальных определений*. М.
- Кухаренок 1996 — Кухаренок Ф. Некоторые прагмасемантические особенности рекламных текстов. *Русская филология. 7. Сборник научных трудов молодых филологов*. Тарту.
- Мечковская 1994 — Мечковская Н. Б. *Социальная лингвистика*. М.
- Серебренников 1988 — Серебренников Б. А. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление*. М.
- Стивенсон 1985 — Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значений. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М.
- Шелякин 1989 — Шелякин М. А. *Морфология современного русского языка*. Тарту.

ФУНКЦИИ СЛОВ-“ПАРАЗИТОВ” В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Юлия Дараган
(Москва)

ВВЕДЕНИЕ

Хотя семантике различных дискурсивных маркеров уделяется в последнее время большое внимание, следует отметить, что класс слов, называемых обычно словами-“паразитами”, остался довольно мало изученным. Отдельные попытки описания и классификации этих слов были весьма немногочисленными и продолжения не получили. Об этом свидетельствует уже сам термин, вернее, факт отсутствия устоявшегося “научнообразного” термина. После того, как в конце 60-х — начале 70-х гг. повысился интерес к спонтанной речи и, в частности, к явлениям речевого колебания, в литературе появился ряд терминов, таких, как *незнаменательная лексика*, *лишние слова* [Сиротинина 1971: 71, 73], *пустые частицы* [Розанова 1983: 36], *вставные элементы* [Ладыженская 1985], *слова-заменители* [Земская 1987: 91] (имеются в виду заполнители пауз хезитации), однако термины эти не прижились. Кроме того, они либо слишком широки, либо слишком узки. К “незнаменательной лексике” уже сама О. Б. Сиротинина относит, например, слово *такой*, когда оно употребляется “без опоры на признак”: *Дон Педро — это ТАКОЙ мужчина...* (пример мой — Ю. Д.). Термины *лишние слова* и *пустые частицы* обладают ненужными коннотациями, кроме того, в рассматриваемый нами класс попадают не только частицы, но и местоимения, которые сохраняют способность изменяться по роду, числу и падежу. К *вставным элементам* в интерпретации Б. Я. Ладыженской относятся не только собственно “слова”, но и невербальные элементы — междометия типа *м-м-м*, *э-э-э* и др. Наконец, в термине *слова-заменители* содержится нежелательная presupпозиция, что эти слова связаны с паузами колебания. К

тому же, к заместителям с этой функцией можно отнести и слова типа *штука*, *фиговина* и проч. Не пытаясь предложить собственного варианта, мы будем использовать термин слова-“паразиты” (далее СП), как интуитивно понятный.

Выше рассматриваемый класс слов уже был отнесен нами к “дискурсивным маркерам”. Действительно, СП (а) “не имеют денотата в общепринятом смысле” и (б) “устанавливают отношение между <...> составляющими дискурса”, и таким образом соответствуют двум характерным критериям дискурсивных слов, предложенным К. Л. Киселевой и Д. Пайаром [Дискурсивные слова... 1998: 5]. Однако в отличие от простых дискурсивных слов, которые так или иначе связаны с пропозициональным содержанием высказывания, СП связаны с самим процессом говорения и ничего нового в сообщаемое не вносят. Возможно, именно этому обстоятельству они и обязаны своей “дурной репутацией”.

О. Б. Сиротинина и Е. А. Земская в упоминавшихся выше работах связывают появление СП с речевым колебанием. Кв. Кожевникова [Кожевникова 1970] также указывает, что слова, подобные *значит*, *вот*, *в общем* и т.п., выполняют препаративную функцию, а именно обеспечивают говорящему время для “постепенного выяснения содержания и поисков подходящего словесного оформления”.

Нельзя не согласиться с тем, что паузы колебания и СП часто соседствуют, однако можно привести примеры, когда колебания нет, а маркер — есть:

- (1) *Девушка, у меня к вам просьба большая. Вы знаете, **вот** я вам адрес дам, а вы мне поможете с телефоном, а?*
- (2) *<...> всех поставили, естественно, на хорошие места, ну а меня, как начинающего, там где-то, в уголок загнали, в самый край, **значит**. Ну, стой, сказали, здесь, если лось пойдет, стреляй, **значит**...*

Н. Н. Розанова вводит еще одну функцию СП, а именно, “ритмическую организацию фразы”. Эта гипотеза может объяснить, почему в данном случае в данном месте должно было возникнуть безударное или слабуюдарное слово, однако она не дает ответа на вопрос, почему было употреблено именно это слово, а не другое.

Кроме того, существуют случаи, аналогичные примеру (3), где СП оформлено как отдельная синтагма и в ритмической организации фразы участвовать не может. Пауз колебания здесь тоже не наблюдается:

(3) <...> а однажды отв... на целые 25 кг одного... зацепил // **вот** / ну правда конечно 25 рублей отдал // **вот** // и балык был хороший // **вот** //

Наконец, Б. Я. Ладыженская упоминает гипотезу о фатической функции СП (*вставных элементов*) при паузах колебания: говорящий “держит нить разговора в своих руках” и не дает слушающему отвлечься на время паузы [Ладыженская 1985: 25]. Той же гипотезы придерживается Е. А. Атлас [Атлас 1998]. Отметим, что данная гипотеза верна, опять-таки, не для всех “паразитических” употреблений дискурсивных маркеров, к тому же она не объясняет выбора конкретных слов в конкретных случаях.

Целью данной работы стала классификация “паразитических” употреблений дискурсивных слов и выяснение функций, которые они выполняют в речи. Материалом послужили записи диалогов абонентов МГТС с операторами справочно-информационной службы 09 и неподготовленные монологические нарративные тексты — на тему, заданную исследователем.

В основу исследования легла гипотеза о том, что СП отражают внутреннее программирование высказывания и мыслительные процессы, связанные с реализацией сценария его порождения. Исходя из модели порождения высказывания, предложенной А. А. Леонтьевым, которая состоит из: “1) этапа мотивации высказывания, 2) этапа замысла (программы), 3) этапа реализации программы, 4) этапа сопоставления реализации замысла с самим замыслом”¹, мы предположили, что употребление СП будет затрагивать второй, третий и четвертый этапы. В ходе анализа была получена классификация наиболее распространенных маркеров, которая будет представлена ниже.

---

¹ Цит. по [Атлас 1998: 12].

ПРОГРАММИРУЮЩИЕ И УСТАНОВОЧНЫЕ МАРКЕРЫ

При анализе материала обнаружилось, что среди СП можно выделить две большие группы. К первой относятся **установочные (ориентационные)** единицы, отражающие коммуникативные и психологические установки говорящего:

- (4) ... *значит, первый раз я поехал на охоту, ну **просто** меня взяли более опытные товарищи...*
- (5) *Выплатили за мой чемодан, **как положено**, по рублю за килограмм...*

Ко второй группе, которая будет далее рассмотрена подробнее, мы относим **служебные**, или **программирующие**, маркеры, которые, в свою очередь, можно разделить на пять подгрупп.

1. Собственно программирующие маркеры

К “собственно программирующим” мы относим те единицы, которые отражают непосредственно планирование дискурса на этапе замысла высказывания (“о чем” сказать в следующий момент). Это слова *так, значит, это*.

ТАК — пауза, вызванная затруднениями в программировании или внеязыковыми причинами:

- (6) *Девушка, вот мне нужен телефон... **так**... в Теплом Стане.*

ЗНАЧИТ-1 — то же самое при ограниченном времени:

- (7) *Скажите, пожалуйста, мне нужен экспериментальный цех мебели, **значит**, на Лихоборской улице, там в Лихоборах. Телефончик.*

ЭТО 1 (ЭТО САМОЕ) — пауза (пере)программирования:

- (8) *Скажите, пожалуйста, вот куртка, молнию где заменить можно поближе, мы вот Ворошиловоградский, **это**, Ворошиловоградского района...*
- (9) *Будьте любезны, отдел учета и распределения жилой площади, **это самое**, Калининский район.*

2. Концептуализационные маркеры

“Концептуализационные” маркеры отражают процесс концептуализации — формирования в сознании говорящего понятия, соответствующего плану содержания одной или нескольких языковых единиц, которое затем будет вербализовано (“что” сказать). Этот процесс также можно отнести ко второму этапу.

КАК БЫ — собственно концептуализация:

(10) *Ну, я хотела... Ъ... всегда учиться в том месте, где, как бы, лучшие образование... дают...*

ВОТ-1 — то же самое, но при попытке апелляции к собеседнику, указании на актуальность и известность концептуализируемого понятия:

(11) *Скажите, пожалуйста, как мне узнать телефон, вот, которые перевозят грузы?*

ТАКОЙ — концептуализация атрибута:

(12) *... направление утром выписал <...> участковый доктор, направление **такого**, общего характера...*

3. Организующие маркеры

“Организующие” СП маркируют контролирование говорящим реализации существующего сценария дискурса.

ЗНАЧИТ-2 — переход или возвращение к основной теме:

(13) *<...> Спасибо... и... Ъ еще одну вещь... **значит**, сейчас я тебя попрошу описать картинку...*

(14) *— Акуманин Владимир Иванович, да? — Да. — Какой адрес? — **Значит**, адрес: улица летчика Бабушкина, дом 35, корпус 1, квартира 12.*

НУ-1 — начало программируемого фрагмента (запуск программы на реализацию):

(15) *Ну... что еще такого немножко рассказать... ну, этим летом я... сначала жила тут в Москве, отрабатывала практику...*

ВОТ-2 — конец программируемого фрагмента:

(16) *Ну, приехала домой, там... было три дня жарко, потом сразу начались холода... **вот**... стало холодно... купаться нельзя... ни-*

чего нельзя, дождь там, ветер... **вот**... поэтому можно было только сидеть дома... **вот**... телек смотреть... **вот**...

ВОТ-3 — рекурсия (актуализация уже сказанного):

(17) — Как называется, “Олимп”? — “Олимп”. — **Вот**, телефончик дайте, пожалуйста.

ТАМ — привлечение “периферийной” информации:

(18) — Так “Стройматериалы” или “Хозяйственный”? — “Стройматериалы”, где плитусами торгуют **там**, дверями...

4. Вербализационные маркеры

Эти маркеры отражают процесс сопоставления плана содержания с планом выражения, или, проще говоря, подбор слов.

ЭТО-2 — поиск (припоминание) слов:

(19) Девушка, скажите, как позвонить в 1-ю городскую больницу, в **это**... в справочную?

ЭТОТ — поиск именной или адъективной группы:

(20) Скажите, пожалуйста, Москворецкий рынок, **этот**, х о з я й с т в е н н ы й, какой телефон туда, а?

(21) Девушка, мне нужен **этот**, р ы н о к К а л и н и н с к и й, это на Авиамоторной улице...

ТАК СКАЗАТЬ — оценка выбора слова:

(22) ... может быть, он там один, **так сказать**, телефоновладелец. Он там счет платит?

5. Маркер коррекции

Маркер коррекции ну относится к четвертому этапу порождения высказывания — сопоставлению реализации с замыслом.

НУ — исправление ошибок и вставки (редакция первоначального замысла)²:

(23) ... уставший и истрепавший нервы... **ну**, не нервы, а-а... потра- тивший время, значит, но довольный...

² Ср. ЗНАЧИТ — возвращение к основной теме после отступления. Закрывает вставку.

- (24) ... у нас нет даже общего даже языка, **ну**, потому что по-русски, то есть, по-английски, не очень хо... не только по-русски, но и по-английски не очень хорошо говорит...

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

К дополнительным факторам, влияющим на выбор того или иного слова в данном контексте, относятся скорость речи и тип реплики, в которой это слово встречается: иницирующая, реагирующая или продолжающая. При выборе между *так* и *значит*, например, *так* будет употребляться скорее в том случае, когда говорящий сам определяет темп речи и может позволить себе остановиться в любой момент:

- (25) **Так.** Скажите, пожалуйста, телефон бюро ремонта Тушинского телефонного узла.
 (26) — Акуманин? — Да, Владимир Иванович. **Так**, я могу даже адрес сказать...

Слово *значит* появляется предпочтительно в тех случаях, когда говорящий торопится и старается говорить “по существу”:

- (27) <Абонент набрал “09” — справочная — вместо “03” — скорая помощь>

Алло! Будьте добры, помогите мне, пожалуйста. **Значит**, родственница у меня есть. Есть направление... <нрзб.> ... левого глаза... **значит**, направление утром выписал этот... Ну, ну, этот, участковый доктор, направление такого... общего характера, вроде как, будет хуже, как они сказали, вызывайте скорую помощь, и они вас отправят. **Значит**, в этом, у меня все отечность нарастает...

Тип реплики часто определяет выбор между *ну* и *это* в начале высказывания. Если *это* преобладает в иницирующих репликах³, то *ну* чаще употребляется в реагирующих и продолжающих:

- (28) — <...> приехали... в город какой-то там, не помню, как его называют... потом в город Кандалакша... на поезде... на поезде... (мы тоже) долго ехали... — **Это**... а катамараны куда?

³ Было обнаружено 50 употреблений, все в иницирующих репликах.

- (29) — <...> потом я приехала на две недели домой... две недели дома пожила... и приехала опять в Москву... ну что, еще что-нибудь рассказать? — Ну... что-нибудь еще немножко... — Ну... что еще такого немножко рассказать...

“КУЛЬТУРНЫЕ” И “НЕКУЛЬТУРНЫЕ” СЛОВА

Земская отмечает, что некоторые “слова-заменители” встречаются у всех говорящих и воспринимаются нормально, а некоторые — “могут свидетельствовать ... о недостаточной речевой культуре” [Земская 1987: 91]. Рассмотрим список тех слов, которые чаще всего относят к “некультурным”: *значит, как бы, в принципе, в общем, это, это самое, так сказать.*

Приведенный список взят из работы Земской и дополнен из Устава Клуба практической психологии “Синтон” [Козлов 1997: 298]. В список попали маркеры планирования и поиска — *значит, как бы, это (самое)* —, практически всегда связанные с поддержкой речи, паузой колебания, а также ряд сложных вводных слов, которые в силу своей сравнительно сложной структуры более заметны для слушающего. Возможно, именно бóльшая по сравнению с другими выделенность в потоке речи и послужила поводом для “обескультуривания” именно этих слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели ряд особенностей класса дискурсивных слов, которые обычно называют словами-“паразитами”. Мы установили, что, хотя такие слова часто заполняют паузы хезитации и принимают участие в ритмической организации фразы, это не является их основной функцией. Мы также выяснили, что слова-“паразиты” отражают внутреннюю речь при программировании высказывания, и рассмотрели ряд факторов, от которых зависит выбор того или иного слова. Дальнейшее изучение слов-“паразитов” позволит больше узнать о процессе порождения речи с одной стороны и о семантике соответствующих дискурсивных слов (в том числе и в “непаразитическом” употреблении) — с другой,

а изучение индивидуальных особенностей их употребления может предоставить дополнительные штрихи к языковому портрету говорящего, и поэтому оказаться полезным в таких прикладных областях, как, например, лингвокриминалистика и психодиагностика.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас 1998 — Атлас Е. А. *Функции пауз в русской спонтанной речи*.
Дипломная работа. М. РГГУ. (Научный руководитель Т. В. Базжина).
Дискурсивные слова... 1998 — *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. М.
Земская 1987 — Земская Е. А. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. М.
Кожевникова 1970 — Кожевникова Кв. *Спонтанная устная речь в русской эпической прозе*. Прага.
Козлов 1997 — Козлов Н. И. *Истинная правда, или учебник для психолога по жизни*. М.
Ладыженская 1985 — Ладыженская Б. Я. *Особенности организации устной спонтанной речи (вставные элементы в речевом потоке)*.
Дис. канд. фил. наук. М.
Розанова 1983 — Розанова Н. Н. *Суперсегментная фонетика. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест*. М.
Сиротинина 1971 — Сиротинина О. Б. *Современная русская разговорная речь и ее особенности*. М.

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ИДИОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “СМЕРТЬ” В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Антонина Юминова
(Москва)

В последнее время появляется немало работ, посвященных анализу образования, употребления, специфики, структуры и т.д. фразеологических единиц русского языка, и, тем не менее, до сих пор далеко не все процессы, происходящие в области русской фразеологии, достаточно подробно исследованы и нашли свое отражение в лексикографии. В первую очередь это касается процессов, происходящих в русской фразеологии в последние годы, причем как процессов изменения состава фразеологического фонда русского языка, так и процессов изменения значений идиом на том или ином этапе развития.

В связи с этим представляется актуальным изучение идиом разных семантических полей с точки зрения их реального функционирования в современном русском языке.

Следует отметить, что для описания, отражающего реальное функционирование в современном русском языке идиом того или иного семантического поля, недостаточно ограничиться материалом письменных текстов, так как многие идиомы и/или их значения еще не вышли за пределы разговорной речи. Поэтому исследование идиом поля СМЕРТЬ ведется по нескольким направлениям и включает в себя следующие этапы:

- 1) изучение употребления идиом в письменных текстах (на материале базы данных по русской идиоматике и корпуса текстов, охватывающих период с 60-х по 90-е гг. и включающих художественные и публицистические тексты разных авторов);
- 2) проведение психолингвистического эксперимента, включающего в себя анкетирование носителей современного русско-

го языка, принадлежащих разным возрастным и социальным группам;

- 3) запись и анализ употреблений идиом исследуемого поля в спонтанной разговорной речи.

Проведенный анализ употребления идиом семантического поля СМЕРТЬ в современном русском языке показал, что многие идиомы, для которых в имеющихся лексикографических источниках по фразеологии в качестве основного, а чаще всего и единственного приводится значение ‘умереть’, в этом значении либо употребляются крайне редко, либо вообще не употребляются. Оказывается, для выражения данного значения в русском языке и прежде всего в разговорной речи используются либо эмоционально нейтральные слова или выражения, эвфемизмы (выражения типа *кто-либо того-с...*; *кого-либо не стало*; *кого-либо больше нет* и т.п.), либо соответствующие однословные лексические эквиваленты, причем чаще всего даже не экспрессивно окрашенные, а нейтральные — глагол *умереть* или просторечный вариант *помереть*.

Ограничения на употребление идиом данного поля связаны прежде всего с “табуированностью” значения рассматриваемых идиом (во многих современных языках к табу относят тенденцию не говорить прямо о смерти), а также с “идеологической” архаичностью одних идиом (*испустить дух*, *отдать Богу душу*, *отправиться к праотцам* и т.п.) и явной стилистической окрашенностью других идиом данного поля (*дать дуба*, *сыграть в ящик*, *копыта откинуть*, *коньки отбросить*, *ласты склеить*, *кондрашкахватила кого-либо* и т.п.).

Многие идиомы поля СМЕРТЬ оказываются практически незадействованными в процессе коммуникации и в результате либо постепенно устаревают (например, идиомы *отправиться в Елисейские поля*, *карачун пришел кому-либо*, *отойти к вечному блаженству*, *отойти в вечность* и т.д.), либо начинают употребляться в новых контекстах, выполнять новые функции, приобретают новые значения, которые зачастую вытесняют старые, “табуированные”.

На примере идиом исследуемого поля можно проследить действие общей тенденции развития идиом в современном рус-

ском языке — тенденции к расширению области употребления идиом и, следовательно, к расширению значения идиом в сторону большей абстрактности. Эта тенденция проявляется в расширении сочетаемости идиом поля СМЕРТЬ с разными группами существительных.

И действительно, носители русского языка активно употребляют идиомы *приказать долго жить*, *отдать концы*, *испустить дух*, *дать дуба* и некоторые другие с неодушевленными существительными в значении 'перестать существовать' или 'выйти из строя; сломаться <о технике>' в контекстах типа: *Всегда все не вовремя: до зарплаты жить да жить, а у нас телевизор вчера приказал долго жить/отдал концы/дал дуба и т.д.* (из анкет); *И у них судно приказало долго жить как раз в Аргентине; Что, долго жить приказал? <о заплесневевшем хлебе>; Ну все, кроссовки совсем концы отдают, пора новые покупать!* (Ср. примеры из письменных текстов: фирма «Мелодия» приказала долго жить... ["Столица" 1992]; ...уголовное дело №7004... испустило дух... ["Столица" 1991]; ...министерство давало дуба... ["Столица" 1992] и т.д.).

Подобные случаи употребления идиом *приказать долго жить*, *отдать концы*, *дышать на ладан* и т.п., по-видимому, уже вошли в норму, тогда как для других идиом поля СМЕРТЬ контексты с неодушевленными существительными не являются типичными, но, тем не менее, хорошо вписываются в общую тенденцию: — *Ты с чем будешь чай? С сыром? — Нет! Этот кусок сыра, видимо, так и уйдет в небытие; — Одних рефрижераторов было штук восемьдесят... — Все, почили в бозе, забудь!; Осторожно, а то у нас уже сегодня один бокал ушел из жизни!* и т.д.

По-видимому, внутренняя форма до сих пор "сдерживает" употребление с неодушевленными существительными следующих идиом: *копыта отбросить*, *сыграть в ящик*, *ноги протянуть*, *растаться с жизнью*, *кондрашкахватила*, *ласты склеить* и т.п., и тем не менее в публицистике последних лет довольно часто можно встретить примеры типа *...старина комсомол отбросил копыта...* ["Московский Комсомолец", 1995]; *... река вот так запросто отойдет к праотцам...* ["Столица" 1991] и т.д.

Но использование идиом поля СМЕРТЬ в современном русском языке не ограничивается контекстами с неодушевленными

существительными. Как показал проведенный опрос, почти все информанты, включая тех, для которых использование этих же идиом в прошедшем времени в значении 'кто-либо умер' по той или иной причине неприемлемо, активно употребляют идиомы поля СМЕРТЬ в контекстах с *чуть не...*, *едва не...*, *так можно и...*, *того и гляди...* и т.п. для выражения крайней степени какого-либо состояния по аналогии с выражением *чуть не умер* (от страха, от смеха и т.п.) [СРЯ 1990: 830], напр., *Разве можно так пугать человека — я от страха чуть дуба не дал/концы не отдал/коньки не отбросил/ласты не склеил/копыта не откинул* и т.д.; *Я так замерз, того и гляди дуба дам/концы отдам/коньки отброшу* и т.п. (из анкет); *Она отвечала билет и говорит: "Была война". Ну, он и спросил: "Какая война? Между кем и кем?" А она не моргнув глазом: "Между феодалами и крестьянами". Я так понимаю, Полторацкого чуть не хватил кондратий!; Мы постились однажды — чуть коньки не отбросили с этим постом!; — Катя — она ведь христианка. Причем такая христианка: если уж пост — то овсянка на воде! — Овсянка?! Так же можно и кони двинуть!* и т.д.

Большинство идиом поля СМЕРТЬ активно используется в современном русском языке именно в таких контекстах и именно в этом значении. При этом контекст с *чуть не...*, *едва не...*; *мог и...*; *думал, что...* и т.п. представляет собой как бы переходный случай — в данном контексте идиомы *отдать концы*, *коньки отбросить*, *копыта отбросить*, *ласты склеить*, *отдать Богу душу* и т.д. могут использоваться как для выражения своего основного значения 'перестать жить', так и для выражения крайней степени какого-либо состояния. Иногда, не зная конкретной ситуации, практически невозможно однозначно определить, в каком из значений говорящий использует идиому, напр.: *У меня было такое жуткое отравление, что я чуть концы не отдал!* В данном случае возможно значение 'чуть не умерла', но, скорее всего, все-таки подчеркивается, что имело место очень сильное отравление, то есть идиома используется для выражения крайней степени определенного состояния (ср. пример из письменных текстов: *Я испугался. Я сам травился консервами на Камчатке, чуть богу душу не отдал* [А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба] и т.д.).

Идиомы поля СМЕРТЬ, по-видимому, уже довольно давно

употребляются в русском языке для выражения крайней степени какого-либо состояния, и хотя это значение и не приводится отдельно в имеющихся фразеологических словарях, в словарных статьях для многих идиом поля СМЕРТЬ выделены примеры, в которых идиома используется именно в этом значении в сочетании с *чуть не...*, *так можно и...*, *едва не...* и т.п. [ФСРЯ 1987; ФСРЛЯ 1995; СФСРЯ 1987; РАФС 1997].

Следует отметить, что в ситуации, когда используется та или иная идиома поля СМЕРТЬ (причем, не обязательно в контексте типа *чуть не...* и т.п.), вообще может не быть других высказываний — таким образом говорящий выражает свою реакцию на какое-то событие, явление или действие, сообщает о своих эмоциях, чувствах, физическом состоянии, напр., *Меня чуть кондратий не хватил!* = ‘Я очень испугался’; *Все, сейчас дуба дам!* = ‘Я сильно замерз’; *Все, сейчас копыта отброшу!* = ‘Я очень устал’; *Концы отдам!* или *Концы отдаю!* = ‘Я очень плохо себя чувствую’ (от болезни, от усталости и т.п.). Причем, иногда подобным высказыванием говорящий провоцирует слушателей на определенную реакцию, привлекает внимание окружающих к себе, к своему состоянию: — *Скоро коньки отброшу!* — *В чем дело, Елена Васильевна?* — *Так плохо с головой! Когда этот снег кончится?!*

По-видимому, именно из такого употребления и развивается новое значение идиомы, уже не связанное с исходным значением ‘перестать жить; умереть’, не связанное с темой смерти.

И действительно, как показал анализ анкет и примеров реального использования идиом в разговорной речи, многие носители современного русского языка вообще не выделяют для части идиом данного поля значения ‘умереть’, а употребляют их совершенно в других значениях. Так, идиомы *кондрашка хватила* (*хватит*) / *кондратий хватил* (*хватит*) употребляются в значении ‘кто-либо сильно испугался (испугается)’, напр.: — *Я им не стала цену говорить...* — *Да ты что, 30 тысяч — их кондратий хватит!;* *Я просто помню, как мы искали телевизор. Мы пришли в “Партию” — меня просто кондратий взял — там такие цены!;* идиома *дать/давать дуба* — в значении ‘сильно замерзнуть’, напр.: *Хорошо так проишлись, хоть согрелась. А то там, на дорож-*

ке, дуба давала; *Постой здесь <в помещении станции>, чего на улице дуба давать — еще 10 минут до поезда; В машине я ночевать не буду! Даже если я поеду, мы будем ночевать в избе. Че я, дурак что ли дуба давать?!* и т.д.; идиома *отдать концы* — в знач. ‘очень плохо себя чувствовать, болеть’, например: *Купила я себе эликсир какой-то — концы я отдаю, тетя Таня!* и т.д.

Новые значения не связаны с темой смерти, поэтому снимается негласное ограничение на употребление идиомы в процессе коммуникации, а также ограничение на сочетаемость с теми или иными существительными, на употребление тех или иных форм идиомы. Так, например, идиомы поля СМЕРТЬ в разговорной речи очень часто встречаются в контексте с личным местоимением 1 л. ед.ч., с которым ранее эти идиомы почти не употреблялись, напр.: *Хорошо хоть меня в это время в Москве не было — меня б давно кондрашка хватила!; А я ей говорю: “Да что ты, Светик? Скажи им, пусть они возьмут тебе еще девочку!” А она: “Пока они девочку возьмут, я концы отдам!”* и т.д. Кроме того, например, для идиом *кондратий хватил/кондрашка хватила*, которые ранее употреблялись только в прошедшем или будущем времени (*кондрашка хватила/хватит; кондратий хватил/хватит*), становится возможным использование в форме настоящего времени: *А в детском мире на Димитрова! Там такой отдел немецкой изрушки — меня там просто кондратий хватает через раз!; Стоит мне только заикнуться о том, что я не хочу на работу, то моих родителей сразу кондрашка хватает!* и т.д.

На развитии семантики идиомы *кондрашка хватила* (от *кондратий хватил*) хотелось бы остановиться отдельно. Первоначально идиома *кондрашка хватил* (*пришиб, прихватил*) употреблялась в значении ‘кого-либо разбил паралич’ [ФСРЛЯ 1995: 249]. Если обратиться к “Словарю фразеологических синонимов русского языка”, то мы обнаружим эту идиому в форме *кондрашка хватила* в одном ряду с такими идиомами, как *дух вон <из кого-л.>; бог прибрал; карачун пришел кому-л.*, которые имеют значение ‘скоропостижно умер, скончался’ [СФСРЯ 1987: 152].

Во “Фразеологическом словаре русского языка” под ред. А. И. Молоткова для идиомы *кондрашка хватила* приводятся оба значения: ‘кто-л. внезапно разбит параличом; кто-л. скоропостиж-

но умер, скончался' [ФСРЯ 1987: 203], что, очевидно, не отражает реальное употребление данной идиомы в современном русском языке. Во-первых, идиома полностью утратила значение 'кто-л. внезапно разбит параличом'. Во-вторых, в значении 'кто-либо скоропостижно умер, скончался' идиома практически не употребляется. Тем не менее, она довольно часто используется в разговорной речи наряду с идиомой *кондратий хватил* для выражения крайней степени какого-либо состояния, а также в значении 'кто-либо сильно испугался' и т.п. (см. вышеприведенные примеры). Причем, по-видимому, от старых значений осталась только идея внезапности, неожиданности (ср.: нельзя сказать *Меня от смеха чуть кондрашка нехватила*). Таким образом, мы видим, что в процессе развития данная идиома "пережила" целый ряд семантических преобразований, которые до сих пор не отражены в словарях.

В заключение хотелось бы отметить, что огромное количество примеров употребления в письменных текстах 60–90-х гг. и в современной разговорной речи таких идиом как *коньки отбросить*, *отправиться к праотцам*, *испустить дух*, *отдать Богу душу*, *приказать долго жить*, *копыта отбросить* и т.д. представляют собой случаи языковой игры: — *Вытяни, вытяни ноги. Только, смотри, не протяни!*; — *Думаешь, я тебя на коньки поставлю и брошу?* — *Да, чтобы я их тут же откинула!*; Сообщение на пейджер программы "Сегоднячко": *"Когда уже нормальная погода будет? А то день — коньки, день — ласты!"* Ведущий: *"Главное — это чтобы и коньки не отбросить, и ласты не склеить!"* и т.д.; — *Госпожа Кокнар приказала долго жить!* — *Кому приказала?* — *не понял д'Артаньян.* — *Портос растерялся и перестал рыдать.* — *Ну, мне, тебе, и вообще всем...* — *Ишь ты!* — *поразился д'Артаньян.* — *А я и не думал, что она меня помнит. Спасибо ей на добром слове! Только я что-то не пойму, дружище, тебя это огорчает? Ты не желаешь мне долгой жизни?* (О. Вовк. Четыре мушкетера или мочалкой по черепу) и т.д.

При этом больше всего примеров нестандартного употребления и языковой игры дают идиомы, у которых сама внутренняя форма и многозначность входящих в их состав слов "провоцируют" говорящих на проявление творчества. Эти же идиомы, по-

видимому, и имеют больше шансов на “выживание” в языке, так как в их внутренней форме или в лексическом составе имеются потенциальные возможности для развития — многозначные слова, яркие образы, которые активно эксплуатируются как писателями и журналистами, так и обычными носителями русского языка в их повседневной речи.

Таким образом, анализ использования идиом поля СМЕРТЬ в письменных текстах 60–90-х гг. и в современной разговорной речи показал, что в последнее время наблюдаются значительные изменения в употреблении идиом поля СМЕРТЬ в русском языке, которые до сих пор достаточно не изучены и не нашли своего отражения во фразеологических словарях.

ИСТОЧНИКИ

РАФС — Лубенская С. И. *Русско-английский фразеологический словарь*. М., 1997.

СРЯ — Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. М., 1990.

СФСРЯ — *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Под ред. В. П. Жукова. М., 1987.

ФСРЛЯ — *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.* Под ред. А. И. Федорова. М., 1995.

ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *РУКА* В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Инна Адамсон
(Таллинн)

Состав фразеологии достаточно хорошо описан в русской лингвистической литературе (А. Д. Райхштейн, Е. Ф. Арсентьева, Н. Л. Шадрин, В. П. Жуков, В. Н. Телия, А. И. Федоров и др.). Объектом исследований был как фразеологический состав одного, русского, языка, так и сопоставление фразеологических единиц (далее — ФЕ) русского языка с ФЕ других языков. По изучению эстонской фразеологии имеются лишь отдельные работы (Ф. Вакк, А. Рейцак, А. Ыйм, Э. Вайгла), касающиеся как сопоставительного аспекта, так и разработок в области эстонской фразеологии.

Материал данной статьи продолжает линию сопоставления ФЕ русского и эстонского языков.

Объектом анализа явились ФЕ следующих источников: “Фразеологический словарь русского языка” под ред. А. И. Молоткова, сборник А. К. Рейцак “Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями”, “Frasedoologia sõnaraamat” A. Õim.

Стержнем исследования стали ФЕ с компонентом *рука* в русском и эстонском языках. ФЕ с названным компонентом составляют наиболее обширный пласт фразеологии, что и обусловило их выбор в качестве объекта исследования.

Деятельность любого рода составляет основную часть человеческой жизни. Руки являются “активными” частями тела, при помощи которых люди совершают различные операции, выполняют какую-либо работу, осуществляют какое-либо действие. По всей вероятности, это причина того, почему ФЕ с компонентом *рука* составляют один из самых объемных пластов фразеологии разных языков.

Образная основа ФЕ с компонентом *рука* — (активное) действие. Напр.: *рука не дрогнет* (хватит решимости, смелости и т.д. сле-

лать что-либо) — *käsi ei väärata*; связывать по рукам и ногам (лишать возможности свободно действовать) — *käsi ja jalust siduma*; горит в руках (выполняется быстро, ловко, успешно; спорится) — *löö lausa lendab käes* 'работа летит в руках'.

Можно классифицировать образную основу ФЕ с компонентом *рука*, определив ее характер:

- 1) работа, деятельность (*горит в руках*);
- 2) лицо по характеру деятельности и физической возможности (*сильная рука*);
- 3) потенциальная возможность осуществления работы, какого-либо действия, деятельности (*рука не дрогнет*);
- 4) состояние бездействия (*сложна рука*);
- 5) невозможность осуществления какого-либо действия (*как без рук быть*).

Можно сравнить рассматриваемые ФЕ с такими соматическими ФЕ, которые содержат в качестве основного компонента названия "неактивных" частей тела: носа, головы, уха (ушей) и т.д. Соответственно и образность этих ФЕ строится на каких-либо других явлениях, семантически связанных со свойствами, функциями, внешними особенностями и т.п. названных частей тела. Напр.:

ударять/бросаться в нос (остро чувствоваться; о резком неприятном запахе) — *ninna lööma*;

голова варит (сообразительность, догадливость, понятливость) — *pea jagab*;

ушки на макушке (быть настороже, на чеку; не доверяться, быть осмотрительным) — *kõrvad on kikkis*.

В данных примерах нос — образ обоняния, ухо — образ слуха, голова — образ мыслительной деятельности. Конечно, фразеология отражает не только прямые ассоциации с реальными объектами, предметами, частями тела и т.д., но и метафорические.

На основе словарных материалов мы выявили, какие ФЕ одного языка используются для передачи смысла соответствующих ФЕ другого языка. Для удобства сопоставления материал был классифицирован на основе следующих признаков: сходство и различие компонентного состава, количество соответствий значению или ряду значений того или иного фразеологизма.

Основой сопоставления стали ФЕ русского языка, к которым подбирались соответствия из эстонского языка. Классификацион-

ный параметр *одно значение, несколько значений* и т.п., означает, что именно такое количество и именно такие значения содержатся в лексикографических источниках. Не исключено, что это несколько упрощенный подход к проблеме, особенно с учетом сложности и многогранности понятия фразеологического значения.

Фразеологизм — неоднозначное понятие. В данной статье под фразеологизмом понимается устойчивое сочетание лексем, воспроизводимое в готовом виде и обладающее относительно целостным значением и экспрессивностью. [Лилич 1996: 3]

Всего сопоставлению было подвергнуто 128 ФЕ.

1. ФЕ, полностью совпадающие по лексическому составу

а) ФЕ русского языка, имеющие одно значение и одно эстонское соответствие. Напр.: *давать козырь в руки*: для чьей-либо деятельности давать известное преимущество — *trumpi kätte andma*; *положа руку на сердце*: совершенно чистосердечно, откровенно, искренне — *kätt südamele pannes*; *правая рука*: первый помощник, главное доверенное лицо — *parem käsi*.

б) ФЕ русского языка с двумя и более значениями, имеющие одно эстонское соответствие. Напр.: *носить на руках*: 1. оказывать расположение; 2. баловать, выполнять прихоти — *kätel kandma* (эстонское соответствие употребляется во втором значении). *Поднимать руку*: 1. замахиваться, пытаться ударить; 2. покушаться, пытаться убить — *(oma) kätt tõstma*; *твердая рука*: 1. влиятельный покровитель; 2. властный человек, умеющий подчинить своей воле — *kõva käsi*.

в) ФЕ русского языка с одним значением, имеющие два и более соответствия в эстонском языке, одно из которых совпадает с русским ФЕ по лексическому составу. Напр.: *как без рук быть*: совсем беспомощен — *kui ilma käteta olema, mitte midagi peale hakata oskama* (не мочь ничего сделать). Второе соответствие — свободное словосочетание. *Руки коротки*: нет достаточной власти, права, возможности — *käed on lühikesed, hammas ei hakka* (зуб не берет). Во втором соответствии, как видно, присутствует другой соматизм — *зуб*, т.е. ФЕ основывается на ином образе. *Отбиваться руками и ногами*: противиться любыми силами — *käte ja jalgadega vastu sõdima, sõrgu vastu ajama* (упираться копытами).

Всего встретилось 29 ФЕ русского языка, имеющих в эстонском языке полное лексическое соответствие.

2. ФЕ, частично совпадающие по лексическому составу

а) ФЕ русского языка с одним значением и одним эстонским соответствием. Напр.: *брать/взять голыми руками*: овладевать, захватывать без особого труда — *paljaste kätega jagu/võitu saama* (голыми руками победить/справиться).

б) ФЕ русского языка с одним значением и несколькими эстонскими соответствиями. Напр.: *набивать/набить руку*: приобретать умение, сноровку, опыт — *käe sisse saama* (войти в руку); *приложить руку*: быть причастным к чему-либо — *käsi on mängus* (рука в игре), *võib tunda kätt* (можно узнать/почувствовать руку).

в) ФЕ русского языка с несколькими значениями и одним эстонским соответствием. Напр.: *сходить с рук*: 1. остаться без наказанным, не получая огласки (о действиях, поступках); 2. проходить, оканчиваться как-либо; 3. (устар.) продаваться — *karistava käe eest kõrvalle põikama* (увернуться от карающей руки).

г) ФЕ русского языка с несколькими значениями, для каждого значения которых имеются соответствия в эстонском языке. Напр.: *брать/взять в свои руки*: 1) принимать на себя руководство, управление — *jämedat otsa kätte võtma* (взять в руки толстый конец); 2) захватывать что-либо, завладевать — *enda kätte haarama* (захватить в свои руки).

Встретилось 48 ФЕ, частично совпадающих по лексическому составу.

3. ФЕ, полностью различающиеся по лексическому составу

а) ФЕ русского языка с соматизмом *рука* в эстонском языке соответствует фразеологизм, не имеющий в своем составе указанного соматизма. Напр.: *держаться в руках*: сдерживать порывы своих чувств, сохранять самообладание — *ennast vaos hoidma* (держаться в борозде); *чужими руками жар загребать*: пользоваться результатами труда других в своих корыстных целях — *teiste turjal/nahal liugu laskma* (кататься на хребте/шкуре других), *võõraste pükstega tules istuma* (в чужих штанах сидеть на огне).

б) ФЕ русского языка, не имеющие фразеологического соответствия в эстонском языке и передающиеся свободным словосочетанием или же описательно. Напр.: *говорить под руку*: говорить некстати, не вовремя, мешая сосредоточиться — *ota jutuga eksitama* (сбивать своей речью); *и книги/карты в руки*: у кого-либо есть все возможности, все данные для чего-либо — *kes ongi õige mees (midagi) tegema* (<тот>, кто и есть правильный человек, <чтобы>

(что-то) делать), *kes veel, kui mitte tema* (кто еще, если не он/она); *из рук вон плохо*: очень, совсем плохо — *hullemini enam ei saa* (хуже быть не может).

Встретилось 34 ФЕ, полностью различающихся по лексическому составу.

4. Осталось определенное количество оборотов с соматизмом *рука*, среди которых можно выделить следующие группы.

а) В русском языке есть фразеологизмы без соматизма *рука*, которым в эстонском языке соответствуют ФЕ со словом *рука* в форме *kätte*, которое является грамматическим элементом. Напр.: *брать измором*: настойчиво добиваться, надоедая своими просьбами, разговорами, действиями — *pika piiramisega kätte saama* (получить в результате долгой осады).

б) ФЕ эстонского языка с соматизмом *рука*, передающиеся по-русски свободным словосочетанием или же описательно. Напр.: *kätt valgeks saama* — *сделать руку белой* (набрать очки в (спортивной) игре); *nii et käsi maas* — *так, что рука на земле* (сильно напиться пьяным).

Встретилось 17 ФЕ такого типа.

Проведенное сопоставление показало, что если у одного значения ФЕ имеется несколько соответствий или если соответствия совпадают лексически лишь частично, то оттенки значений в той или иной степени отклоняются от описаний значений ФЕ, дающихся в лексикографических источниках. Кроме того, ФЕ, полностью совпадающие по лексическому составу, обладают более широким спектром значений, чем дают словари.

Прокомментируем стилистическую окраску русских и эстонских ФЕ. Фразеология русского языка, так же как и лексика, имеет различные сферы применения и, соответственно, имеет несколько пластов: 1) нейтральные ФЕ; 2) разговорные ФЕ; 3) просторечные ФЕ; 4) книжные ФЕ. Наиболее многочисленны разговорные ФЕ. Стилистические пласты эстонской фразеологии выделяются не так четко. Фразеологизмы с компонентом *рука* в эстонском языке относятся скорее к нейтральным. Ф. Вакк отмечал: «Соматические фразеологизмы являются одним из самых популярных видов фразеологизмов как в современном эстонском литературном, так и в разговорном языке. Их распространению способствует яркая образность, меткость <...> и несложность грам-

матического оформления, стилистическое многообразие выражения разных оттенков. <...> В употреблении соматических или несоматических фразеологизмов различий нет” [Вакк 1970: 293].

ФЕ с соматизмом *рука* высокочастотны во многих языках. В связи с этим, А. Д. Райхштейн писал: “Во всех исследованных языках на первых местах по фразообразовательной активности оказываются слова, обозначающие руку, глаза, голову. <...> Очевидно не случайно, что названные компоненты наиболее прямо соответствуют чувственной (глаз) и логической (голова) ступеням познания, а также мерилу его истинности — практике (рука). Вообще принципиальное качественное сходство лексического аспекта разных фразеологических систем базируется <...> в первую очередь, на общечеловеческом социальном и гносеологическом фундаменте. Прямые и косвенные заимствования играют в этом вопросе лишь второстепенную роль” [Райхштейн 1980: 93].

Райхштейн отмечает, что *рука*, как компонент ФЕ в русском языке, по частотности употребления находится на втором месте (на первом месте — *глаз*). Соматическая фразеология эстонского языка с точки зрения частотности не исследована.

ИСТОЧНИКИ

- Рейцак А. К. *Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями*. Таллин, 1975.
Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. СПб., 1993.
 Õim A. *Fraseoloogia sõnaraamat*. Tallinn, 1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Лилич 1996 — *Проблемы фразеологической семантики*. Под ред. Г. А. Лилич. СПб.
 Райхштейн 1980 — Райхштейн А. Д. *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. М.
 Рейцак 1967 — Рейцак А. К. О некоторых возможностях сопоставительного анализа русской и эстонской фразеологии. *Уч. Зап. Тартуского гос. ун-та*. Тарту.
 Vakk 1970 — Vakk F. *Suured ninad mürdsid päid*. Tallinn.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Инга Милевич
(Даугавпилс)

Исследователи публицистики (В. Г. Костомаров, А. К. Панфилов, Г. Я. Солганик и др.) определяют основным конструктивным принципом стиля чередование экспрессии и стандарта. Этот принцип определен внеязыковым фактором — двоякой задачей прессы — подачей информации и воздействием на читателя.

Экспрессивно-эмоциональные, оценочные средства языка в газете признаются стилеобразующими, а не “декоративными”. “Образ в публицистике существует как необходимость, а не как средство внешнего украшения” [Очерки... 1974: 34]. Г. Я. Солганик утверждает, что “экспрессивно значимыми в газете, в публицистике оказываются все языковые средства, поскольку все они воплощают публицистическую идею” [Солганик 1988: 37].

На примере русскоязычной прессы Латвии (*Час*, *СМ-сегодня*, *Республика* и др. за 1997–1999 гг.) рассмотрим, какие способы создания экспрессии являются прерогативными в настоящее время.

Классическими способами создания экспрессии всегда были тропы и фигуры речи (эпитет, сравнение, олицетворение, метафора, метонимия и т.д.). Олицетворение: *Рынок нервничает; А Дума-дура упирается; Екабпилс зализывает раны*. Перифраза: *пузатый бедняга <чайник>; несладкий день <Всемирный день диабета>*. Метонимия: “*При чем здесь это?*” — *недоумевал битком набитый зал Zero Zone*. Оксюморон: *Старомодно, но современно, Маленький большой фестиваль*. Активная паронимазия (особенно в заголовках): *Двери рая в Болдерае; Счет и просчет; Крутая крутка; Год-манис годен; Нема синема; Халатность в белом халате; Голосуем? Голосим; Рефери референдума; Консерваторы, консерватория и консервы; Рафаэль и Rafaello*. Антитеза: *Новый асфальт и старая*

лужа; Новая эра старой недвижимости; Маленький вирус против больших надежд.

Одним из наиболее выразительных приемов в современной прессе является прием гибридизации. “Гибридные слова могут быть теми микрообразами, в которых выражаются тончайшие оттенки авторской оценки” [Костюков 1987: 56]. Ср.: Главлейбой РФ Артемий Кивович Троицкий; НедоЧерномырдин; Выборендум <из выборы и референдум>; Мурзилла <из мурзилка и годзилла>; либералиссимус; оскароносец; Ельциниана; маша-оля-танягейты (ср. моникагейт).

Другой характерный прием — использование 1) иностилевых или 2) иноязычных вкраплений.

В качестве **иностилевых вкраплений** чаще и активнее всего используются элементы (или стилизация) разговорной речи, просторечия или жаргона. “Необычайная привлекательность разговорной речи для публицистики объясняется во многом тем, что разговорная речь служит одним из важных способов выражения субъективной (авторской) модальности” [Хаблак 1987: 84]. *Санта-Клаус с фингалом; А депутаты как ломанулись!; В число инициатив / президента США/ входит: открыть еще 5 тысяч школ, показать Ираку кузькину мать, побыстрее раскрыть натовские объятия Венгрии, Польше, Чехии; На четыре буквы; Зубодробильное мочилово.* Зачастую наблюдается жаргонная стилизация публицистического текста целиком. Например, фрагменты рецензии А. Евдокимова “Полный армагеддон” (Час, 5.09.98.): *А там <на русской космической станции> восемнадцатый месяц коротает в одиночестве космонавт — оркестр, туш! — в шапке-ушанке с красной звездой и бухой в дрезину. <...> Астероид, несущийся к земле, команда гуд американ гайз, летящая взрывать зловредную каменюку к едрене фене. <...> Знаете, что самое обидное? То, что “Армагеддон” — это именно что полное, стопроцентное, по-голливудски тупое и алогичное фуфло. Sorry, с поправкой на масштабность явления — фуфлище. Размером с Техас.*

Иноязычные вкрапления в русских газетах.

1) Вкрапления латышского языка. Характерная особенность (отличная от подобных вкраплений предыдущих десятилетий) — отрицательная коннотация. Говоря о коннотации, следует заметить, что отрицательная окраска в современной газете свойствен-

на всем видам эмоционально-экспрессивных средств: *Давайте расставим пару гарумзимес над "ё"; криевсам на валоду подналечь; русские книги — не вводить, кабельное ТВ — обесточить, криеву дзиезму с FM-радио — вон; на основании закона "О собраниях, шествиях и пикетах" всем выдадут пиетейкумс, в смысле разрешение; Блин, какая же это скука, русский блин — и тот панккука!*

2) Вкрапления других языков (английского, немецкого, французского и др. с явным предпочтением английского языка). Английский: *...тут нет ходульного хеппи энда, как создать нью стайл, ху из ху в Балтии*. Немецкий: *Дранг мах русии; Аусвайс для народа*. Французский: *избранной публике продемонстрировали доморощенный прет-а-порте...* И даже китайский: *Хунь-дунь от длинноухого <клецки в китайской кухне>*. Несомненно, что данная группа экспрессивной лексики находится на грани нейтральной, так как постепенно происходит переход из первой во вторую (ср. *римейк, саундтрек, фэнтези*).

Самым распространенным и популярным приемом, по нашим наблюдениям, является использование различного вида идиом, афоризмов, цитат, аллюзий. Часто эти единицы контаминируются. Ср.: *Белый дом свиданий <из Белый дом и дом свиданий>, новый русский квартирный вопрос <из новый русский и квартирный вопрос>, основной инстинкт до Багдада доведет <из названия художественного фильма "Основной инстинкт" и фразеологизма с заменой топонима язык до Киева доведет>, Эльдар обетованный <из Эльдар Рязанов и названия фильма этого режиссера — "Небеса обетованные">*, по этой же модели — *Захаровские игры <из Марк Захаров и названия его спектакля "Королевские игры">*.

Неприменным условием использования каких бы то ни было идиоматических выражений является их известность и популярность. Источниками чаще всего становятся:

- фразеологизмы: *Семь футов под килем;*
- пословицы, поговорки: *Суд да дело; Нет худа без добра;*
- названия произведений художественной литературы или цитаты из нее: *После бала; стакан воды; Буря мглою небо кроет;*

- названия художественных фильмов или цитаты из них: *Крепкий орешек; Смешная девчонка; Руссо туристо; А теперь Горбатый; Что это, Бэрримор?*;
- названия песен или цитаты из них: *Желтая подводная лодка; Пуля пролетела и "ага"; Гляжусь в тебя как в зеркало;*
- реклама: *Две "Юрмалы" в одном флаконе;*
- произведения для детей (литература, художественные или мультипликационные фильмы, даже "страшилки"): *Не ходите, дети, в Африку гулять; Леопольд, выходи; Для маленькой компании; Замяукали ребята (подзаголовок: Массовое распитие спиртных напитков... в т.ч. французский коньяк Meukom); маленький мальчик в деньги играл...*

Рассмотрим основные способы ввода подобного типа единиц в публицистический текст.

1. Полный повтор (перенос): *Вагончик тронется — перрон останется; Главней всего — погода в доме; Где это видано, где это слыхано; Тройка, семерка, туз.*
2. Трансформации.
  - 2.1. Трансформации, основанные на противопоставлении, отрицании ("изменение знака"): *Невысокая мода; Не просто Машиа; Бони не эм; Дешево и не сердито.*
  - 2.2. Изменение коммуникативной направленности высказывания: *А все-таки, быть может, не Запад нам поможет? Даешь стране зерна?*
  - 2.3. Грамматические трансформации (чаще рода или числа): *Я пришла, а вас нема; Невиноватые мы; И это все о ней; Что-то с памятью у них стало; Спящий красавец; Принц на горошине; Это только цветочек.*
  - 2.4. Вставка (добавление) элемента: *Деньги **деревом** не пахнут; Иванушки **всегда** интернешнл; ... в четырех **чужих** стенах.*
  - 2.5. Усечение (выпадение) элемента (часто сочетается с приемом вставки или замены): *Мебель — это не только...; Кто не с нами, тот...; Лучший мой подарочек — это...; ... Но дело его живет; Уволен по собственному.*

- 2.6. Замена, основанная на паронимии: *А зомби здесь тихие; Солана на раны; Весна: Грачев прилепел; Гейдар шагает впереди; Или пан, или пахан; Встать, СПИД идет; Пошла муха на базар И купила пеньюар; О спорт — ты спирт.*
- 2.7. Антонимическая замена (чаще контекстуальная): *Лучшая оборона — это отставка; Будем дружить врагами.*
- 2.8. Синонимическая замена: *Люцифер* здесь правит бал.
- 2.9. Замена онима на оним: *Новый Радищев, или Путешествие из Риги в Орел; Черномырдин, Колль и все-все-все; Ирбе, Ирбе, где твой улыбка; Язык до Даугавпилса доведет; И ты, НАТО; Ай, Бривива, знать она сильна; “Клондайк” любит троицу.*
- 2.10. Замена нарицательного существительного на оним (замены онима на нарицательное не обнаружено): *И вновь продолжается Чернобыль; Свет в конце Кашмира; Костнер ягодак опять; Два веселых Буша; Убить Саддама.*
- 2.11. Замена нарицательного существительного на нарицательное (замена на активный, актуальный для публикации лексический элемент): *Как стать душегубом <о проблемах тамагочи>; Лат рублю не товарищ; Шантаж и популизм в одном флаконе; Берегись велосипеда; А был ли спутник; Пир во время девальвации; Яунсарг — всем ребятам пример.*
- 2.12. Семантико-синтаксический прием (заполнение известной конструкции новой лексикой): *Какой же ребенок не любит горячую пиццу; Скандал утих. Да здоровствует скандал; Каррерас пел. Улманис рукоплескал; Я готов признать, что НАШ кислый сейм ИХНЕЙ горькой Думы не слаще.*

Приемы могут выступать в тесном переплетении: *Возвращение рыжего кардинала* (парафраза — *рыжий кардинал* — Анатолий Чубайс, контаминация — *возвращение блудного сына* и *серый кардинал*).

Сочетания различных приемов характерны для заглавий и подзаголовков статей: статья *Стакан воды* и подзаголовки — *А в старину, Многовато будет, Из глубины латвийских руд, Живая и мертвая, Не дай себе засохнуть.*

Обратимся к некоторым особенностям выражения экспрессивности на синтаксическом уровне. “Многие знаки препинания в газете меняют свои традиционные значения, приобретают новые функции — экспрессивные, модальные и т.д.” [Шалимова

1987; 190]. Поэтому экспрессивную нагрузку могут нести все знаки препинания. Напр., интонационное, или “психологическое” тире: *Свадьбы — не будет. Смерть принцессы Дианы... продолжает быть... поводом скорби многочисленных поклонников и — выгодным товаром.*

Важная роль в выражении субъективной модальности принадлежит также парцелляции. *Власть — это деньги. Но не для всех; Визит к королю. Покойному; Президент Латвии Гунтис Улманис, как и обещал, послал фестивалю поздравление. Сердечное. (ср. нейтр. президент Латвии... послал фестивалю сердечное поздравление); Чубайс чуть не сгорел. У себя на работе; Родить. Сегодня. В Латвии; С завтрашнего дня в “Риге” — конец света. Киношный; Rolling Stones поет и для рижан. Но в Таллинне; Не рвануло. Хотя могло.*

Интересны градационные построения парцелляции: *Начальник по борьбе с мафией вышел из тени: И ушел обратно. Еще на шесть недель. Или: Очень красивая женщина. Однозначно стильная. Поющая про любовь. И, что немаловажно, — наш импортный товар. С успехом продаваемый.*

Еще одно средство выражения эмоциональной оценки на газетной полосе — графика (размер и тип шрифта, цвет, разбивка, выделения и т.д.): *За тех, кто в MORE; <билеты> размели ЗА ОДИН ДЕНЬ.*

В своей статье мы рассмотрели основные способы выражения экспрессии на газетной полосе современных газет. Все многообразие этих способов должно стать объектом пристального исследования поэтики публицистики. Цель таких исследований заключается в изучении “системы выразительных средств, свойственных этому роду литературы” [Солганик 1986: 131].

Сделаем некоторые общие выводы. В современной газете Латвии мы наблюдаем разнообразие в выборе эмоционально-экспрессивных средств. Однозначно доминирующим является цитирование, использование аллюзий из произведений различных жанров (устных и письменных). Наибольший удельный вес во всех видах эмоционально-экспрессивных средств имеют единицы с отрицательной коннотацией. Данные средства более часто используются в газетах столицы, на страницах провинциальных

газет они встречаются намного реже (одна из причин — непрофессиональный уровень подготовки журналистов в них, например, в одной из латгальских газет из 8 журналистов лишь один имеет профессиональное журналистское образование). Таким образом, вырисовывается множество аспектов, в которых возможно дальнейшее изучение эмоционально-экспрессивных средств русских газет Латвии (в том числе сопоставление с латышскими газетами).

ЛИТЕРАТУРА

- Костюков 1987 — Костюков В. М. Гибридные слова — средство комического. *Русская речь*. № 6.
- Очерки... 1974 — *Очерки по русскому языку и литературе*. Кишинев.
- Солганик 1988 — Солганик Г. Я. Об особенностях языка газеты. *Русский язык за рубежом*. № 5.
- Солганик 1986 — Солганик Г. Я. О поэтике публицистики. *Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация*. Пермь.
- Хаблак 1987 — Хаблак Г. Г. О синтаксических особенностях газетно-публицистического стиля. *Значение и смысл слова: Художественная речь, публицистика*. Под ред. Д. Э. Розенталя. М.
- Шалимова 1987 — Шалимова Г. С. О современной газетной пунктуации. *Значение и смысл слова: Художественная речь, публицистика*. Под ред. Д. Э. Розенталя. М.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ ЭСТОНИИ

Кади Ильвес
(Тарту)

Анализ газетного языка советского периода начинается с 1920-х гг. работами Г. О. Винокура. Он и многие другие исследователи отмечают наряду с прочими явлениями высокую степень оценочности газетного языка [Винокур 1925: 26]. Работы же 1940-х и 1950-х гг. носят в основном нормативный характер. Газетный язык не анализируется достаточно полно в силу общественно-политической ситуации в стране.

В 1960-е гг. появляется множество работ, посвященных изучению газетного языка. Например, В. Г. Костомаров считает главным признаком языка газеты экспрессию и стандарт, а Г. Я. Солганик социальную оценочность языковых средств [Костомаров 1971: 90; Солганик 1981: 36]. В настоящее время проблема изучения нового газетного языка стала очень актуальной.

Объектом нашего исследования является газетный заголовок русскоязычной прессы Эстонии как центральный компонент текстового уровня; являясь выжимкой содержания текста, он имеет цель обратить внимание читателя на нижеследующий текст.

По данной проблематике, т.е. по анализу газетных заголовков 1990-х гг. русскоязычной прессы бывших стран СССР, существуют лишь отдельные наблюдения. Например, работы М. А. Брейтер и Е. И. Костанди [Брейтер 1996; Костанди 1999: 153–159]. В статье последней при сравнении заголовков эстонской прессы и русскоязычных газет Эстонии отмечается, что российские заголовки являются более оценочными, чем русские в Эстонии. В статье же С. Б. Мельцер “Газетный заголовок как средство выражения авторской установки” сравниваются заго-

ловки эстонской прессы и русскоязычной прессы Эстонии [Мельцер 1999: 118–125]. Здесь отмечается более высокая степень оценочности русских заголовков. В магистерской диссертации П. Нейдер говорится о том, что при переводе с русского языка на эстонский язык заголовок теряет довольно большую долю оценочности [Нейдер 1997], т.е. заголовок в эстонской прессе менее оценочен и более информативен. Возможно, эта местная особенность преобладания информативности в заголовках влияет и на русскоязычную прессу Эстонии.

Таким образом, вырисовывается следующая последовательность заголовков по степени оценочности, субъективной маркированности. На первом месте, как наиболее оценочные, стоят заголовки российских газет. На третьем месте, как менее оценочные, иначе говоря, более информативные — эстонские заголовки. А русскоязычные заголовки Эстонии занимают промежуточное положение.

В статье Л. В. Терентьевой “Эволюция оценочной лексики в газетных заголовках” и в книге И. П. Лысаковой “Тип газеты и стиль публикации” также отмечается, что в историческом развитии заголовков наблюдается возрастающая тенденция к экспрессии [Терентьева 1983: 84; Лысакова 1989: 71].

Таким образом, можно выделить два полюса заголовков. Одни являются оценочными, экспрессивными, концептуальными или, как их характеризует И. П. Лысакова, выполняют апеллятивную функцию [Лысакова 1989: 71]. А другие заголовки являются более содержательными, фактуальными, информативными или тематическими и выполняют номинативную функцию.

На примере 167 заголовков выходящей в Эстонии газеты “День за днем” за октябрь 1996 г. попытаемся установить степень их оценочности/объективности и показать, какими средствами она выражается.

Нами анализировались только оригинальные русские тексты, написанные в Эстонии, и переводы с эстонского языка и не рассматривались перепечатки из российских газет и переводы из западной прессы. Всего было выделено 4 группы заголовков. Основным критерий выделения этих групп — содержательный, т.е. сообщается ли в заголовке о содержании текста, или заголо-

вок это содержание оценивает, комментирует. Конкретными средствами, позволяющими отнести тот или иной заголовок к определенной группе являются: лексическое значение слов и их стилистическая окрашенность, различного рода коннотации, фразеологизированность, синтаксическая структура, коммуникативная направленность (тип предложения), графические средства (кавычки, шрифт) и т.д.

Первая группа заголовков, как уже было сказано, имеет номинативную функцию. И. Р. Гальперин определяет такой вид информации как содержательно-фактуальный и характеризует следующим образом: "...сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших и которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом" [Гальперин 1981: 27]. Это определение может быть использовано и для характеристики заголовков первой группы.

Лексические единицы языка в данной группе заголовков обычно употребляются в их прямых словарных значениях. При прочтении заголовка читающий узнает, о чем далее пойдет речь:

(1) *Что такое лизинг?*

Выборы 1939 года.

Книга рекордных ошибок.

Бензин подорожал.

Путь к диплому инженера.

Калле Кландорф, бывший детектив, нынешний тренер и президент.

Иногда и в этих заголовках слабая оценочность все же наблюдается, поскольку совершенно субъективно не окрашенной речь в принципе быть не может, однако оценка не "затемняет" содержание.

Вторую группу заголовков можно назвать фактуально-оценочной. Это такие заголовки, в которых на первом месте стоит информация, сопровождающаяся оценкой, авторским отношением, но оно является второстепенным. Например, лексическим значением слов и словосочетаний передается оценка в таких заголовках:

(2) *Вокруг да около моды.*

Осторожно: велосипедисты.

Зима на носу.

Черные дни на дорогах Йыгевамаа.

Полицейским все же придется посидеть в тюрьме.

Кроме лексических средств используются кавычки и вопросительные предложения. Кавычки, как известно, используются для передачи цитат, иронии или же показывают, что слово, стоящее в кавычках, используется в ином значении. А в газетном языке советского времени кавычки, если они не использовались для оформления прямой речи, как правило, указывали на негативность обозначаемого явления. Задачей газеты является передача информации, а не запрос, поэтому, скорее всего, вопросительные предложения приобретают в газетном тексте дополнительные коннотации, например:

- (3) *Пиво — болезнь или “полезнь”?*

Когда вас в последний раз грабили?

Кто в доме хозяин?

Охранников бьют не только “при исполнении”.

Конечно же, степень оценки бывает разной, скажем, заголовок *Зима на носу* более нейтрален, чем *Кто в доме хозяин?*

В третьей группе заголовков акценты переставляются. Главным здесь является передача авторской концепции, его отношения к явлениям, но любая оценка содержит в себе и информацию. Оценку может передавать лексическое значение или необычная сочетаемость слов:

- (4) *Права и обязанности мертвого тела.*

Тяжкая и неказистая жизнь российского артиста.

Страхование наводит страх.

Оценка может передаваться и видоизмененными фразеологизмами:

- (5) *Рыцарь — это звучит гордо.*

С чего начинается... следовательно?

и другими средствами:

- (6) *“Синдром” Руцкого.*

От Малинина “сносит крышу”.

А вдруг там живут наши девочки?

Наконец, заголовки четвертой группы характеризуются тем, что не передают однозначной информации о содержании текста, часто оказывается непонятным, о чем в статье пойдет речь:

(7) *Дракон, пожирающий солнце.*

Кивийлыский Отелло.

После дождичка в четверг.

Мой любимый киллер.

Авторы всех стран, защищайтесь!

Кому идея, а кому мать родная.

Я дунула и плюнула.

Естественно, невозможно провести абсолютно четких границ между группами, очень много зависит от восприятия адресата, но, думается, можно сделать некоторые общие выводы, которые представлены в следующей таблице.

Группы заголовков	Количество единиц	В процентах
I	62	37%
II	45	27%
III	40	24%
IV	20	12%

В 37% заголовков преобладает функция номинативности, т.е. заголовок имеет относительно объективный характер. Лишь в 12% случаев можно обнаружить заголовки с ярко выраженной оценочностью.

Данные выводы показывают лишь тенденцию развития газетных заголовков, поскольку новый газетный язык находится в процессе формирования. Поэтому нужны дополнительные исследования, в которых важно учитывать разные факторы: жанр, автора, аудиторию, политическую направленность газеты, характер газеты. В связи с последним хотелось бы привести цитату из монографии И. П. Лысаковой, в которой, в частности, говорится об особенностях газетных заголовков 1970–80-х гг.: “Рубрики и заголовки специализированных и отраслевых изданий содержат нейтральную, книжную или терминологическую лексику соответствующей производственной сферы; рубрики и заголовки вечерних, воскресных, молодежных изданий, как правило, имеют

больше эмоционально-оценочных и разговорных элементов” [Лысакова 1989: 168].

Заголовки были нами рассмотрены и с точки зрения того, выражаются ли они словом, словосочетанием или же предложением. Подробный анализ формальных признаков заголовков не являлся задачей данной статьи, поэтому здесь мы приводим лишь общую тенденцию, которая довольно слабая, но все же прослеживается.

В заголовках употребляется примерно одинаковое количество словосочетаний и предложений, однако из всех словосочетаний чуть меньше половины безоценочны, чуть больше половины содержат оценку. В простом предложении распределение иное: примерно 1/4 заголовков безоценочны, примерно 3/4 содержат в разной степени выраженную оценку. Это и понятно, ведь предложение как коммуникативная единица в большей степени приспособлено для передачи каких-либо субъективных коннотаций.

Наряду с заголовком реагируют на коммуникативные условия актуальное членение и вводные слова. Нами были сделаны некоторые наблюдения над вводными словами. Здесь проявляется сходная тенденция. Во многих случаях вводные слова используются как средство установления логических отношений между предложениями и примерно в таком же объеме как средство выражения оценки, т.е. оценочность не доминирует.

Таким образом, подтверждается предположение, сделанное в начале статьи, о промежуточном положении русского газетного языка в Эстонии, который испытывает влияние местных условий, особенностей местного (и эстонского, и русского) менталитета, эстонской прессы и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Брейтер 1996 — Брейтер М. А. Культурологический аспект языковых заимствований. *Россия и Запад. Диалог культур* — 3. М.
 Винокур 1925 — Винокур Г. О. *Культура языка*. М.
 Гальперин 1981 — Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.

- Костанди 1999 — Костанди Е. И. Некоторые синтаксические особенности газетного текста (на материале русскоязычной прессы Эстонии). *Humanitaras fakultates VII zinatniskie lasijumi*. Daugavpils.
- Костомаров 1971 — Костомаров В. Г. *Русский язык на газетной полосе*. М.
- Лысакова 1989 — Лысакова И. П. *Тип газеты и стиль публикации*. Л.
- Мельцер 1999 — Мельцер С. Б. Газетный заголовок как средство выражения авторской установки. *Humanitaras fakultates VII zinatniskie lasijumi*. Daugavpils.
- Нейдер 1997 — Нейдер П. *Русская публицистика на страницах эстонских еженедельных газет "Edasi"/"Postimees", "Rahva hääl" и "Noorte hääl"/"Päevaleht" за 1988–1993 гг.* Магистерская диссертация. Тарту.
- Солганик 1981 — Солганик Г. Я. *Лексика газеты*. М.
- Терентьева 1983 — Терентьева Л. В. Эволюция оценочной лексики в газетных заголовках. *Новое в лексике русского языка*. Куйбышев.

СРАВНЕНИЕ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕЙТМОТИВНОГО ОБРАЗА В ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

Наталия Чуйкина
(Санкт-Петербург)

Одним из способов установления связи между разными плоскостями изображения художественной действительности является организация сравнения (шире — любого тропа) на реалию, имеющую в тексте самостоятельное значение. Еще в литературе XIX в. такие писатели как Гоголь, Толстой, Чехов использовали прием перехода от обозначения реалии к образу сравнения, повторяющему ее. Этому приему следуют и многие писатели XX в. — Горький, Белый, Сологуб и др. Но, пожалуй, наиболее последовательно он реализуется у Леонида Андреева.

Сравнения функциональны по своей природе, они становятся одним из основных приемов вскрытия подтекстовых смыслов, второго плана художественного текста. Сравнения образны и их употребление и специфика отличает манеру писателя.

Вспомним, что сравнение занимает особое место в языке и мышлении. Его познавательная роль заключается в классификации, упорядочении и оценке изображаемой жизни, оно ярко, образно, экспрессивно. В сравнениях отражается опыт человека в познании действительности, его этнические и национальные особенности.

Само по себе сравнение на языковом уровне представлено множеством конструкций, и их состав в художественном тексте расширяется в силу его специфики. Если сравнение — “конструкция, включающая в себя слово или группу слов в компаративном значении” [Черемисина 1962], то под это определение попадают:

- 1) сравнительные обороты,
- 2) придаточные предложения, присоединяемые различными союзами в сравнительном значении (*как, точно, словно, подобно* и т.д.),
- 3) конструкции с родительным и творительным падежами,

- 4) разнообразные по структуре группы внешне самостоятельных предложений, находящиеся по смыслу в отношениях сопоставления,
- 5) активно включаются в предложения слова, лексическое значение которых указывает на сравнительные отношения, но не образуют сравнительного оборота (*похожий, подобный* и т.д.).

Все эти конструкции в большей или меньшей степени встречаются в текстах Л. Андреева. Специфика их употребления нацелена на создание лейтмотивного образа. Каким путем это достигается?

Для произведений Л. Андреева характерны как сравнения с примыкающим образом, так и повторение образа, оторванное и вынесенное в другие отрывки текста, а также в другие тексты. Так в повести “Иуда Искариот” возникшее на первых страницах сравнение главного персонажа с осьминогом пронизывает весь текст, детали сравнения вынесены в другие отрывки:

Но некоторых, также бывавших у моря и видевших осьминога, смутил его чудовищный образ, приуроченный Петром столь легкомысленно к новому ученику. Им вспомнились: огромные глаза, десяти жадных щупальцев, притворное спокойствие — и раз! — обнял, облил, раздавил и высосал, ни разу не моргнувши огромными глазами.

А дальше многократно повторяется этот образ, напр.: Он <Иоанн Зеведеев> напряженно морщил прямой, гладкий лоб, щурил глаза, думая, что так будет видеть лучше, но добивался только того, что у Иуды как будто и вправду появились восемь беспокойно шевелящихся ног.

Лейтмотивность насыщается приемом параллелизма, развернутым в целые абзацы:

Пристально глядя на огонь костра, наполнявший глаза ощущением жара, протягивая к огню длинные шевелящиеся руки, весь бесформенный в путанице рук и ног, дрожащих теней и света, Искариот бормотал жалобно и хрипло:

— Как холодно! Боже мой, как холодно!

Так, вероятно, когда уезжают ночью рыбаки, оставив на берегу тлеющий костер, из темной глубины моря вылезает нечто, подползает к огню, смотрит на него пристально и дико, тянется к нему всеми членами своими и бормочет жалобно и хрипло:

— Как холодно! Боже мой, как холодно!

Образ выносится в другие отрывки текста и встречается не только в составе сравнений. Огромную роль в создании лейтмотива играют метафоры, генетически связанные с рассматриваемыми сравнениями. Чаще всего это глагольные метафоры, передающие действия персонажа — он *ползает, прилипает, вылезает* и т.д. Подчиняя содержание текста лейтмотиву, они участвуют в создании экспрессии и характеризуют, как и сравнения, не только действия персонажа, но и его переживания.

Осьминог как лейтмотив — не единственный образ. Иуда сравнивается до отождествления со скорпионом и собакой, единичные сравнения дополняют характеристику, при их суммировании возникает неоднозначный и объемный образ. Сами сравнения расширяют друг друга: нам привычно сравнение “колючий как кактус”, у Л. Андреева же Иуда сравнивается с “многоруким кактусом”, что снова напоминает об осьминоге.

Кроме того, описание окружающего мира и других персонажей при помощи сравнений тоже наделено лейтмотивными чертами. Сравнения, описывающие окружающий мир, являясь ответной реакцией на переживания персонажа, интенсифицируют избранную автором для описания черту, чувство:

И впереди его <Иуды>, и сзади, и со всех сторон поднимались стены оврага, острой линией обрезая края синего неба; и всюду, впиваясь в землю, высились огромные серые камни — словно прошел здесь когда-то каменный дождь и в бесконечной думе застыли его тяжелые капли. И на опрокинутый, обрубленный череп похож был этот овраг, и каждый камень в нем был как застывшая мысль, и их было много, и все они думали — тяжело, безгранично, упорно.

Сравнения же, характеризующие сам персонаж, или сопоставляющие его с другими героями, отличаются тем, что описывают контрастные признаки [Кириченко 1999], возникает лейтмотив противоречия, который для повести “Иуда Искарот” отображается в следующей схеме (при смене имен в других текстах схема сохранится: расширится или сузится):

Иуда 1 ————— Иуда 2: как главный персонаж

В схему вписываются не только сравнения, но и генетически связанные с ними метафоры и эпитеты, участвующие в построении сквозного тропа для реализации лейтмотива.

И, лежа на каменных плитах, похожий на опрокинутого дьявола, он все еще тянется рукою к уходящему Пилату и кричит, как страстно влюбленный, — один из примеров, показывающих контраст в образе Иуды. Кроме того, противопоставление демонстрируется при сравнении Иуды с кактусом, а Иисуса — с ливанской розой; глупость учеников — в сравнениях со стадом баранов, ягнят, с ослом.

Таким образом, появляются вполне привычные образы, в какой-то мере утратившие, в силу употребительности, в системе языка свою экспрессивность. Но, будучи включены в общую канву лейтмотивной организации текста Л. Андреевым, подобные “повседневные” сравнения насыщаются дополнительной коннотацией, соответствующей замыслу. Стершаяся экспрессивность, проявляясь в своем исходном значении, приобретает у Л. Андреева совершенно иной характер — попутно актуализируется какой-либо иной компонент значения. Для организации более объемного образа автор часто вплетает в повседневное сравнение индивидуально-авторский компонент:

Он ничего не знал, этот Фома, хотя обо всем расспрашивал и смотрел так прямо своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, как сквозь финикийское стекло, было видно стену позади его и привязанного к ней понурого осла.

Используется индивидуально-авторское сравнение, источником которого служит общеязыковое, привычное для русского человека.

Так, Л. Андреев довольно часто, в силу специфики текста “Иуда Искарот”, использует библейские образы, которые интер-

национальны и понятны любому: *Ты любишь желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и глаза, как у серны?*

Однако индивидуальные образы наиболее характерны для творческой манеры Л. Андреева, они многостороннее и экспрессивнее, именно они несут на себе нагрузку лейтмотивного содержания, вступая в противоречие, противопоставление с “повседневными”. Часто экспрессию можно объяснить эффектом неожиданности, создаваемым образом — *осьминог, кактус, груды теней* — необычные для носителя русского языка сравнения.

Часто образ, на основе которого строится сравнение у Л. Андреева, рассчитан на посвященного читателя, в нем раскрываются будущие события или скрытые мотивировки; за неожиданным образом может скрываться привычная ассоциация, отсылающая к намеченному в тексте лейтмотиву:

Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв.

Здесь подчеркивается противоречивость образа Иуды, появляется намек на будущие события и становится понятным сравнение души с “грудой теней” и др. Особенно отчетливо это проявляется в момент “взрыва”, когда наше сознание ретроспективно осмысляет все произошедшее, объявляя его единственно возможным в цепи других событий [Лотман 1992], и образ, на который работают сравнения, четко переосмысливается.

Последние два примера еще раз подчеркивают контрастность образов Иуды и Иисуса. Но образ здесь важен не в своем целостном значении, осьминог не является антонимом ливанской розы. Он выступает стимулом, вызывающим определенное отношение к персонажам. Этот прием послужил источником возникновения экспрессионизма в литературе.

Говоря о характере возникающих коннотаций, мы намеренно используем термин *экспрессия*. Общеизвестно, что коннотации, сопровождающие тропы, подразделяются на оценку, эмоцию, интенсивность (или на более дробные или более обобщенные категории). В тексте Л. Андреева наблюдается доминанта коннотации. При этом универсально реализуется именно функция интен-

сификации качества, заложенного в значении используемых лексем, т.е. экспрессия.

Экспрессивным и информативным может быть не только второй член сравнения — **с чем сравнивается**, но и первый — **что сравнивается**, который расширяет наше представление об образе, включенном в лейтмотивную композицию: *И, идя. как и все ходят, но чувствуя так, будто он волочитя по земле, подобно наказанной собаке, Иуда приблизился к нему...*

Такова текстообразующая функция сравнений как основы лейтмотивного образа в повести Л. Андреева “Иуда Искарот”. Сквозные образы обнаруживаются в каждом отдельном произведении автора, часто они выносятся в заголовок, например: “Стена”, “Бездна”, “Мысль”, “Красный смех”. Все образы, реализующиеся в сравнениях, индивидуальны для отдельных персонажей, но типичны для всего творчества Л. Андреева. Они расширяют русскую систему образности.

В своем последнем романе “Дневник Сатаны” Л. Андреев реализует основные лейтмотивные образы, подчеркивая значимость сравнений в своем творчестве: *Впрочем, я опять ищу слов и сравнений! <...> Я не хочу искать сравнений, возьми их сам: лилию, звезды, солнце, но ко всему прибавь более...* Писатель всегда “прибавляет более”, рисуя яркие картины, передавая настроение и чувство, вскрывая вторые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

- Черемисина 1962 — Черемисина М. И. Сравнения в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”. *Толстовский сборник*. Тула. С. 165.
- Кириченко 1999 — Кириченко С. В. доклад “Контраст как текстообразующий элемент в рассказе Л. Андреева «Иуда Искарот»”. 28 Межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском Государственном университете 17 марта.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М. С. 32.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИКАХ
РАЗНЫХ ВИДОВ РЕЧИ
(на материале русского и немецкого языков)

Ольга Болотова
(Санкт-Петербург)

Исследования связной речи являются не только полезными с теоретической точки зрения, но и необходимыми в связи с решением прикладных задач, таких как разработка систем распознавания или синтеза речи. При создании таких систем нужно учитывать реальные фонетические характеристики звуков, отличающихся от идеального значения, которое достижимо только при изолированном, тщательном произнесении. Исследуя отдельные звуки, слоги или слова, мы получаем основные сведения о фонетических свойствах, но фонетическая организация отдельно произнесенного слова отличается от организации более крупного отрезка речевой последовательности. Как отмечают многие исследователи, именно связная речь является тем полем, где реализуются возможности звуковой системы языка [Бондарко 1998: 267].

Исследуя речь, большинство лингвистов разделяет ее на различные типы по разным параметрам. Первая дихотомия, проводимая лингвистами — это противопоставление устной и письменной речи. И. Р. Гальперин полагает, что “все характеристики устной речи противопоставлены характеристикам текста”, при этом текст понимается как “некое образование, возникшее, существующее и развивающееся в письменном варианте литературного языка” [Гальперин 1981: 15, 19]. Если исходить из этого мнения, становится очевидным, что при исследовании речи является важным, была ли речь спонтанной или подготовленной — сначала записанной в виде текста. Однако Л. Р. Зиндер писал, что письменная форма — фикция, она предполагает устную, “речью она становится только тогда, когда имеет место акт коммуника-

ции, когда текст читается, т.е. когда он хотя бы мысленно озвучивается” [Зиндер 1982: 20].

Дихотомия подготовленная речь/неподготовленная речь связана с понятием “полного стиля произнесения”, введенным Л. В. Щербой, который противопоставлял “полный” и “разговорный” стили произнесения по их фонетическим характеристикам. Причем термин “стиль” он употреблял двояко: с одной стороны стиль понимается как “общая характеристика высказывания”, а с другой — как “детальная фонетическая характеристика высказывания” [Бондарко и др. 1974: 64]. Что касается общей характеристики высказывания, то более подходящим является термин *стиль произношения*. Конкретную фонетическую организацию описывает *тип произнесения*. Под *полным типом произнесения* понимается такое произнесение высказывания говорящим, когда можно определить фонемный состав произнесенного слова [Бондарко и др. 1974: 65]. В связной речи встречаются участки как полного типа, так и неполного. Варьирование доли участков полного и неполного типов связано с функциональным стилем произношения. Теоретически считается, что в спонтанной речи количество участков неполного произнесения больше, чем в подготовленной речи или при чтении. Однако В. И. Кузнецов показал, что характеристики связной неспонтанной речи, например, чтения, также во многом отличаются от идеальных характеристик отдельно произнесенных слов [Кузнецов 1997: 6].

Еще одно противопоставление, вводимое в лингвистике — противопоставление монолога и диалога. Отметим, что диалог может пониматься в узком или широком смысле. Диалог как форма речевого общения противопоставлен монологу. Часть лингвистов считает, что явление диалога оказывается имплицитно включенным в представление о коммуникативной сущности языка как общественного явления. Под монологом зачастую понимают письменную речь, а под диалогом — речь устную [Филиппов 1989: 35]. Как пишет Л. В. Щерба: “Диалог — это в сущности цепь реплик. Монолог — это уже организованная система. <...> Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке” [Щерба 1957: 115]. Это наиболее общее понимание монолога и диалога. В более узком смысле диалог понимают как разговор

двух лиц, непосредственный обмен репликами, направленный на адресата.

Присутствие адресата признается всеми лингвистами как важный фактор. К. А. Филиппов отмечает, что “присутствие партнера оказывает непосредственное влияние на структуру коммуникативной деятельности, позволяет контролировать, где реализованы коммуникативные намерения говорящего и реализованы ли они вообще” [Филиппов 1989: 17]. Немецкий лингвист Дресслер в своих работах также придерживается точки зрения, что “нельзя рассматривать диалог как одно длинное предложение, потому что акт коммуникации, в котором принимают участие несколько человек, нельзя свести к общению одного лица” [Dressler 1972: 83]. Таким образом, очевидно, что специфика диалога заключается в том, что речевые высказывания участников все время чередуются. Другая по сравнению с монологом коммуникативная ситуация приводит к изменению внутренних установок говорящего, и, как следствие этого, изменяются свойства его речи.

Таким образом, тип речи имеет большое значение для создания фонетического облика высказывания. Можно рассматривать различные классификации типов речи, однако в реальной среде каждый из таких типов может сочетаться с другими в зависимости от условий коммуникации, определяя “произносительный стиль” [Бондарко 1998: 259].

В данной работе исследуется монологическая и диалогическая речь. Под диалогом понимается обмен репликами двух коммуникантов, под монологом — чтение достаточно большого текста. Материал не является примером спонтанной речи, как монологический текст, так и диалог были прочитаны. Цель работы состоит в том, чтобы определить на основе двух видов чтения — монологического текста и смоделированного диалога, — влияет ли изменение экстралингвистической ситуации (наличие собеседника) на фонетические характеристики речевой последовательности или определяющим является фактор чтения.

В качестве экспериментального материала были выбраны монологические тексты и диалоги, записанные на двух языках — русском и немецком. Экспериментальным материалом на рус-

ском языке являются фонетически представительный текст и диалог, компоненты Фонетического фонда русского языка.

Фонетический фонд, созданный петербургской (ленинградской) группой ученых, объединяет основные лингвистические представления о фонетической системе русского языка с конкретными данными, полученными при изучении реализации этой системы. Текст записан в виде текста-рассказа и диалога о прочитанном тексте.

Немецким материалом послужил текст, составленный носителем языка, затем переработанный в диалогическую форму так, чтобы ответы на вопросы из диалога совпадали с некоторыми предложениями из текста. При этом основное внимание уделялось естественности реплик.

Для анализа из монологов и диалогов были выбраны одинаковые или близкие по своему составу предложения или части предложений. Дикторы готовились к прочтению текста, поэтому нельзя говорить о том, что диалог или монолог являются спонтанной реализацией. Однако Л. Р. Зиндер отмечал, что хотя чтение происходит на основе готового текста, "одно и то же предложение может быть прочитано с различной интонацией. Каждый раз оно может быть несколько иным" [Зиндер 1979: 267].

Немецкий материал не обладает теми же статистическими характеристиками, что и русский. Материал был подобран не столько с целью сопоставительных характеристик русского и немецкого языков, сколько для сопоставления монолога и диалога в рамках одного языка с последующим сопоставлением полученных результатов.

Были исследованы наиболее общие мелодические характеристики, такие как средняя длительность звука в предложении и синтагме, и базовые значения частоты основного тона.

Полученные результаты, характеризующие длительность звука на русском материале, показывают, что как средняя длительность звука с учетом пауз, так и артикуляторная длительность, т.е. длительность без учета пауз, варьируется и в монологе, и в диалоге. Большое значение имеет индивидуально-дикторское прочтение, тип структурной схемы и интонационная конструкция. Было получено подтверждение уже известных данных о том,

что средняя длительность звука в вопросительных предложениях имеет наименьшее значение, в простых повествовательных предложениях (с небольшим количеством звуков) — наибольшее. Полученные средние значения соответствуют первоначальной гипотезе о том, что темп речи в диалоге быстрее, однако выборка статистически недостаточно достоверна, чтобы опираться только на эти средние значения. Кроме того, достаточно большое стандартное отклонение (от 9 до 17% в зависимости от диктора) показывает, что достаточно велик интервал колебания средней длительности звука. Проанализированные отдельные значения показали, что средняя длительность звука в монологе практически всегда больше или равна средней длительности звука в диалоге. Для разных дикторов количество предложений, произнесенных в диалоге в более быстром темпе, варьируется. Для диктора К темп в диалоге в 90% случаев быстрее, чем в монологе, для диктора Т и S — в 63%, для диктора Р — в 55%.

Анализ средней длительности звука на немецком материале показал, что средняя длительность с учетом пауз также достаточно сильно варьируется в пределах одного типа речи (коэффициент вариации от 10 до 25%), однако все же меньше, чем в русском языке. Можно также отметить, что средние значения длительности звука с учетом пауз для немецкого языка меньше, чем для русского. На рассмотренном материале можно считать этот факт специфической характеристикой немецкого языка.

На материале немецкого языка была проанализирована также артикуляторная длительность звука в синтагме. Можно отметить, что для всех дикторов внутри одного типа чтения наблюдается достаточно большая вариативность значений (коэффициент вариации около 15%), однако все значения сосредоточены в определенном интервале, экстремальных значений для каждого диктора немного. Значения процентного приращения, характеризующего относительное удлинение средней длительности в тексте, показывают, что наблюдается достаточно большое количество случаев, в которых длительность в монологе меньше длительности в диалоге (для отдельных дикторов до 50%). Однако, по данным аудиторского эксперимента, темп в диалоге воспринимается как более быстрый. Возможно, это объясняется специфическими

изменениями акустических характеристик звуков. Е. И. Стериополо показала в своей работе, что между уровнем спонтанности речи и варьированием длительности гласных существует четко выраженная корреляция [Стериополо 1995: 330]. Хотя по ее данным видно, что при чтении изменения гласных происходят не столь значительно, однако прочитанный диалог был воспринят аудиторией-немцами как более естественный, поэтому вполне возможно, что в диалоге уменьшается длительность долгих гласных по сравнению с монологом. Исследование конкретных акустических характеристик звуков не входило в задачу данной работы, но представляется интересным провести их изучение с целью подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Был измерен мелодический диапазон для каждого диктора в тексте и диалоге, при этом нельзя говорить о том, что в диалоге он шире. Максимальные и минимальные значения ЧОТ для некоторых дикторов и в тексте, и в диалоге совпадают. Таким образом, о закономерностях изменения проанализированных частотных характеристик говорить трудно. Что касается специфических характеристик каждого языка, то можно отметить, что русский язык отличается большей шириной мелодического диапазона по сравнению с немецким.

На основании проанализированных параметров можно сделать вывод о том, что каждый язык характеризуется специфическими значениями фонетических характеристик звуков. Средняя длительность звука в немецком языке меньше средней длительности звука в русском в каждом из двух рассматриваемых типов чтения, мелодический диапазон в немецком не отличается такой шириной значений, как в русском. Однако эти особенности присущи не какому-то конкретному виду речи, они характеризуют в целом речь на данном языке.

Можно говорить о том, что в выбранных типах чтения — монологического текста и смоделированного диалога — и в русском, и в немецком языках наблюдаются изменения, присущие связной речи, описанные исследователями. Эти изменения происходят в первую очередь на сегментном уровне — при изначальной установке на старательность произнесения многие звуки произносятся небрежно, что отражается на их характеристиках.

Были исследованы достаточно глобальные параметры, характеризующие речевую последовательность. Диапазон значений этих параметров показывает, что, хотя выбранные типы речи не являются примерами спонтанной речи, им присущи вариативность и связность, наблюдаемые в естественной речи. Контекстная и ситуативная обусловленность — также характеристики спонтанной речи — в значительной степени наблюдаются как в монологическом тексте, так и в искусственно смоделированном диалоге. Те изменения фонетических характеристик речи в монологе и диалоге, которые были отмечены, не позволяют выявить различия между этими двумя видами речи. Очевидно, что в данном случае само чтение, т.е. неестественная речь, определяет параметры коммуникативной ситуации, наличие собеседника не оказывает существенного влияния на произносительные команды говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко 1998 — Бондарко Л. В. *Фонетика современного русского языка*. СПб. С. 275.
- Бондарко 1974 — Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. и др. Стили произношения и типы произнесения. *ВЯ*. № 2. С. 64–70.
- Гальперин 1981 — Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.
- Зиндер 1979 — Зиндер Л. Р. Лингвистика текста и фонология. *Тезисы докладов научно-методической конференции "Просодия текста"*. М.
- Зиндер 1979 — Зиндер Л. Р. *Общая фонетика*. М.
- Кузнецов 1997 — Кузнецов В. И. *Вокализм связной речи*. СПб. С. 247.
- Стериополо 1995 — Стериополо Е. И. *Система гласных и ее реализация в речи*. Дисс. ... докт. филол. наук. СПб. С. 422.
- Филиппов 1989 — Филиппов К. А. *Лингвистика текста и проблемы анализа устной речи*. Л. С. 96.
- Щерба 1957 — Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М. С. 190.
- Dressler 1972 — Dressler W. *Einfuehrung in die Textlinguistik*. Tuebingen.